

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва   1949   Ленинград

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Ответственный редактор член-корр. АН СССР *А. Д. Удальцов*

Зам. ответственного редактора *Т. С. Пассек*

Члены редколлегии:

А. В. Арциховский, С. Н. Бибилов, Б. Н. Граков,

С. В. Киселев, А. Л. Монгайт

І. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

М. И. АРТАМОНОВ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕЗЕ В СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ¹

Вопросы этнической принадлежности археологических культур, а тем более проблема этногенеза у буржуазных ученых России были очень слабо разработаны. Венцом своих достижений дореволюционные археологи считали этническую атрибуцию той или другой культуры. Объявив выявленный археологический комплекс славянским, финским, скифским, германским или каким-либо другим из числа известных этнических образований, археологи считали свою задачу выполненной, причем главным основанием для отождествлений служили географические совпадения. Если по историческим данным какой-либо народ обитал на месте археологической находки в то время, которым определяется данный археологический памятник, этого было достаточно, чтобы объявить этот памятник оставленным именно этим народом.

Задача исследования по сути дела ограничивалась приурочиванием этнических ярлыков к археологическим культурам, причем социально-экономическое содержание культур оставалось для археологии глубоко безразличным. Отношения между культурами сводились к механическим перемещениям и смещениям. Это не была история в том смысле, в каком ее понимает марксистская наука.

Естественно, что в борьбе за перестройку археологии на новых методологических основах советские археологи в первую очередь занялись социально-экономической расшифровкой археологических явлений и изучением процессов хозяйственного и социального развития по археологическим данным. Каждый шаг на пути овладения марксистской методологией в археологической науке им приходилось брать с бою. Победа над вещеведческим формализмом, над буржуазной антиисторичностью археологии далась нелегко; нелегко было советской археологии избавиться и от своих собственных ошибок, от уклона в бесплодную социологию. Указания руководящих партийных органов помогли выправить положение на историческом фронте, а вместе с тем и в археологии.

К началу Великой Отечественной войны советская археология представляла собой раздел истории, разрабатывающий вещественные памятники как источники исторического исследования. Исследование конкретных явлений древней истории, требующее значительного накопления и тщательного анализа археологических памятников, естественно, не могло в короткие сроки

¹ Печатается в порядке обсуждения.— *Ред.*

дать широкие картины исторического развития, какие без особого труда создавались путем беспочвенного социологизирования на основании умозрительных заключений. Тем не менее советские археологи уже в 1937 г. смогли взяться за такой ответственный труд, как написание древнейшей истории СССР. Известно, с каким воодушевлением работал коллектив ИИМК над «Историей СССР» и над другими обобщающими трудами, параллельно вошедшими в план Института.²

На новом этапе в развитии исторической науки в СССР необходимо было подвести итог нашим знаниям, навести, таким образом, порядок в своем хозяйстве и определить задачи дальнейшего исследования. Быстро был подготовлен первый вариант двухтомного труда по древнейшей истории СССР, который сыграл большую роль в развитии нашей науки. Я упоминаю здесь этот труд вовсе не для того, чтобы оценивать его роль и значение в целом. В данном случае он интересует нас в отношении этногонических вопросов, которые, однако, в этом труде почти отсутствуют. Лишь в очень немногих местах, очень робко и несамостоятельно затрагиваются они в отношении некоторых народов. Центральное место в «Истории СССР» занимают проблемы экономической и социальной истории, т. е. проблемы, которыми больше всего занималась советская историческая наука.

Вопросы этногенеза не получили отражения в «Истории СССР», потому что советская наука, в частности советская археология, в предшествующий период своего развития занималась ими совершенно недостаточно, несмотря на то, что основатель и руководитель важнейшего археологического учреждения нашей страны — ГАИМК — ИИМК — Н. Я. Марр придавал этим вопросам огромное значение и своим учением о стадильном развитии языка открыл путь для их разрешения. Известно, какое большое значение придавал Марр «увязке» языка с историей материальной культуры, т. е. языкознания с археологией. В этой «увязке» Марр усматривал не только возможность найти в археологических данных опоры для заключений, основанных на материалах языка, но и стимулы для развития самой археологии как действительно исторической науки. Археология не оправдала ожиданий Марра. Археологические исследования ГАИМК, связанные с учением Марра, весьма немногочисленны и в большинстве своем по своей направленности и по результатам они не имеют отношения к проблеме этногенеза, а если и касаются ее, то без ясного понимания вопроса. Это произошло потому, что советская археология не могла стать на путь этногонических исследований раньше, чем будут решены, хотя бы приблизительно, хотя бы вчерне, вопросы социально-экономической истории. Только пройдя этот закономерный этап, советская археология могла заняться этнической историей и использовать для этой цели богатейшее наследство Марра.

В успехе нашей науки по этногоническим проблемам существенную роль сыграла Великая Отечественная война. Фашизм для идеологической подготовки к войне за мировое господство, как известно, широко использовал расовую теорию и легенду об избранничестве германского народа, о его исконном превосходстве над всеми другими народами и, прежде всего, над славянскими народами. Перед советской наукой встала задача борьбы с фашистскими «историческими построениями». Этногонические проблемы приобрели острую политическую актуальность. В годы кровавой борьбы с фашизмом актуальность этих проблем еще повысилась в связи с выковывывавшимся в огне сражений крепким союзом славянских народов. Историческая наука должна была показать, как возникло этническое родство славян, и опровергнуть гнусную клевету о всегдашней культурной отсталости славянства и его зависимости во всех отношениях, в первую очередь, от германцев.

² История СССР с древнейших времен до образования Древне-русского государства, части I—II и III—IV (2 тома). М.—Л., 1939.

В данном случае мы не можем останавливаться на вопросе о том, как справилась с этой задачей советская историческая наука в целом, но не можем обойти молчанием участие археологии в ее разрешении. К началу войны наша наука только приступала к вопросам этногенеза и не успела еще накопить в этой области сколько-нибудь серьезных данных. Замечательно, что даже археологи по специальности при рассмотрении этногонических вопросов скорее и охотнее обращались к фактам языка, чем к своим материалам. Археологические же обоснования этногонических построений неспециалистов-археологов, к сожалению, привели к весьма плачевным результатам.

Чтобы не быть голословным, коснусь одной книги академика Н. С. Державина. В годы войны Н. С. Державин выпустил несколько книг, рассчитанных на широкого читателя и дающих ответы на актуальнейшие, остро волнующие вопросы о происхождении и родстве славянских народов. Одна из них — «Происхождение русского народа» — издана в 1944 г. В этой книге автор пользуется не только лингвистическими, этнографическими, фольклорными, антропологическими, историческими данными, но и археологическими. Но какими археологическими данными он оперирует? Очень устаревшими. Так, например, на первых же страницах, говоря о палеолитическом населении нашей страны, он заявляет, что «генетически культура названного района не увязывается с палеолитической культурой так называемого неандертальского типа, открытой на Пиренейском полуострове (?), а также во Франции и некоторых других местах Западной Европы».³ С какой же культурой она увязывается, если не с неандертальской? Эта «палеолитическая культура интересующего нас района по археологическим данным (!) представляет собой своеобразный местный тип, увязываемый с культурой Эгейского моря».⁴

Оказывается, таким образом, что, кроме культуры неандертальского типа, — называемой так, очевидно, потому, что она связывается с неандертальским типом человека, — в среднем палеолите была еще особая культура Эгейского моря, надо полагать, с каким-то другим предком *homo sapiens*, если только не с самим представителем этого вида и притом не имеющим никакого отношения к неандертальцу. Вот что получается в результате недостаточного внимания к достижениям советской археологии и антропологии.

Дальше дело с археологией у него обстоит не лучше. Продолжая цепь рассуждений, связывающих славян с отдаленными предками, автор останавливается на трипольской культуре и сочувственно цитирует заключение В. В. Хвойко о том, что в трипольском народе «можно видеть только наших предков славян (или протославян)».⁵ У Державина нет решительно никаких сомнений, что скифы-пахари и земледельцы — «потомки уже известных нам на Приднепровье землеробов-трипольцев, продолжавших в героическое время оставаться на тех же местах, где они и до Геродота сидели искони веков»,⁶ с палеолита. В другом месте Державин заявляет, что «начиная с эпохи палеолита и вплоть до наступления железного века, подводящего нас уже вплотную к новой эре, здесь жил один и тот же, в основном, народ».⁷ Начиная с новой эры, мы знаем этот народ как славян. Это упрощенное понимание сложнейших этногонических процессов является результатом использования, с одной стороны, устаревших, а с другой — неправильно понятых археологических данных.

Н. С. Державин выступает как сторонник положений Н. Я. Марра. Он говорит об историчности этноса, о стадильности, о скрещении, и при

³ Академик Н. С. Державин. Происхождение русского народа. М., 1944, стр. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 5—6.

⁶ Там же, стр. 16.

⁷ Там же, стр. 7.

всем том в своих суждениях о прошлом славянства он в качестве последнего слова археологической науки пользуется вышедшей в 1913 г. работой В. В. Хвойко. Это объясняется, конечно, не тем, что в советской науке вовсе нет работ, относящихся к славянскому этногенезу и к этногенезу вообще; это означает, что до настоящего времени не было ни одной работы, которая заменила бы Хвойко и дала историкам археологические данные в соответствии с современным уровнем нашей науки. Иными словами, у нас не было работ обобщающего характера и популярных, доступных неархеологам.

Я уже отмечал, что в «Истории СССР» проблемы этногенеза не получили надлежащего освещения. Однако в области этногенеза работа велась. Еще в довоенные годы ИИМК подготовил сборник по этногенезу восточных славян.⁸ Это, в сущности, был первый в нашей науке серьезный труд, где проблема этногенеза славян ставилась перед археологией; это был первый опыт нащупывания путей, ведущих к решению проблем на новых методологических основах. В предисловии к этому сборнику говорится: «Первая задача, которую Институт считает для себя возможным разрешить в ближайшие годы, заключается в опубликовании и исследовании, в связи с проблемой происхождения восточных славян, накопленных наукой археологических материалов...»⁹ «Сейчас еще преждевременно строить теорию славянского этногенеза во всей ее полноте; вместе с тем было бы неразумно пускаться в большое плавание без компаса и плана».¹⁰ Коллектив ИИМК в своих работах над проблемой этногенеза руководствуется теоретическими положениями учения Марра о языке и с точки зрения этого учения рассматривает археологический материал. Таким образом, сборник мыслится как начало разработки одной из важнейших проблем, а отнюдь не как ее окончательное решение.

Ведущее место в этом сборнике заняла работа П. Н. Третьякова «Северные восточнославянские племена», в которой была дана попытка разрешения вопроса о происхождении северной части восточных славян. Мне в данном случае хотелось обратить внимание на этот труд, как на важнейшую веху в истории нашей науки, как на доказательство того, что важность проблемы этногенеза была осознана советскими археологами еще до войны и что тогда же они приступили к разработке этой проблемы. Отмечу еще и другое показательное в этом отношении явление. Вышедший в 1941 г. выпуск XI «Кратких сообщений» был посвящен итогам состоявшегося в Москве в мае 1940 г. совещания по этногенезу народов Севера. Этот номер показывает, что интерес к проблеме этногенеза проявили широкие круги археологов, включая специалистов по Северу СССР.

Нет надобности приводить другие доказательства развернувшейся работы по вопросам этногенеза, которая велась не только археологами. За тот срок, в течение которого советская археология особенно усиленно занималась перед войной проблемой этногенеза, конечно, много сделать было невозможно. К сожалению, даже то, что было сделано, не полностью успело выйти за пределы узкого круга участников работы. Так, упомянутый сборник по этногенезу восточных славян, изданный в серии «Материалов и исследований по археологии СССР», не успел выйти в свет. Вот причины, по которым могли появиться ошибки, подобные имеющимся в работе «Происхождение русского народа».

Победоносное окончание войны создает новые благоприятные условия для небывалого расцвета нашей науки и, в частности, для широкого развертывания этногонических исследований. Одним из центров этих исследований стал Институт этнографии АН СССР. В программной передовой

⁸ Этногенез восточных славян, т. I. Мат. и иссл. по археол. СССР, № 6, М.—Л., 1941.

⁹ Там же, стр. 7.

¹⁰ Там же, стр. 8.

статье в периодическом органе этого Института дается определение предмета этнографии как «отрасли истории, исследующей культурно-бытовые особенности различных народов мира в их историческом развитии, изучающей проблемы происхождения и культурно-исторических взаимоотношений этих народов, восстанавливающей историю их расселения и передвижения».¹¹ В этом определении отсутствует только одно слово, характеризующее специфику этнографии со стороны материалов и источников ее исследования. В этнографии дело касается культурно-бытовых особенностей «современных» народов, тех особенностей, которые поддаются наблюдению в живом быту, не исключая, конечно, и так называемых пережитков и даже, наоборот, обращая на них особенное внимание, поскольку именно они как отложения предшествующих этапов культурного развития этих народов и дают возможность составить представление об истории этого развития. Следовательно, в разрешении поставленных выше задач этнография не может обойтись без археологии, поскольку культурно-бытовые особенности различных народов не современности, а более или менее отдаленного прошлого изучаются преимущественно археологией, и это составляет специфику данной науки. С. П. Толстов, автор цитированного определения этнографии, несомненно, все это отлично понимает и вполне отчетливо говорит о тесном сотрудничестве этнографии с археологией и антропологией, однако в своем определении этнографии он не проводит четкой границы между этой наукой и археологией.

Как бы то ни было, в послевоенное время в изданиях Института этнографии мы находим статьи, относящиеся к проблеме этногенеза. Проблемы этногенеза настолько сложны и многообразны, что ограничиваться при их исследовании одним каким-либо кругом источников совершенно невозможно и даже опасно. Они требуют привлечения всей совокупности данных и взаимопроверки выводов, полученных на разном материале.

В отличие от этнографии, археология имеет дело не с более или менее отрывочными и притом в большинстве случаев сильно видоизмененными пережитками прошлого, а с прошлым, овеянным в памятниках материальной культуры. Положение этнографа проще: он имеет возможность наблюдать живой быт во всех его проявлениях как целое, но зато о прошлом наблюдаемого народа ему судить весьма затруднительно. И лишь сопоставление этнографических, исторических и археологических данных может дать действительную историю того или другого народа.

В основе буржуазных представлений о происхождении народов лежит учение о расово-биологических изначальных признаках этнических образований. Так, немцы, например, ведут происхождение германцев с неолита и даже в палеолите ухитряются находить ядро этого народа-расы. Понятия «раса» и «этнос» отождествляются между собой. Вся этническая история человечества сводится при этом к борьбе рас, к подчинению одной расы другой и к смешению их между собой. Различая расы духовно более или менее одаренные, творческие и пассивные, сторонники буржуазной расовой теории относят к первым все культурное развитие человечества, приписывая им все изобретения и усовершенствования как в области материальной, так и духовной жизни. По фашистским воззрениям, северная длинноголовая раса, вследствие своих высоких природных качеств, сыграла решающую роль в истории человечества. Она была основным творческим началом культуры, которая развивалась повсеместно лишь постольку, поскольку в этом принимал участие северный, «нордический» расовый элемент. Право на мировое господство немецкие фашисты обосновывали принадлежностью немецкого народа к сохранившей свою чистоту высшей

---

¹¹ С. П. Толстов. Этнография и современность. СЭ, 1946, № 1, стр. 3.

длинноголовой северной расе. Американские и английские империалисты в настоящее время не стесняются подкреплять свои грабительские претензии учением о превосходстве англо-саксонской расы.

На самом же деле для определения качеств народов расовые признаки никакого значения не имеют. К тому же любой народ представляет собой соединение множества расовых типов, являясь результатом весьма древних и не прекращающихся доныне смешений различных расовых групп. Более того, оказалось, что сами так называемые расовые признаки не остаются неизменными.

Советская наука в вопросе об этносе исходит из учения И. В. Сталина о нации. В своих специальных исследованиях она использует опыт работ Н. Я. Марра об этногенезе «как процессе качественной трансформации сменявших друг друга в ходе исторического развития этнических образований, об этногенезе как социально-историческом, а не биологическом процессе». Об этом хорошо сказал в указанной выше статье С. П. Толстов, которого я в данном случае частично цитирую. Этнос и раса вовсе не одно и то же; это совершенно различные явления, отождествление которых не только ненаучно, но и бессмысленно. Этнос — категория не биологическая, а социальная, следовательно историческая. Этническая общность — результат не происхождения, а экономических и социальных отношений, хотя отдельный человек в большинстве случаев становится членом того или другого народа или племени по обстоятельствам рождения.

В буржуазной науке господствует представление о происхождении родственных народов путем расселения так называемого пранарода. Марр же доказал, что развитие языка идет не от единства к множественности, а от множественности к единству.

На заре человеческой истории отдельные группы людей были весьма слабо связаны между собой, и каждая группа совершенно самостоятельно добывала средства к существованию. Вооруженные каменными, костяными и деревянными орудиями, они по уровню своего культурного развития были сходны одна с другой, но каждая создавала свои собственные обычаи и говорила на своем языке. Следовательно, этнически группы были различными. Прежде всего, совместный труд, а не одна только общность происхождения, объединял их в единый коллектив. Отпочковавшийся от данной группы новый коллектив становился вполне самостоятельным образованием, мало связанным с коллективом, из недр которого он вышел, и с течением времени приобретал свои собственные этнические признаки. Но так было только в древнейшие эпохи существования человечества.

С усложнением культуры между отдельными коллективами устанавливались все более прочные связи, необходимые для успешной борьбы за существование.

Одним из важнейших способов закрепления этих связей было установление обычая перекрестных браков между группами, в связи с чем в конце концов и возникают: род как совокупность людей общего происхождения, считавшегося сначала только по матери, брак между которыми запрещен, и племя — совокупность родов, находящихся в брачных отношениях между собой. Производственные общины, на которые распалось племя, были тесно связаны между собой брачными и иными отношениями; благодаря этому в каждой из них жили совместно представители разных родов. В результате такого смешения племя приобретало общие для всех членов этнические признаки и, прежде всего, общий племенной язык.

Следующим этапом в процессе этногенеза можно считать установление постоянных связей между племенами, причем главной формой связи ста-

новится теперь уже не брак, а обмен и совместные предприятия, вроде войны для обороны от соседей или, наоборот, для нападения на них.

Союзы племен сыграли очень важную роль в образовании народностей, и едва ли хоть какая-нибудь из них представляет результат простого размножения племени, а не объединения нескольких племен и притом не родственных между собой. Однако значение союзов племен и вообще политических образований даже типа государства в процессе этногенеза не следует преувеличивать. Истории известны государства, существовавшие долгое время, но не создавшие в своих границах единого народа. Входявшие в их состав племена и народы упорно сохраняли свои особые языки и другие этнографические признаки.

Политические объединения облегчали связи между племенами и народностями, но основой этнического сближения была исторически возникшая общность экономической основы, общественного строя и идеологии. На этой основе, вне зависимости от политических границ, возникало этническое сходство между отдельными племенами, не переходящее, однако, в полное тождество. Такие более или менее сходные группы племен и народов составляют этнические семьи. Так, ныне существуют славянская, романская, германская и другие семьи близко сходных между собой народов. Все они, в свою очередь, образуют по сходству уже значительно меньшего количества признаков индоевропейскую группу народов, наряду с которой существуют другие такого же рода группы, например угрофинская, турецкая, семитическая и др.

Не следует думать, что ныне существующие языковые или этнические группы и семьи образовались с самого начала возникновения этнической общности между племенами. Наоборот, они в большинстве своем сравнительно поздние образования, появившиеся в некоторых случаях буквально на глазах истории. Так, например, романская семья сложилась в средние века из латинян, кельтов, иберов, германцев и других более древних этнических образований. Истории известны большие этнические группы, от которых ныне сохранились только незначительные остатки или не уцелело ничего. Вовсе исчезла обширная группа фракийских племен, не сохранились скифские племена, исчезло немало и других древних этнических групп; даже наименования некоторых из них нам остаются неизвестными. Эти группы племен и народностей не были уничтожены физически, они перестроились в новые этнические образования. Так, например, из скифов, фракийцев, венедов, балтов и других этнических групп образовались славяне, с самого начала своего существования распадавшиеся на различные племена и народности. Точно так же любая другая современная этническая семья образовалась из многих более древних этнических элементов и никогда не составляла единого пранарода.

Превращение древних этнических образований в новые связывалось с существенными переменами в их материальной и духовной жизни и являлось выражением этих перемен. Вместе с новыми орудиями производства, с новым типом хозяйства, с новыми производственными отношениями возникали новые связи, новый быт, новые понятия, появлялись новые слова и новые формы для выражения мыслей, возникали новые языки. Все это в корне преобразовывало старые этнические образования. Таким путем возникали новые этнические группы с новыми границами своего распространения.

Таков основной путь возникновения народов. Но само собой разумеется, что в действительности дело происходило много сложнее, чем можно изложить в общей форме. В действительности этот путь осложнялся множеством привходящих обстоятельств, в числе которых немалую роль играли завоевания и переселения. Важно подчеркнуть, что роль последних была

не основной, а второстепенной и что буржуазная наука искажает историю, когда объясняет ими все этнические изменения. Буржуазная наука искажает историю, выдвигая в качестве основного фактора исторического процесса борьбу рас и сводя этнические изменения к разным формам смешения завоевателей и побежденных и к влияниям одного народа на другой. Буржуазная наука не только искажает, но и отрицает историю, утверждая неизменность основных этнических признаков и сводя этнос к расе. Она клеветает, объясняя культурную отсталость некоторых народов их расовой неполноценностью, а не историческими условиями их существования. Это нужно империалистической буржуазии для обоснования своей политики порабощения колониальных и полуколониальных народов и угнетения национальных меньшинств в своей стране; это нужно буржуазии и для оправдания своего классового господства в качестве якобы представителей наиболее чистого и одаренного расового типа.

В Советском государстве нет места расовому и национальному угнетению. Советский строй несет миру подлинное братство народов. Советская наука разрабатывает действительную историю возникновения и развития народов. Этой проблемой занимаются и антропологи, изучающие физические типы людей (расы), и этнографы, занятые обследованием национальных особенностей, и археологи, воскрешающие по находимым в земле остаткам черты древнего быта, и, наконец, лингвисты, изучающие языки в их развитии. Для советской науки нет народов исторических и неисторических. Все народы исторические, все прошли долгий путь развития до своего нынешнего состояния, и этот путь надо знать для того, чтобы не вслепую, а сознательно идти к будущему.

Этнографу, оперирующему большой совокупностью признаков, нетрудно различать этнические образования между собой. К его услугам язык, самосознание членов этих образований и, наконец, признаки материальной культуры и быта. Положение археолога много сложнее. Единицей археологической классификации является «культура». Это тоже совокупность этнографических признаков, но количественно весьма и весьма уступающая числу признаков, которыми располагает этнограф. В распоряжении археолога нет такого существенного, можно сказать, основного признака этноса, каким является язык. Тем не менее принято ставить знак равенства между археологической культурой и этническим образованием. Говоря о культурах, археология, если не прямо заявляет, то молчаливо подразумевает, что речь идет о племенах или народах. Поэтому первый вопрос, который надлежит задать при обсуждении вопроса о роли археологии в разрешении этногонических проблем, это — насколько правильно такое отождествление этноса с культурой? Мы, к сожалению, никогда не обсуждали этого вопроса, а обсудить его совершенно необходимо, иначе мы никогда не придем к взаимопониманию и единству действий, столь необходимому в этногонических исследованиях, обращенных к археологическим памятникам.

Исходя из опыта этнографии с ее различными формами этнографических культур, присущих различным народам, следует признать, что и в отождествлении археологических культур с различными этническими образованиями в принципе нет ничего ошибочного. Этнические особенности не ограничиваются языком, а распространяются и на другие стороны культуры как духовной, так и материальной. И основное затруднение, встающее при исследовании этнических отношений, заключается в том, чтобы правильно оценить то или другое явление как стадильное или этническое, т. е. как свойственное определенному этапу социально-экономического развития в широком распространении более или менее общих географических и исторических условий или только данному этническому образованию в его строгой ограниченности. Невозможно указать общий принцип, который

следует положить в основу такой оценки, а следовательно, и отбора этнографических признаков в археологических данных, так как то или другое широко распространенное, стадияльное явление обычно выступает в каждом отдельном случае в своеобразной этнической окраске, и, наоборот, признаки этнографического порядка генетически восходят к явлениям стадияльного значения.

Как уже сказано выше, археолог имеет дело с крайне ограниченным количеством этнографических признаков, и ему в каждом отдельном случае приходится решать, насколько признаки, имеющиеся в его распоряжении, могут служить для этнических заключений. Практически дело заключается в том, чтобы решить в отношении каждого данного памятника, представляет ли он особую культуру или принадлежит к какой-либо одной из уже известных и к какой именно. Решение этой задачи вовсе не простое, ибо культура, даже в узком значении этого термина, представляет ряд локальных и хронологических вариантов, к тому же культуры не разделены китайскими стенами между собой, а подчас незаметно переходят одна в другую. Далее археолог сталкивается еще с одним специфическим затруднением — количественной и качественной неравноценностью имеющихся в его распоряжении материалов. Бывают случаи, когда определение культурной принадлежности памятника оказывается невозможным вследствие недостаточности заключающихся в нем признаков. Так, например, кто возьмется установить во всех случаях культурную принадлежность погребения без инвентаря или с малым и невыразительным инвентарем? Бывают случаи, что в силу этого рода причин памятники, относящиеся к одной культуре, объявляются различными и, наоборот, разные объединяются в одну культуру. Все археологи по опыту знают сложность рассматриваемой задачи, и нет надобности дальше останавливаться на этом вопросе.

Культура — это совокупность признаков этнографического порядка; в рамках каждой культуры в узком значении этого термина заключается особое этническое образование — племя или народ. Такое допущение мы не только можем, но и обязаны сделать, опираясь прежде всего на опыт этнографических исследований. Едва ли может возникнуть сомнение и в том, что сходные археологические культуры представляют собой родственные этнические образования. С этой точки зрения, например, культуры скорченных и окрашенных погребений или расписной керамики должны расцениваться как совокупность более или менее родственных этнических образований. Общность их, распространяющаяся на некоторые этнографические признаки, отнюдь не стадияльного порядка; к тому же они несут определенную культурную традицию, которую естественно рассматривать как этническую связь между ними.

В самом деле, сопоставим те же культуры европейской расписной керамики с европейскими же мегалитическими культурами. В стадияльном отношении те и другие близко сходны между собой: и те и другие представляют один и тот же этап экономического и социального развития, в обоих случаях мы имеем дело с примитивным земледельческо-скотоводческим хозяйством и с отчетливо выступающими признаками матриархально-родового строя. Однако облик этих культур существенно различен, и некоторые признаки, характерные для культур расписной керамики, не повторяются в мегалитических культурах, и наоборот. Мы бы сказали, что этнографический облик их совершенно различный. В пределах же этнографически сходных культур мы вправе усматривать более или менее близкое этническое родство их носителей. Однако мы не гарантированы и от серьезных ошибок. Так, например, если бы пришлось судить об этническом составе современного населения Кавказа по тем признакам, какими обычно располагает археолог, т. е. лишь по некоторым предметам материальной культуры,

то мы бы, вероятно, пришли к заключению, что это население в этническом отношении если не однородно, то близко родственно между собой; таким образом мы впали бы в грубейшую ошибку. Население Кавказа, весьма сходное этнографически, этнически делится на несколько совершенно различных групп. Там есть и яфетиды, и тюрки, и индоевропейцы.

Главный отличительный признак их — это язык, т. е. такой признак, учет которого совершенно невозможен для археологии. Таким образом, при допущении отождествления археологической культуры с этническим образованием мы должны считаться с возможностью и в более или менее отдаленном прошлом такого же положения, какое наблюдается в настоящее время на Кавказе, а именно — перекрывания одной и той же или близко сходными культурами не родственных, а, наоборот, совершенно чуждых друг другу этнических образований.

Прекрасный пример такого перекрывания представляет всем известная скифо-сибирская культура, с поразительным однообразием простирающаяся на огромной области от Карпат до Северной Монголии. Только крупный специалист, да и то не во всех случаях, может отличить вещи этой скифо-сибирской культуры, происходящие из Поднепровья, с Кавказа или с Алтая. А между тем имеются положительные свидетельства, что в области распространения этой культуры обитали этнически различные племена. Правда, Геродот указывает, что савроматский язык был родственен со скифским, но рядом со скифами жили невры, андрофаги, меланхлены, будины и другие племена, которые по образу жизни, по одежде, иначе говоря, по культуре не отличались от скифов, но говорили, как свидетельствует Геродот, на других нескифских языках. Таким образом, в рамках одной и той же культуры заключались различные этнические образования.

Если же это так, то указанное выше исходное допущение тождества между археологической культурой и этническим образованием теряет всякую ценность для исследования этногенеза по археологическим данным. Получается, что одна и та же культура может представлять совершенно разные народы или племена, из чего логически следует, что один и тот же народ может обладать несколькими археологическими культурами. При таком положении исследование этногенеза археологией становится бессмысленным занятием. Археология по самой природе своих источников как будто не способна к разрешению данной проблемы.

На самом деле это не так. Опыт, непосредственное наблюдение показывают, что как бы ни велико было нивелирующее влияние той или другой стадийной культуры, охватывающей разные по своей этнической принадлежности племена и народы, в их быту всегда остается достаточно черт, позволяющих отличать их один от другого. Важно количество и качество наблюдений. При общности современной европейской культуры остается многое, что отличает шведа от финна, француза от англичанина, помимо языка. Эти отличия обусловлены, в первую очередь, исторической традицией каждого из них, и надо думать, что они исчезнут не раньше, а позже исчезновения различий в языке. Разные по этнической принадлежности культуры нам представляются однородными только при общем, поверхностном обозрении. При тщательном же наблюдении обнаруживаются признаки, достаточно характерные и постоянные, чтобы служить основанием для разграничения и помимо языка. Так обстоит дело в современности, так обстоит оно и в прошлом. При всей кажущейся, на первый взгляд, однородности археологических культур с различными традициями, иначе говоря — этнически не однородных, обнаруживаются более или менее заметные и существенные отличия. Все дело только в том, чтобы их заметить и учесть.

Для примера можно сослаться на поднепровскую культуру полей погребений. Давно ли полагали, да некоторые полагают и теперь, что область распространения этой культуры как этнического образования простирается повсюду, где встречается характерная лощеная керамика. В качестве типичного памятника этой культуры в днепровском левобережье рассматривается Кантемировский могильник. Однако такой взгляд мог оставаться только до тех пор, пока принадлежность к этой культуре определялась исключительно по керамике. Достаточно было приглядеться к другим характерным признакам этого могильника, чтобы стало ясно, что он содержит такие признаки, которые вовсе не свойственны культуре полей в собственном смысле. В Кантемировском могильнике обнаружены катакомбные погребения, каких культура полей вовсе не знает, но которые свойственны и более ранним, чем Кантемировский могильник, так называемым сарматским погребениям и более поздним могильникам салтовского типа. Кантемировские курганные погребения в катакомбах вместе с другими сходными памятниками ныне выступают как звено, соединяющее сарматскую и салтовскую культуры и как бесспорное свидетельство внедрения инородного этнического элемента в славянскую или, точнее, антскую среду в днепровском левобережье, а отнюдь не как памятники собственно славян, хотя керамика из этих погребений действительно не отличается от керамики полей погребений.

Можно было бы привести еще примеры, показывающие, что культуры можно определять только по совокупности признаков; повторение какого-либо одного или даже нескольких признаков отнюдь не доказывает ни единокультурности, ни этнического тождества или родства. Коротко остановлюсь еще на одном примере, в значительной степени только потому, что его иногда пытались направить против меня самого.

Мне приходилось указывать, что в нижнем Подонье и на Таманском полуострове славянское заселение относится к X в. и что в более раннее время славян там не было. В противоположность этому некоторые археологи настаивали на значительно более раннем заселении славянами юго-востока нашей страны. В качестве доказательства эти археологи приводят нередкие случаи находок и на Дону, и на Тамани, и на Кубани, и в Крыму и даже на Волге, сделанных на круге серых горшков с линейным и волнистым орнаментом, действительно весьма сходных с характерной славянской посудой. Оставим в стороне тот факт, что эти горшки некоторыми своими признаками отличаются от славянских: у них несколько иная форма, другого вида венчик, имеются особенности и в орнаментации. Отметим самое главное — что горшки эти встречаются в комплексах, совершенно не похожих на славянские. Другая сопутствующая им керамика вовсе не свойственна славянам; металлический инвентарь и формы погребений также неславянские. Таким образом, большинство признаков той культуры, в состав которой входят упомянутые горшки, существенно отличается от славянских, ввиду чего и эту культуру, а следовательно, и горшки нельзя считать славянскими, тем более, что и генетика данной культуры совершенно иная. Этот пример показывает, как опасно при определении этнической принадлежности пользоваться только одним каким-либо признаком, выхваченным из комплекса или не связывающимся с другими признаками.

Мы признаем, что этнос — категория историческая, что этногенез представляет процесс качественных трансформаций, в результате которых одни этнические образования сменяются другими, совершенно отличными от них; мы признаем, наконец, смешение и скрещение как одно из важнейших явлений культурной и этнической истории. Переводя эти наши теоретические представления на археологический язык, мы можем сказать, что

устойчивость признаков культуры означает устойчивость этноса, и, наоборот, исчезновение этих признаков и замена их новыми свидетельствуют о каких-то переменах этнического характера. Пользуясь только археологическими данными, оценить значимость этих перемен очень трудно, тем не менее они, несомненно, знаменуют степень перемен и их глубину и, помимо, могут указывать на переход количества в качество.

В самом деле, когда в Северо-Западной, Центральной и Восточной Европе наряду с примитивными земледельческо-скотоводческими культурами появляются и с течением времени занимают доминирующее положение культуры пастушеские, представляемые различными локальными вариантами так называемой культуры шнуровой керамики, когда в рамках этих культур стираются прежние культурные границы и устанавливаются новые, мы вправе предположить, что в это время и в самом этническом содержании населения произошли существенные перемены. Весь жизненный строй, насколько мы можем судить по археологическим данным, перестраивается по-новому, старые традиции исчезают, возникают новые. В данном случае важно подчеркнуть, что генетические связи в культурах означают линии этнического развития, что с переменой этноса коренным образом меняется и культура, даже понимаемая как археологическая категория.

Я не утверждаю, что археологические культуры во всех случаях правильно определены и что группировки культур в хронологическом и территориальном разрезе всегда безупречны. Многие в этом смысле нуждаются в проверке, в уточнении и даже в коренной перестройке, ибо произведено все это, так сказать, грубо эмпирически, без должного теоретического контроля. Но в общем надо полагать, что культуры и их группировки окажутся правильными.

Оценивая отношения культур между собой, степень их сходства или генетическое родство, мы тем самым намечаем линии этнических связей. В этом как раз и заключается огромная ценность археологических методов исследования этногенеза. Благодаря им мы получаем возможность представить этногонические процессы во времени и в пространстве, т. е. сделать то, чего не в состоянии сделать никакая другая историческая наука — ни лингвистика, ни этнография.

Я не хочу создавать преувеличенного представления о возможностях археологии. При всех своих достоинствах она улавливает в первую очередь внешние перемены. Что же касается внутреннего содержания, то раскрытие его становится для нее возможным лишь при участии других исторических дисциплин. Невозможно было бы понять сущность родового строя, если бы он не был известен по этнографическим данным. Точно так же осталось бы непонятным содержание этнических перемен, если бы их не обнаружила лингвистика. Таким образом, археология может улавливать сигналы об этнических изменениях, но полное раскрытие их возможно лишь при участии других исторических наук и прежде всего лингвистики.

В заключение коснусь некоторых вопросов славянского этногенеза, стоящего, бесспорно, в центре внимания советской науки. Я уже отмечал, что в этом направлении пока сделано очень мало. Оказывается, что для сколько-нибудь ответственных положительных заключений в области славянского этногенеза мы не располагаем достаточным материалом. Большие и притом важнейшие периоды в истории славянства оказываются археологически не освещенными или освещенными очень слабо; огромные области остаются археологически не обследованными в отношении славянского этногенеза. В настоящее время стало общим местом признание генетической связи культуры полей погребений с культурой исторического славянства, но период между этими культурами, и притом не маленький, обнимающий

около половины тысячелетия, остается археологически не изученным. В чем дело? Действительно ли в нашем распоряжении нет памятников, относящихся к этому периоду, или не научились еще их различать, причисляя к культурам, между которыми они должны быть поставлены? Наблюдения, произведенные в последние годы, говорят в пользу второго. Памятники имеются, но они настолько тесно сливаются с сопредельными культурами, что с трудом могут быть выделены в самостоятельную группу. Эта близость их к сопредельным культурам свидетельствует и об органической, нераздельной связи исторической славянской культуры с культурой полей погребений, подтверждая старую догадку об их прямой генетической связи и о принадлежности культуры полей погребений к памятникам славянской линии этногенеза.

Значительно сложнее вопрос о возникновении исторической славянской культуры в областях, куда культура полей не проникала. Сюда относится, прежде всего, огромная область северной части восточнославянских племен — бассейн верхнего Днепра, верхний Двины, оз. Ильмень, верхней Волги, Оки, верхнего Дона и Десны. Здесь историческая славянская культура появляется в формах, весьма близких к распространенным и на других занятых славянами территориях, но без предшествующей ей культуры полей погребений. Следует ли объяснять появление славян за пределами области полей погребений, основного, как принято думать, очага восточнославянского этногенеза, в результате расселения славян как законченного этнического образования и вытеснения ими предшествующего неславянского населения? На этот вопрос археология не ответила; высказывавшиеся по этому поводу суждения остаются еще весьма слабо обоснованными археологическими данными.

В современной западноевропейской науке крупную роль играет теория субстрата. Но и эта теория не меняет существа буржуазных представлений о содержании этногонического процесса. Дело сводится к миграциям и поглощению одной народности другой, с сохранением некоторых этнических признаков поглощенного образования, не меняющих существенных особенностей победителей. В наших представлениях в отношении случая, подобного рассматриваемому возникновению северного славянства, сущность процесса заключается не в нашествии и поглощении одного народа другим, а в трансформации автохтонного населения, обусловленной, конечно, различными формами связей со славянским ядром, но вместе с тем подготовленной уже имевшимся налицо этническим родством и соответствующей внутренним закономерностям этнического развития на основе социально-экономических изменений.

Еще сложнее и столь же слабо разработан вопрос о происхождении «культуры полей погребений». Польская наука очень тщательно разработала вопрос о возникновении венедской культуры. Она выяснила, какую роль сыграла при этом лужицкая культура, древнейшая культура типа полей погребений. Скрещение этой культуры с культурами поздней шнуровой керамики на территории современной Польши в конце концов привело к образованию культуры, которую можно связать с историческими венетами и признать славянской. На территории Украины процесс славянского этногенеза протекал иначе. Здесь не лужицкая, а скифская культура перекрыла и поглотила традиции Триполья и культуры эпохи бронзы со шнуровой керамикой. Тем не менее трансформация этой собственно скифской культуры в западных областях Скифии приводит к сходной с венедской — антской культуре полей погребений. В этом процессе большую роль сыграло, очевидно, значительное количество лужицких элементов в предскифской и скифской культурах западных областей Украины. Без учета этих элементов, а также без тесных связей этих областей с юго-

западом появление культуры полей погребений действительно будет оставаться непонятным. Культура полей погребений не механически перенесена на берега Днепра, а образовалась на месте, развилась из тех элементов, которые были налицо в местной культуре скифского времени, но только потому, что эта культура была и оставалась связанной с культурами более западных областей, в границах которых происходило образование венедов.

Не буду касаться других не менее важных и сложных вопросов этногенеза, в частности, славянского. Отмечу только еще раз, что многие даже в общей форме правильные положения этнической истории остаются до сих пор недоказанными археологически, а потому оказываются висящими в воздухе. Разве мало, например, говорится о роли скифов в славянском этногенезе? Но все эти разговоры представляют собой только догадки, поэтому нередко не вызывают никакого доверия.

Перед советской наукой стоит огромная задача — обосновать уже имеющиеся правильные догадки о путях этногенетического процесса (основанные по большей части на лингвистических данных) бесспорными археологическими фактами, представить этногонический процесс в точных границах места и времени, связать его с социально-экономическим развитием и конкретной историей различных этнических образований. Все это в пределах реальных возможностей советской археологии должно быть сделано и будет сделано. Залогом этого является научное наследство выдающегося советского ученого Н. Я. Марра и общее состояние нашей науки, которая за годы существования советской власти приобрела полную зрелость. Вооруженная единственно научным методом марксизма-ленинизма и обладающая неоценимыми сокровищами фактических материалов, советская археология сможет быть достойной своего народа и своей эпохи.

А. Н. БЕРНШТАМ

К ПЕРЕСМОТРУ ФОРМАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СХЕМ

Советская археологическая наука, наряду с главной задачей изучения истории материальной культуры, сохраняет свою частную задачу — обработку вещественного материала, его датировку и классификацию. Этот источниковедческий раздел археологической науки не может не занимать существенного места в научной практике прежде всего в силу того, что за археологов эту работу никто не выполнит.

Очевидно, для решения общеисторической задачи существенное значение имеет подготовка археологического материала. Среди многообразных частных задач археологического источниковедения, кроме специфической методики его добычи (т. е. раскопок, где ведущее значение сохраняет точность фиксации находки по отношению к естественной среде, культурным отложениям или искусственным сооружениям), огромное значение имеют методы первоначального объяснения археологических находок.

Установление функции предмета, техники изготовления, семантики изображений (реалистических или орнаментальных), а также стилистический анализ и последующие за этим аналогии с более точно датировемым объектом или комплексом (как прямой аналогией, так и методом взаимной стратиграфии) подводят исследователя к заключительной стадии первого этапа исследования — установлению даты комплексов (или предмета). Совокупность абсолютно и относительно точно датированных объектов позволяет строить археологическую классификацию. Грубо говоря, это предел, к которому подошла наиболее прогрессивная буржуазная археология и для которой эти выводы являются заключительным актом исследования. Буржуазная археология создала ряд классификаций общих и региональных. Достаточно вспомнить имена Мортилье, Монтелиуса, Нидерле, Толстого и Кондакова и др.

Советская археология взяла наиболее ценное из буржуазных классификаций археологического материала. Более того, она внесла много уточнений и развила некоторые положения, например вопрос о семантике. Однако в основе многих классификационных схем остался все тот же формально-типологический метод, основанный главным образом на анализе морфологических особенностей предмета. Формально-типологические сравнения в совокупности с указанными приемами анализа должны, конечно, остаться в методической практике источниковедческих приемов советской археологии, но они должны быть подчиненной частью метода, а не единственной или основной.

Вопрос о пересмотре методики археологии, главным образом в отношении датировки, поднимался в советской литературе, но еще не нашел своего разрешения.¹ В основном в практике остались старые буржуазные классификации, и они являются руслом, по которому проникают в советскую археологию влияния буржуазного вещеведения.

Теперь, когда перед советской археологией встал вопрос о пересмотре своих методологических позиций с целью очищения их от буржуазных влияний, вопрос о пересмотре бытующих в нашей практике классификаций буржуазной археологии является далеко не последним.

Конкретно пересмотреть вопрос об археологических классификациях значит рассмотреть их в свете основных выводов исторической науки, общие положения которой должны прокорректировать принципиальные установки этого пересмотра. Нам эти установки представляются в следующем плане.

Уже Н. Я. Марр² показал, что на любом этапе изучения археологического памятника следует исходить из всей совокупности исторических данных, среди которых археологический объект — лишь частное выражение исторического явления, наряду с данными письменной истории, этнографии, языка, искусства, фольклора. Другими словами, в основу следует положить комплексное рассмотрение исторических явлений и среди них рассмотрение археологического материала. Вся история современной науки показывает победу этого методического приема. Так, в труде В. И. Ленина «Развитие капитализма в России» обобщены данные истории и экономики, и сама работа является одновременно историческим, экономическим и философским трудом. Именно на основе обобщения данных различных областей знания родились современные науки — физическая химия, химическая физика, биохимия и т. п., в названиях которых уже выступает не только разделение наук, но и их взаимная связанность.

Ясно, что комплексность является типичным признаком советской археологии, составляя характерную черту ее метода, достаточно ясно выраженную и в практике. Напомню труд П. Ефименко «Первобытное общество», С. Толстова «Древний Хорезм» и др. Не совсем точно А. Д. Удальцов рассматривает комплексность как типичную черту только этногенетики.³ Но эта комплексность не уничтожает основного недостатка формально-типологического метода. Дело в том, что формально-типологическая классификация, призванная, как будто, отразить конкретно историческую действительность, часто минует «зигзаги» истории, отбрасывает пережитки и — что, пожалуй, самое главное — вырывает комплекс (предмет) из той среды, которая обусловила его изготовление и в которой он бытовал. Это значит, что вещам придается сила саморазвития и снимается вопрос о создателях и потребителях вещей, выключается общественная среда; это значит, что исследователь сползает на ничем не прикрытые позиции идеализма, как бы торжественно ни выглядели его материалистические декларации.

Археологи, изучая материальную культуру, больше чем кто-либо имеют дело с пережитками, с фактом долгого бытования вещи в силу традиционного производства, разности темпов развития в центрах и на периферии, парадности и «кухонности» вещей, социальных различий. Археолог должен учитывать изменение техники, в связи с подъемами или упадками общественного производства в силу кратковременных политических катастроф

¹ См., например, статьи И. И. Мещанинова и других в «Сообщениях ГАИМК», № 5—6, 1932; В. В. Гольмстен. Там же, № 11—12, 1932; А. В. Шмидта в «Проблемах ГАИМК», № 5—6 и 7—8, 1933; А. В. Арциховского. Там же, № 7—8, 1933. Список далеко не исчерпывающий.

² Н. Я. Марр. Избранные работы, т. 1, Л., 1933 и т. 5, М.—Л., 1935.

³ См. его статью в «Известиях ОИФ», 1944.

кушанского времени, что подтверждается не только раскопками в Айрита-ме,¹⁰ но и теми сопоставлениями, которые теперь возможны после раскопок дворца в Топрак-Кала.¹¹

Совершенно нельзя согласиться с датировкой К. В. Тревер пишпекского клада серебряных вещей временем греко-бактрии лишь на том основании, что в ручку одного из сосудов впаяна монета Герая. Несмотря на то, что здесь использована для украшения монета более раннего времени (и то времени кушан), весь комплекс бытовых предметов связан с широко известными комплексами VI—VII вв.

Архаичность керамики в некоторых районах прекрасно документирует отсталость периферии и центров, районов, где сложилось ремесло и где продолжала бытовать практика домашнего ремесла.

Укажу, что когда на берегах Сыр-Дарьи появляются гунны, немного увеличивается грубая лепная керамика, иногда воспроизводящая даже типы керамики эпохи бронзы.¹²

Ручная лепка сосудов домашнего производства существует в Семиречье вплоть до XI—XII вв., когда широко развитое ремесло в городах стало успешно конкурировать с домашним производством близ расположенной сельской округи.¹³

Обследуя городища и поселения средней Сыр-Дарьи и Кара-Тау, мы выявили архаические по типу керамики слои тепе — Кара-Тау, синхронные слоям с керамикой высокой техники производства в расположенных рядом поселениях Сыр-Дарьи. Достаточно, например, сопоставить кушанского типа изделия с поселений Кок-Мордан, Пшик-Мордан и других из Отрарского оазиса (Сыр-Дарья) с керамикой III слоя Ак-Тепе или Тарса-Тепе на северных склонах Кара-Тау. В первом случае сосуды сделаны на гончарном круге со сложным профилем, хорошо отработанной залощенной поверхностью; во втором — посуда грубая, лепная, черная от недожога в изломе, с дресвой.

Характерно, что поселения на северных склонах Кара-Тау имеют в нижних слоях (первые века до н. э. и после н. э.) больше хорошей, высокого качества керамики (импорт Отрара?), чем в верхних слоях, когда наладилось собственное, хотя и примитивное, гончарство в тех объемах, в которых оно смогло удовлетворить потребности местного населения.¹⁴

Итак, архаика сосуществует с совершенными формами не только как взаимоотношение парадной и кухонной посуды, не только как богатый и бедный инвентарь, но в близлежащих районах как продукт окраины и периферии, ремесла городского и домашнего.

Это относится и не только к типам керамики, но во многих случаях и к другим объектам археологии, например к типам поселений, отвечающим разным стадиям общественного развития и разным темпам развития. Достаточно сопоставить типы поселений Семиречья и Центрального Тянь-Шаня с типами поселений Хорезма. Крепости Семиречья и Центрального Тянь-Шаня VIII—XII вв. воспроизводят архитектуру крепостей и лаконичный план кушанских городищ Хорезма, а по малочисленности типов вообще не могут идти в сравнение с многообразием архитектуры последнего.

¹⁰ М. Массон. Находка скульптурного карниза первых веков нашей эры. Материалы Узкометариса, вып. 1; ср. Тр. Термезской археологической экспедиции. Тр. АН Узб. ССР, вып. 1, 2, Ташкент, 1945.

¹¹ Об этих раскопках см. С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

¹² С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3.

¹³ А. Н. Бернштам. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942.

¹⁴ Пример приведен по результатам работ 1948 г. Материалы не опубликованы.

В XIV в. в долине Таласа воспроизводится архитектура XI—XII вв., например в гумбазе Манас,¹⁵ а реплики караханидской архитектуры в Дешти-Кыпчак обнаруживаются в постройках и более позднего времени, что, к сожалению, не принято во внимание исследователем этих памятников А. Х. Маргуланом.¹⁶

В процессах схождения и расхождения типов огромную роль играют факты политической истории, образование и падение крупных государств, содействовавших расцвету одних центров и крушению других. Так, например, при кушанах явно расширяется территория единства культурных ценностей.

Своеобразней этот процесс при караханидах. Для Семиречья, по сравнению с предшествующим уровнем развития культуры, города XI—XII вв. дают несравненно лучшую продукцию, чем она была в карлукский период VIII—X вв., но в керамическом производстве Самарканда в караханидское время, по сравнению с саманидами (IX—X вв.), наблюдается явный упадок. В данном случае суть не в завоевании, а в расширении рынка, увеличении потребления со стороны кочевых районов, втянутых в состав караханидского государства. Здесь ремесленник вытесняет художника в гончарном производстве, подобно тому как в античном мире художественная вазовая роспись уступает место аляповатому рисунку и тусклому лаку эпохи эллинизма.

Но ухудшение техники является не только следствием этих причин, но и результатом «провинциализации» былых центров культуры, что показал С. П. Толстов на истории Хорезма. В данном случае это не только результат завоеваний, которые также отражаются в памятниках культуры.

Приведенных примеров достаточно для признания нашего первого положения о том, что в пределах одного и того же времени на родственных территориях слагаются разные типы культурных ценностей, не укладывающиеся в прокрустово ложе старых археологических классификаций. Не только одновременно, но и позднее в силу конкретно исторических причин возникают более архаические типы культурных явлений, чем зарегистрированные формально-типологическими схемами формы.

Из этого следует, что морфологический принцип классификаций, как основной, должен быть отвергнут; классификации должны строиться с учетом тех конкретно исторических особенностей отдельных территорий, о которых мы говорили выше. Классификации, с моей точки зрения, могут быть только региональными, особенно для античной и средневековой эпох.

Нам особо хотелось бы отметить спорность классификаций, возникающих на почве археологического материала, добытого только из погребений. Обычно этот материал воспринимается археологами как прямое свидетельство реальной жизни человека. По инвентарю могил восстанавливается характер социального строя, быта, а главное, — что неправильно, — экономика населения. Споры нет — обряд, культ, особенно украшения, оружие — дают прекрасный палеоэтнографический материал, помогают восстанавливать этнографический облик племен. Как известно, этнографические признаки весьма устойчивы, и для проблем этногенеза это имеет большое значение. Но другая группа выводов — об экономике и, пожалуй, социальном строе — весьма спорна. Археологи, становящиеся на этот путь, делают две ошибки против марксизма. Во-первых, обряд погребения, т. е. культ, являясь выражением религиозного сознания, есть искаженное отображение действительности; во-вторых, исследователь забывает о консервативности религиозного сознания, удерживающего в своей культовой практике уже пережитые социальные и тем более экономические представления. Напомним,

¹⁵ А. Н. Бернштам. Мозар Манаса. Фрунзе, 1945.

¹⁶ Архитектурные памятники в долине р. Кенгир. Вестник АН Казах. ССР, 1947, № 11.

что благодаря консервативности систем родства Энгельсу удалось восстановить реальную систему утраченных родственных отношений, а ведь религиозные культы — еще более высокая ступень консервативного мышления и, следовательно, стоят они еще дальше от реальной жизни. Эти положения предаются забвению в формально-типологических схемах и классификациях С. А. Теплоухова, в ранних работах С. В. Киселева по Енисею и М. П. Грязнова по Алтаю и в других специальных исследованиях. Не отрицая того, что сами предметы, находимые в погребениях, являются во многих случаях не культовыми, а взятыми из реальной жизни, нужно помнить, что в целом как комплекс они могут отражать далеко не ведущий и не основной тип хозяйства.

Собственно, эта ошибка целиком и полностью вырастает из первого критикуемого нами положения о формально-типологических схемах, которые далеко еще не преданы забвению. Нам не представляется до конца убедительной, с этой точки зрения, классификация кельтов М. П. Грязновым,¹⁷ построенная на голом типологическом принципе. Сам Грязнов, выделяя кельты-топоры и кельты-тесла, по существу отрицает возможность их сосуществования. Топор оказывается древнее тесла, и наиболее раннее тесло возникает только одновременно с топорами в лучшем случае — карасукского времени,¹⁸ т. е. со второй группой кельтов, по его классификации.

Наконец, несколько слов о последнем вопросе — о мнимых подъемах культуры по данным археологии. Наиболее разительным примером этому является ложная интерпретация богатств паразитических городов — ставок монгольских владык. За количеством находок и их роскошью исследователи не видели паразитического характера этих центров, общего катастрофического падения культуры в опустошенных монголами странах. Достаточно указать на работы Ф. Баллода,¹⁹ ранние работы А. Якубовского.²⁰ Или другой пример — с богатством находок Ноин-Улы, в которых исследователи видели документацию расцвета гуннского племенного союза. Нам уже довелось показать в специальной работе о Ноин-Уле,²¹ что богатство шестого Шаньюйского кургана было результатом продажности гуннского шаньюя (князя) Учжулю Жоди, и основу богатства составляли принадлежавшие ему подарки китайского императора, полученные за предательство шаньюя по отношению к своим племенам, переживавшим в это время глубокий кризис.

В связи с поставленными вопросами следует осторожно отнестись к датировке скифского кладбища Пазырык, в котором мы лично видим архаический пережиток скифского времени уже в новую, гуннскую эпоху. Вещи китайского происхождения, как и некоторые сюжеты (дракон), тип некоторых бытовых предметов (столики), шелк и т. п. вещи, растущая геометризация звериного стиля, наряду с реалистически переданными динамичными сценами, характеризует сплетение «нового» и «старого» в пределах окраинного, самобытного, горноскифского алтайского мира.²² Если подходить с предлагаемых мною позиций, то дата III—II вв. до н. э. окажется более вероятной, чем весьма спорная дата V—IV вв., основанная на сход-

¹⁷ Древняя бронза Минусинских степей. Тр. Отдела истории первобытной культуры. Гос. Эрмитаж, т. I, 1941.

¹⁸ Там же, стр. 260.

¹⁹ Приволжские «Помпеи». М.—Л., 1938.

²⁰ К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. Изв. ГАИМК, т. VIII, вып. 23; Феодализм на Востоке. Гос. Эрмитаж, т. I, 1932; Золотая Орда. Соцэкгиз, 1937, 1-е изд.; ср. рец. А. И. Тереножкина. «Учительская газета», 23 мая 1938, № 69 (2374).

²¹ Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение. Изв. ООИ АН СССР, 1937, № 4.

²² С. И. Руденко. Второй Пазырыкский курган, 1948.

стве отдельных сюжетов с ахеменидской тематикой.²³ В таких случаях, когда выступает сумма аналогий, из которых часть восходит к более позднему времени, правдоподобней датировать по «верхней» хронологической границе, воспринимая древние сюжеты как культовую архаику, порожденную местом и конкретно исторической обстановкой бытования изучаемых племен.²⁴

Приведенные примеры, далеко не исчерпывающие возможностей в этом направлении, по-моему, достаточно ясно показывают ложность ограниченного, одностороннего учета особенностей развития форм в тех или иных комплексах материальной культуры. Формально-типологическая характеристика, положенная в основу буржуазной классификационной схемы, оказывает часто влияние и на советских археологов. Несомненно, что этот один из важнейших элементов анализа должен быть советскими археологами всегда согласован с развитием общественной среды. Только в этом плане возможна истинная критика вещевого материала, являющегося одним из важнейших исторических источников. Без классификаций и, следовательно, без приемов датировок, связанных с публикацией «археологического текста» малого и большого, советская археология существовать не может. В этом ее первая источниковедческая задача. Эта задача должна повседневно решаться, без боязни, что исследователь будет заподозрен в вещеведении, «голом описании» или ограничении исследования публикационными задачами. Решать же эту задачу надо, категорически покончив с буржуазными формально-типологическими схемами и классификациями.

---

²³ Указ. соч., стр. 59.

²⁴ Укажу, что в Ноин-Уле имеется своя «скифская» архаика, представленная котлом с аппликациями и некоторыми изделиями из дерева. А в Пазырыке имеются вещи, вполне аналогичные по сюжету с ноин-улинскими образцами; например, та же сцена борьбы зверей (ср. С. Руденко. Указ. соч., табл. VI и XX, 1 и 3).

А. В. АРЦИХОВСКИЙ

ПРЕПОДАВАНИЕ АРХЕОЛОГИИ

Археология стала у нас университетской наукой только в советское время. До 1922 г. ее не было в учебных планах. Изучение биографий русских дореволюционных археологов приводит к выводу, что ни один из них не получил в студенческие годы специальной подготовки, хотя почти все они были воспитанниками русских университетов, выйдя оттуда историками, филологами, биологами, геологами, юристами, врачами. Ту науку, с которой связаны их имена, они вынуждены были в зрелом возрасте изучать самостоятельно, тратя много лишнего времени и сил. Высшая школа не признавала этой науки, отчего возник значительный пробел в историческом образовании. Для исследователей-историков у нас долго было типично пренебрежение вещественными историческими источниками. Оно было обусловлено идеалистической методологией, однако имело место и простое незнание науки, изучающей эти источники.

Правда, некоторые университетские профессора XIX в. и начала XX в. сами были выдающимися археологами, но для них это являлось дополнительной специальностью. В университете они читали другие науки (кто на историко-филологическом факультете, кто на физико-математическом, кто на юридическом).

Заполнить пробел в системе высшего образования должны были археологические институты, но они с этой задачей не справлялись. Петербургский археологический институт возник в 1878 г., Московский — в 1907 г. Обособленность от университетов была для них роковой; археология не имела в них должной связи с другими науками; впрочем, она была в самих институтах на заднем плане, ведь оба института занимались главным образом архивным делом. Во всяком случае, эти учреждения не умели готовить археологов. Среди более или менее выдающихся дореволюционных представителей нашей науки не было ни одного человека, окончившего археологический институт. Археология долго была у нас оторвана от того университетского объединения наук, которое столь плодотворно для развития всех отраслей знания.

В советское время было осознано, что археологов, как и других научных работников, надо готовить в университетах. Важнейшей датой для нашей специальности является 1922 год, когда в Московском государственном и Ленинградском государственном университетах были основаны археологические отделения.

Первый период в жизни советской университетской археологии длился девять лет: 1922—1931 гг. На это время приходятся студенческие годы почти всех современных представителей археологической науки (кроме мо-

лодежи). А профессионалов-археологов теперь гораздо больше, чем до революции.

Археология не сразу нашла свое место среди других университетских дисциплин. Она держалась среди них сначала слишком обособленно. Теперь для нас представляется несомненным, что эта наука есть часть истории. От других исторических наук она отличается только тем, что изучает своеобразные исторические источники, вещественные. Но это долго не было общепризнано; между археологией и историей существовали прочные перегородки, воздвигнутые идеалистами; разрушение их принадлежит к числу очень важных достижений советской науки. Лет двадцать назад авторитетные ученые причисляли археологию то к естественным наукам, то к так называемым художественным, то еще куда-нибудь. За рубежом подобные взгляды доныне широко распространены. Это ведет там и долго вело у нас к разобщенности историков и археологов. Мало того, следствием этого всегда является не меньшая разобщенность между археологами-первобытниками и археологами-классиками и т. д. Только последовательное применение марксистско-ленинской методологии позволяет это преодолеть.

Археологические отделения университетов являлись у нас в 1922—1931 гг. своеобразными маленькими факультетами. Археологи изучали историю не в полном объеме, а небольшими дозами; историки же могли попрежнему кончать университет, не зная археологии.

В 1931 г. археологические отделения в университетах были закрыты. Это было одним из проявлений тех ликвидаторских настроений по отношению к исторической науке, которые тогда в некоторых кругах существовали.

Когда преподавание истории в университетах было, на основе известных решений партии и правительства 1934 г., восстановлено, создались постепенные предпосылки для восстановления и археологических кафедр. Когда молодые исторические факультеты окрепли, в них удалось наладить и преподавание археологии. Это произошло в 1937 г. Тогда начался второй период университетской жизни этой науки.

Развивалась археология на этот раз с самого начала в тесном контакте с другими историческими науками. К тому времени необходимость такого контакта в научной работе была среди советских археологов общепризнана. Решающее значение здесь имело широкое распространение и укрепление методологии марксизма-ленинизма. Археолог должен быть прежде всего историком-марксистом; поэтому в университете он должен изучить в полном объеме всю историю — от древнейшей до новейшей. Все общеисторические и теоретические основные курсы полностью входят в программу археологического отделения Московского университета.

Для археологов построение учебного плана — дело новое и трудное; студенты-археологи должны овладеть специфическими навыками исследования древних вещей, изучить технику и методику археологического дела, ознакомиться с разнообразными разделами нашей науки, а для всего этого требуется много учебных часов. В последние годы археологическому отделению удалось добиться совершенно достаточных для этого возможностей, не затрагивая при этом основных разделов общеисторической программы.

С 1937 г. общий курс археологии слушают и сдают в Московском университете все студенты-историки, независимо от раздела истории, по которому они предполагают специализироваться. Всякий историк, пусть даже даже специалист по XX в., должен владеть своей наукой в полном объеме, должен иметь представление и о вещественных исторических источниках, столь важных теперь для изучения древности и средневековья.

Этот общий курс археологии с 1939 г. читается на первом курсе (сна-

чала он читался на третьем курсе). Слушают его и те студенты, которые впоследствии становятся археологами. Им эти лекции должны дать первое знакомство со всеми разделами археологической науки.

Пишущему эти строки пришлось много лет (с 1937 г.) работать над общим курсом археологии. До 1937 г. такой курс не читался никем и нигде, чем неизмеримо увеличивались трудности его построения (раньше ведь читалась только первобытная археология, отделенная от других разделов). Несмотря на то, что я стремился в основу всех лекций положить историю материального производства, много было сделано ошибок, хотя и был накоплен довольно значительный опыт. Поэтому в настоящей статье хотелось бы коснуться связанных с этим делом вопросов, тем более, что самая необходимость такого курса поныне оспаривается некоторыми археологами, главным образом из состава преподавателей Ленинградского университета.

Я имел смелость публиковать читавшиеся мною курсы как материалы для подготовки будущего учебника археологии. Уже в 1938 г. были выпущены стеклографированным изданием мои «Лекции по археологии». Недостатки этого первого текста, хотя он и не подвергся никакой критике, побудили меня вскоре полностью его переделать; в 1940 г. вышла уже печатная книга «Введение в археологию». Таким названием я стремился подчеркнуть подготовительный характер этого пособия, не могущего еще разрешить все стоящие перед учебником археологии задачи. В 1941 г. был выпущен небольшой дополнительный тираж, под названием второго издания, без всяких перемен. Курс читался мною из года в год; ежегодно я вносил туда дополнения. Когда в 1947 г. встал вопрос о новом издании, я включил туда эти дополнения, кое-что в прежнем тексте устранил или изменил, но не произвел необходимой перестройки. Так, в 1947 г. вышло третье издание, переработанное и дополненное. Все издания носят сугубо внутриуниверситетский характер. Это подчеркивается и тем, что в них нет рисунков. Я допустил такой пробел, поскольку студенты всегда могут пользоваться альбомами фотографий (в кабинете археологии МГУ).

Недостатки моего учебного пособия значительны, однако они не могут дискредитировать правомерность самого создания общего курса археологии. Первопричиной этих недостатков является допущенное в данном пособии ограничение задач курса. Археология в большинстве глав превращена мною в источниковедческую науку, вроде палеографии, дипломатики и т. п. Археологические источники описаны, но необходимые исторические выводы сделаны по ним далеко не всюду, где это нужно. Между тем археология не может ограничиваться источниковедением. С одной стороны, она является вспомогательной исторической дисциплиной, наравне с палеографией, дипломатикой, эпиграфикой, метрологией, хронологией, сфрагистикой, геральдикой, нумизматикой и т. д.; с другой стороны, значение ее шире, и ее правильнее называть разделом истории. Решение многих важных исторических проблем основано теперь на вещественных источниках больше, чем на письменных; поэтому, хотя учебное пособие по палеографии может носить источниковедческий характер, учебное пособие по археологии такого характера носить не может.

Курс археологии надо насытить не только описанием материалов, но и сделанными на основании их анализа выводами по социально-экономической истории. В свое учебное пособие я, правда, включил ряд таких выводов, используя статьи многих советских археологов, в том числе и свои собственные. Но, во-первых, обо всем этом сказано слишком сжато и зачастую просто вскользь; во-вторых, — что совсем неприемлемо, — во многих главах социально-экономические характеристики разбираемых обществ отсутствуют вовсе; в-третьих, недостаточно число примеров, показываю-

щих самый ход построения исторических выводов на основе марксистского анализа археологических источников.

Есть некоторые археологические темы, излагать которые, как мне казалось, можно пока только простым описанием находок, с определением техники, хронологии, ареалов и т. д.— ведь социально-экономические характеристики соответственных обществ в литературе пока отсутствуют или намечены очень гипотетически. Но курс должен давать не только установленные в науке факты, но и гипотезы, должен знакомить студентов с современным движением научной мысли. Борьбу археологических гипотез надо показывать не только вокруг задач определения вещей (что я делал неоднократно), но и вокруг проблем социально-экономической истории (что я делал совершенно недостаточно).

О социальном строе рабовладельческих и феодальных обществ в некоторых главах сказано вскользь, в некоторых главах не говорится вовсе. Я, конечно, имел в виду, что студенты по общеисторическим курсам знакомятся с этими вопросами; но надо было показать и вклад археологии в разрешение этих проблем. А этот вклад уже весьма значителен.

Источниковедческий характер пособия усилил и его аполитичность, что совершенно недопустимо. Мы, историки, в том числе и археологи, должны быть активными участниками идеологической борьбы. Полемике с буржуазными теориями в моей книге не уделено никакого внимания, да они и не упоминаются. Между тем советские студенты должны знать, что в зарубежных странах археология в последние годы с особой откровенностью стала служить интересам угнетения и агрессии. Не сказано ничего даже о расистском направлении в этой науке.

Нет речи и о миграционизме, этой язве, разъедающей буржуазную археологию уже около ста лет и послужившей питательной средой для того же расизма. В своем пособии я стремился показать, что местное социальное развитие всюду служит достаточным основанием для смены культурных явлений, но сделал это недостаточно.

Большая работа, ведущаяся теперь советскими археологами по вопросам этногенеза, в моей книге не отражена. Глава, посвященная раннему средневековью Восточной Европы, представляется мне вообще самой слабой. Правда, даже при подготовке третьего издания, я не мог еще воспользоваться новейшими исследованиями в этой области. Результаты их можно только теперь включить в курс.

Будущее учебное пособие по археологии должно подробно говорить о многих важных исторических вопросах. Над созданием курса археологии необходимо работать.

Ленинградский университет такого курса не имеет. Вместо него там читается история первобытного общества, построенная в равной мере на археологических и этнографических материалах. Тем самым археологические данные по рабовладельческим и феодальным обществам выбрасываются вовсе.

В этой статье не место подробно говорить о недостатках составленного по этой системе печатного курса В. И. Равдоникаса «История первобытного общества». Как уже неоднократно отмечалось в печати, в этой книге буржуазные теории и формалистические схемы излагаются весьма подробно, а разоблачение их делается весьма сокращенно или отсутствует вовсе. Археология Северной Европы занимает больше места, чем археология СССР, а Сибирь и Средняя Азия опущены совсем. Мало того, во всей нашей научной литературе эта книга является наиболее позорным примером низкопоклонства перед иностранщиной. Иностранцы ученые, даже третьестепенные, перечисляются десятками, и работы их подробно описываются, а советские ученые замалчиваются сплошь (во втором томе на

390 страницах два имени названы случайно и то без характеристики работ). Даже при описании советских раскопок даются ссылки только на иностранных археологов, притом реакционнейших. Все это не случайно, автор, очевидно, и в 1947 г. сохранил презрительное отношение к советской науке, высказывавшееся им в 1930 г. в печати с полной откровенностью.

Но эти недостатки типичны только для данного пособия, здесь же речь должна быть о самом построении курса. Подмена археологии историей первобытного общества, каков бы ни был учебник, создает в университетском образовании зияющий пробел. Выбрасываемые при этом археологические материалы по рабовладельческим и феодальным обществам составляют, по крайней мере, две трети вклада археологии в историческую науку. Излишне говорить здесь о том, насколько разнообразны и неисчислимы вещественные источники по истории исчезнувших цивилизаций. Студент-историк не может ограничивать свое знакомство с археологией материалами по периодам дикости и варварства. Если такое ограничение допущено, значит кафедра археологии не справляется со своими обязанностями.

Нельзя перелгать эти обязанности на других, нельзя говорить, что в общих курсах древней истории, средней истории и истории СССР студенты тоже могут ознакомиться с археологическими материалами. Профессора-историки, за редкими исключениями, мало знакомы с археологией; да если бы и были знакомы, то все равно общий характер изложения гражданской истории не дал бы необходимых возможностей для серьезных археологических экскурсов. Ведь даже для изложения так называемой культурной истории редко находится время, и речь при этом идет только о духовной культуре. Излагать историю материальной культуры должны археологи.

Студенты-историки, знакомство которых с археологией ограничивается историей первобытного общества, могут окончить университет без всяких представлений о технике земледелия и ремесел в античности и в средние века, о транспорте, о формах оружия и доспехов, об особенностях материальной культуры разных народов и племен, о бытовой обстановке древних людей, о прикладном искусстве, о монетах и т. д. Если бы разрозненные сведения по этим вопросам и встречались в общеисторических курсах, в должную взаимосвязь они поставлены не были бы.

Мало того, представления о первобытных древностях получают искаженными и превратными, без должного знакомства с материалами древневосточными, античными и средневековыми. Наука изучает не голые социологические схемы, а конкретные древние общества. Невозможно должным образом понять историю варварских племен древней Европы вне связи ее с историей древних цивилизаций. Немецкие расисты пытались утверждать, что предки германцев в бронзовом веке двигали вперед культуру быстрее, чем вавилоняне, и в железном веке быстрее, чем римляне. Это было прямой фальсификацией науки, но благоприятные условия для этого создавались изоляцией так называемой доисторической археологии от так называемой исторической. При анализе археологических материалов древней Европы надо понимать, какие виды вещей развились там на месте и какие проникли из областей древней цивилизации. Ограниченную роль посторонних влияний и решающее значение местной социальной эволюции можно оценить только в том случае, если материалы классовых и доклассовых обществ будут изучаться сравнительно. Человек, знакомый только с первобытной археологией, видит, что в искусственно ограниченный для него мир откуда-то попадают чужеродные вещи — стеклянные, стальные и т. д.; попадают новые технические приемы, генезис которых для него за-

гадочен. Он невольно обречен эти явления замалчивать или переоценивать. Даже изучение такой ранней эпохи, как энеолит, невозможно при подобном ограничении: нельзя ведь серьезно говорить о путях распространения металлов и знаков, не излагая специально археологии древневосточных стран.

До сих пор речь шла о пробелах в общеисторическом образовании, вызываемых отсутствием курса археологии. Но тот же пробел создается и в образовании студентов-археологов. По крайней мере, археологи-первобытники так и не знакомятся при этой системе ни с какой археологией, кроме первобытной, если не считать, быть может, разрозненных специальных курсов. Вред, наносимый их подготовке, очевиден.

Вся эта система по существу стара. Дореволюционные археологи шли тоже по линии наименьшего сопротивления. В археологических институтах археология читалась тоже только первобытная. Эта традиция была унаследована и советскими археологическими отделениями университетов двадцатых годов текущего столетия. Западная Европа изучалась в курсах не дальше латена, Восточная Европа — не дальше возникновения Русского государства. Изложение других разделов археологии подменялось в специальных курсах изложением истории искусства, подобно тому как это и теперь делается в буржуазных странах, где первобытная археология тоже читается отдельно. Такое ограничение коренится в пресловутом противополжении доистории и истории. Противоположение это, как известно, в буржуазных странах имеет крепкие классовые корни, но советские ученые пошли на такой же разрыв, повидимому, из-за трудностей включения в один курс материала по разным социально-экономическим формациям.

Есть и еще одно чрезвычайно плачевное последствие подмены археологии историей первобытного общества. При этом из программы исторических факультетов неизбежно выпадает этнография, некоторые сведения по которой дилетантски излагаются тогда археологами. Между тем это важная историческая наука, специальное знакомство с ее методическими приемами и материалами существенно нужно для студентов-историков и археологов. Само собой разумеется, что и этнография не должна и не может ограничиваться историей первобытного общества. Ведь для истории феодализма этнографические пережитки тоже дают ценнейшие данные. В Московском университете общий курс этнографии обязателен для всех студентов-историков.

Связь с другими историческими курсами для археологии неизбежна. Не нужно эти курсы ни в чем дублировать, но надо развертывать археологическую аргументацию по важным историческим вопросам, используя археологические данные для объяснения этногенеза, классовобразования, возникновения античных и средневековых государств. Изложение истории материального производства должно быть систематичным и сплошным, здесь фрагментарность недопустима. При описании первобытно-общинного строя не надо повторять того, что излагается в курсе этнографии, но ссылки на этнографические аргументы нужны.

Археология, по существующим учебным планам, читается на первом семестре, т. е. одновременно с ранней историей СССР и историей Древнего Востока, немного раньше истории Греции и Рима и этнографии, значительно раньше средней истории. Таким образом, общие исторические знания слушающих археологию студентов еще совсем малы. Зато археология подготавливает их к слушанию названных исторических курсов, давая те сведения, о значении которых для историков было сказано выше.

При изложении археологии предполагаются известными некоторые сведения о древних и средневековых государствах и их хронологии, имена главных исторических деятелей и династий, кое-какие сведения по истори-

ческой географии и т. п. Студенты, не сдавшие даже древней истории, должны все это знать из средней школы.

При составлении курса неизбежно известное географическое самоограничение. Я излагаю археологию СССР, Западной Европы и Ближнего Востока, но все это в одинаковых пределах — от палеолита до средневековья. Конечно, добавить археологию других стран, особенно Китая и Индии, было бы чрезвычайно заманчиво, но это потребовало бы много места, а курс и так, при всем стремлении к лаконизму, значительно перерастает узкие лимиты, поставленные учебными планами. Выхватывать из археологии этих стран отдельные эпизоды не стоит, так как этим была бы утрачена необходимая историческая перспектива.

Включить в курс средневековые древности Западной Европы и Ближнего Востока было особенно трудно: сводных археологических работ на эти темы нет ни на одном языке, да и частных исследований мало. Материал собирался для этих глав по крупицам, и отрывочность его, несомненно, чувствуется читателями. Тем не менее преодолеть последний недостаток при более умелом изложении можно, а отказаться от этих глав я не считал себя вправе. Средневековые древности Руси надо изучать на соответствующем историческом фоне. Слишком много ошибок делали археологи, не знакомые с зарубежными материалами. Вспомним хотя бы пресловутые мечи, по милости норманистов названные норманскими, или сабли, объявленные мусульманскими. Таких примеров можно привести много, но важны и более общие заключения. Блеск и своеобразие цивилизации древней Руси или Средней Азии могут быть поняты только путем сравнения с другими передовыми цивилизациями того времени.

Особое внимание, уделяемое археологии СССР, не нуждается в объяснениях. Верхний хронологический предел курса вообще спорен. Я считал возможным довести изложение до XVII в., археологические источники для этого века еще имеют некоторое значение.

История материального производства должна занимать в курсе центральное место. Нежелание изучать историю техники долго было распространено среди археологов. Надеюсь, что теперь это отходит в прошлое.

Значительным, а может быть, и неустранимым недочетом моего курса является отсутствие сведений по истории жилища и зодчества, ведь археология дает для этой темы очень много. Но архитектурные материалы, как мне кажется, не поддаются краткому изложению. Может быть, впрочем, удастся это препятствие преодолеть.

Археология постоянно соприкасается с другими вспомогательными историческими дисциплинами. Те из них, которые наиболее связаны с археологией и в то же время могут быть изложены вкратце, могут войти в курс целиком. В последнем его издании я изложил историю монет и гербов для всех рассмотренных в книге эпох и стран. История печатей изложена там более отрывочно, но этот недочет легко восполнить. В курсе археологии студенты могут получить краткие сведения по нумизматике, геральдике и сфрагистике.

Антропологические и геологические сведения в первых главах совершенно необходимы. Палеоантропология излагается без географического ограничения, которое здесь невозможно, и доводится до появления современного человека в ориньяке. Вести соответственное изложение дальше и включать систематику рас нецелесообразно, это заняло бы слишком много места, да и не может входить в задачи данного курса. Краткие сведения по четвертичной геологии должны даваться в полном объеме — до новейшей, субатлантической эпохи включительно, хотя говорить о последнеледниковых эпохах трудно при существующем в геологической литературе разном.

Работать над общим курсом археологии придется еще много, и не только мне, но и другим археологам, читающим подобные курсы, но пока их не издающим. Главной трудностью, главной и почетной задачей является, повторяю, насыщение учебного пособия по всем разделам историческими выводами. С этой трудностью можно справиться — археологические исследования, чем дальше, тем больше дают таких выводов. Только при решении этой задачи удастся построить все изложение, с начала до конца на основе марксистско-ленинской методологии.

В заключение вернусь к вопросу о подготовке археологов-специалистов. Московский университет выпустил в 1949 г. уже десятый выпуск (первый выпуск археологов, после длительного перерыва, был в 1940 г.).

Наши выпускники сделали пока в науке меньше, чем могли бы, только потому, что многие из них четыре года воевали, некоторые погибли смертью героев.

При построении учебного плана неизменно возникает всегда один и тот же вопрос — в каких пределах допустима и когда должна начинаться специализация по тому или иному разделу археологии?

Направлений специализации у нас теперь четыре: первобытная археология, античная археология, славяно-русская археология и археология Средней Азии. Специализация необходима, но начинать ее преждевременно вредно. В полевой работе археолог может встречаться с древностями разных эпох и разных областей; тем более в кабинетной работе он обязан часто выходить за пределы своей узкой специальности, привлекая те или иные древности для уяснения исторической перспективы или для сравнений. Неумение это делать и без того слишком часто встречается среди археологов, задерживая развитие науки. Все студенты нашего отделения должны прослушать и сдать особые курсы, по возможности, по всем разделам археологии. Более подробное изучение избранных разделов производится в специальном семинарии, продолжающемся два года (четвертый и пятый курсы) и являющемся основным звеном университетского образования, как и на всех других кафедрах исторического факультета. В этом семинарии студенты в повседневной работе над научной темой осваивают методологию и методику исследования, непрерывно привлекая первоисточники (итогом является дипломная работа). С четвертого курса специализация может проявляться и в выборе тех или иных специальных археологических курсов (помимо и после упомянутых курсов по основным разделам археологии, которые обязательны для всех студентов-археологов). Готовиться к овладению узкой специальностью можно и раньше, но только путем предварительного изучения древних или восточных языков.

Неизменно надо помнить, что археологическое отделение готовит научных работников, большинство которых идет на работу в музеи, значительная часть — в исследовательские институты. По всем археологическим курсам преподаватели знакомят студентов с научными монографиями, давая им, конечно, должные характеристики, и с первоисточниками. Студенты должны как можно больше работать над археологическими коллекциями.

Особое место в подготовке археологов занимают экспедиции. Все студенты кафедры археологии в них участвуют и, как правило, ежегодно, т. е. по четыре раза за свою университетскую жизнь.

Общий курс археологии преподается теперь для студентов-историков во всех советских университетах (кроме Ленинградского). В некоторых педагогических институтах она читается в качестве факультативного курса. Многочисленные педагогические институты нашей страны имеют в своем составе исторические факультеты, но студенты их, как правило, не знакомятся с археологией. Преподаватели истории советских средних школ в по-

давляющем большинстве являются воспитанниками этих институтов. Знание археологии дало бы им возможность безошибочно отвечать на частые и разнообразные вопросы школьников о материальной обстановке жизни прошедших эпох. Оно позволило бы им беседовать с учениками о важных исторических проблемах, решаемых преимущественно на основе вещественных исторических источников. Мало того, учителя, знакомые с археологией, могли бы сами принести этой науке значительную пользу. В некоторых школах исторические кружки учащихся под руководством компетентных преподавателей уже много лет занимаются плодотворными археологическими разведками; в результате этого открыты ценнейшие городища, курганы и стоянки. Число таких открытий было бы во много раз больше, если бы учителя-историки были знакомы с археологией.

М. Е. ФОСС

О ТЕРМИНАХ «НЕОЛИТ», «БРОНЗА», «КУЛЬТУРА»

В археологической литературе термины «неолит», «бронза», «культура» употребляются в самых различных значениях. Между тем неопределенность терминологии приводит к затруднениям, возникающим и при выяснении времени существования памятника, принадлежности его той или другой культуре, выяснении связей между племенами и т. п. Цель настоящей статьи показать, насколько различно понимание указанных терминов и насколько необходима их унификация.

Вопрос о неолите, о том, что подразумевается под этим, не раз подвергался обсуждению, но он не утратил новизны и в настоящее время. По мнению одних, под «неолитом» подразумевается стадия развития материальной культуры, начало которой в общем определяется появлением керамики. Характерным для неолита является техника изготовления каменных орудий, доведенная до высшей степени развития; продолжительность неолита измеряется длительностью бытования каменных орудий. Сторонники этой точки зрения считают, что если медь и бронза употреблялись в незначительном количестве, то появление металла можно не принимать во внимание, и культуры с неолитическим обликом следует рассматривать как относящиеся к каменному веку. В соответствии с этим, на Юге, где медные и бронзовые предметы обнаруживаются чаще, чем на Севере, неолит заканчивается с появлением меди, а на Севере — с появлением железа. По представлениям других, неолит — это время, эпоха, сменившая мезолит и окончившаяся с первым появлением меди и бронзы, независимо от степени их применения и территории. Поэтому культуры, в которых обнаруживается медь или бронза, несмотря на преобладание изготовления каменных орудий, следует относить не к неолиту (новокаменному веку), а к следующему по времени — медному веку, или энеолиту (халколиту), и бронзовому веку.

Периодизация, произведенная в соответствии с основным материалом, употребляемым для изготовления орудий (каменный век, бронзовый и железный), не утратила своего значения и в настоящее время, хотя были попытки хронологизировать культуры по признакам общественно-экономическим.¹ Но так как последнее не всегда возможно из-за недостаточности археологических данных, из-за плохой сохранности материала (например, костного), не позволяющих установить, были ли племена скотоводческие или охотничье-рыболовческие, то при установлении периодизации приходится руководствоваться признаками, сохраняющимися в любом археоло-

¹ А. Я. Брюсов, Восстановление общественно-экономических формаций в культурах неолитического типа. Тр. Секции теории и методологии РАНИОН, 1928.

гическом памятнике. К таким признакам относится, прежде всего, материал, являющийся основным при изготовлении орудий.

В археологической классификации В. А. Городцова² проведено резкое разделение между эпохами неолитической и палеометаллической (бронзовой) на основе хронологического принципа. Прямо противоположного мнения придерживается В. И. Равдоникас, который пишет, что «нет и не может быть общей, абсолютной хронологии неолитических культур, существует их частная хронология».³ К неолиту Равдоникас относит и такие памятники, в которых имеется небольшое количество медных или бронзовых изделий. Некоторые принимают за основу определения неолита также материал и технику обработки орудий. Время появления медных и бронзовых орудий (не местного производства) называют «энеолитом», а следующий этап «с собственной металлургией» — «бронзовой эпохой».⁴ А. Я. Брюсов в одной из последних своих работ высказывает близкую к этому точку зрения, принимая формулировку Монтелиуса и относя к неолиту культуры, в которых «медно-бронзовые орудия еще не начинают и не образуют типологических рядов местных форм, но могут оказаться в качестве привозных вещей или в виде местных подражаний таким вещам». К числу других признаков, характеризующих неолит, Брюсов относит «полное развитие охоты и рыболовства, а к концу неолита — скотоводство и земледелие».⁵

П. Н. Третьяков объединяет стоянки Верхнего Поволжья, относящиеся к различному времени, под одним общим заголовком — «стоянки эпохи неолита и бронзы»,⁶ хотя такие стоянки, как Борочек на Шексне, Вороксу и в устье р. Ить тоже с неолитообразным обликом, датирует концом эпохи бронзы.⁷

А. В. Арциховский различает: неолит, поздний неолит, энеолит, или медный век (считая в значительной части последние эпохи одновременными), и бронзовый век.⁸ Можно было бы привести еще многочисленные примеры, показывающие, насколько различно понимание терминов «неолит» и «бронзовая эпоха», но и из приведенных видно, что появление меди и бронзы одними исследователями принимается за признак начала новой эпохи, другими — вовсе не принимается во внимание.

Вряд ли можно считать правильным отнесение к одной эпохе памятников, существовавших до металла и после его появления. Несомненно, открытие меди и бронзы было крупным событием в первобытном обществе: впервые был применен материал, превосходящий по своим качествам камень, что вызвало целый переворот в технике. Наряду с камнем, отличавшимся хрупкостью, служившей причиной быстрой порчи орудий, появился материал, отличавшийся вязкостью. Орудия из этого материала приобретали большую прочность, а при повреждении их материал не выбрасывался, а переплавлялся и шел на изготовление новых орудий. Отливка в форме позволяла изготавливать целую серию предметов, между тем как каменная техника давала лишь один экземпляр. Как ни слабо была развита металлургия в начале появления меди, особенно на Севере, тем не менее самое появление металла не могло пройти незамеченным и не вызвать сравнения с камнем. На территории, где было мало меди, это должно было сыграть роль толчка к поискам нового металла, увенчав-

² Археология, т. I, М., 1925.

³ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. II, Л., 1947, стр. 151.

⁴ Журнал «Этнография», 1929, № 1, М.

⁵ А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. КСИИМК, вып. XVI, 1947, стр. 15.

⁶ К истории племен Верхнего Поволжья. МИА СССР, № 5, стр. 13, карта I.

⁷ Древнейшие горедища Верхнего Поволжья. СА, т. IX, стр. 76.

⁸ Введение в Археологию. Изд. 3-е, переработанное и дополненное, М., 1947.

шимся успехом много позднее, когда произошло открытие железа, окончательно вытеснившего камень.

Медь, хотя и не получила такого широкого распространения, как железо, но все же, благодаря межплеменным сношениям, прослеживаемым в конце III и во II тысячелетии до н. э., проникало в отдаленнейшие районы из области ее месторождений. Между восточноевропейскими и западноевропейскими племенами, между северными и южными, между племенами, территория которых была богата медными рудами, и теми, которые не имели меди, устанавливаются связи, о которых можно судить по многим археологическим данным.⁹ Благодаря межплеменным сношениям знакомство с металлургическим производством было известно в таких отдаленных местах, как побережье Белого моря, район к северу от Онежского озера и в других пунктах, на что указывают находки не только изделий, но таких предметов, как льячки, тигли и пр.

Появление меди и бронзы произошло в период, характеризуемый повсюду необычайным подъемом развития каменной техники. Медленный темп ее развития сменяется бурным ростом, возникают новые разнообразные формы орудий, происходит дифференциация в их функции, совершенствуются древние формы. Несомненно, что все это объясняется общими причинами, связанными с ростом производительных сил. Высказывалось также мнение, в отдельных случаях справедливое, о влиянии техники металла на каменную технику, выражающемся в подражании по форме, или некоторым деталям, медным или бронзовым предметам.¹⁰

Какими же признаками следует руководствоваться при отнесении памятника к той или другой эпохе, если в инвентаре отсутствуют медь и бронза, а по всему облику памятник является «поздним»? Следует ли относить его к неолитической эпохе на том основании, что мы не имеем доказательства местного производства найденных в нем медных или бронзовых предметов? Всегда ли возможно доказать местное изготовление? Известно, что медные и бронзовые изделия редко находятся совместно с литейными формами и т. п. вещами. Всегда ли возможно выделить типологические ряды местных форм орудий? С этой точки зрения пришлось бы такую культуру как фатьяновская целиком отнести к неолитической эпохе. Действительно, бронзовые вислообушные топоры, как предполагается, проникли в фатьяновскую культуру с Кавказа, бронзовые украшения — частью из унетицкой культуры, частью из андроновской и т. д.¹¹ Несмотря на это фатьяновские могильники все же датируются на основании упомянутых предметов медным или бронзовым веком, но в отношении стоянок, расположенных на той же территории, вопрос решается по-иному. Обычно бронзовые предметы, обнаруживаемые на них, остаются вне поля зрения; внимание сосредоточивается на каменном инвентаре, преобладающем на стоянках, датируемых II тысячелетием до н. э., и они относятся к неолиту.

Горбуновский торфяник, заключающий разновременные наслоения, характеризуемые каменным инвентарем, сопровождаемым бронзовыми и медными предметами (вислообушный топор, нож, медная пластинка, кованая медная проволока для сшивания расколовшегося глиняного сосуда — прием, широко применявшийся в культурах развитой бронзы), а также

⁹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. 1940; М. Е. Фосс. Культурные связи Севера во II тысячелетии до н. э. СЭ, 1948, № 4; О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947.

¹⁰ В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 год; А. А. Спицын. Медный век в Верхнем Поволжье. Зап. Отд. русск. и слав. археол., т. V, 1903.

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч.

предметами, указывающими на местную металлургию (литейные формы копья и кельта, обломки льячки, медный шлак) некоторыми относится целиком к неолиту,¹² а автор раскопок датирует стоянки торфяника приблизительно концом II — началом I тысячелетия до н. э.¹³

Различно датируется Левшинская стоянка, в каменном инвентаре которой найдены шило и нож из меди, послужившие автору раскопок основанием для датировки стоянки концом III — началом II тысячелетия до н. э.;¹⁴ Н. А. Прокошев датировал ее энеолитом;¹⁵ В. И. Равдоникас относит эту стоянку к неолиту.¹⁶ Совершенно определено по этому поводу высказывается О. Н. Бадер, считая, что обнаружение на стоянке медных предметов достаточно для отнесения Левшина к энеолитической эпохе.¹⁷ Н. Н. Гурина¹⁸ и А. П. Окладников,¹⁹ отмечая появление меди и бронзы в северных культурах, считают, что на территории Севера наблюдался не только каменный век, но и бронзовый.

Особенно осложняется решение вопроса о датировке стоянок на территории Севера, где находки меди и бронзы очень редки. Обычно, без достаточного анализа формы сосудов, их орнамента, а также формы орудий и техники их изготовления эти стоянки большинство археологов относит к неолиту. Противоположное наблюдается в отношении Юга — степной полосы. Здесь, несмотря на преобладание каменных орудий в инвентаре стоянок, обращается внимание на керамику (форму сосуда, орнамент), и такие поселения, как стоянки катакомбной культуры, относятся к энеолиту и бронзовой эпохе; даже более древние поселения ямной культуры некоторыми относятся к эпохе меди.²⁰ Таким образом, при определении «неолита» и «бронзы», принимается во внимание еще и территория, на которой находится памятник: «северный неолит», «южная бронза».

Действительно, поселения катакомбной культуры обычно сопровождаются инвентарем, в котором орудия изготовлены, в основном, из камня. Для примера можно привести хотя бы стоянки в бассейне р. Оскола, расположенные на дюнах близ с. Шелаева (рис. 1 и 2),²¹ где на одной дюне найдены только каменные орудия (80 кремневых и несколько кварцитовых), отщепы кремня и только один обломок бронзовой булавки, на другой дюне металл вовсе отсутствует. Во втором пункте обнаружены остатки кремневой мастерской в виде скопления огромного количества отщепов кремня, нескольких десятков нуклеусов и заготовок орудий, отбойников и ретушеров. Законченных орудий найдено 31. Если бы подобные стоянки были найдены в лесной полосе, то они, несомненно, были бы отнесены к неолиту. Но присутствие здесь в инвентаре стоянок керамики катакомбного типа дает основание датировать их энеолитом и бронзовой эпохой.

¹² Макет «История СССР», раздел о неолите. Выступление А. Я. Брюсова по докладу М. Е. Фосс в 1948 г. в Секторе первобытной археологии ИИМК АН СССР.

¹³ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. Тр. ГИМ, т. X, 1940; его же. Новые находки на Горбуновском торфянике. Материалы и исследования по археол. СССР, № 1, 1940.

¹⁴ А. В. Шмидт. Стоянка у станции Левшино. СА, т. V, 1940.

¹⁵ Н. А. Прокошев. К вопросу о неолитических памятниках Приуралья. Материалы и исследования по археол. СССР, № 1, 1940.

¹⁶ В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. II, стр. 264.

¹⁷ Каменный век Приуралья. Первое Уральское археол. совещание. Молотов, 1948, стр. 13.

¹⁸ Неолитические поселения на сев.-вост. берегу Онежского озера. КСИИМК, вып. VII, 1940; Доклад на заседании Сектора первобытной археологии во время весеннего пленума ИИМК АН СССР.

¹⁹ Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья. ВДИ, 1938, № 1 (2).

²⁰ В. И. Равдоникас. Указ. соч., стр. 355.

²¹ М. Е. Фосс. Раскопки стоянок на р. Осколе. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941.

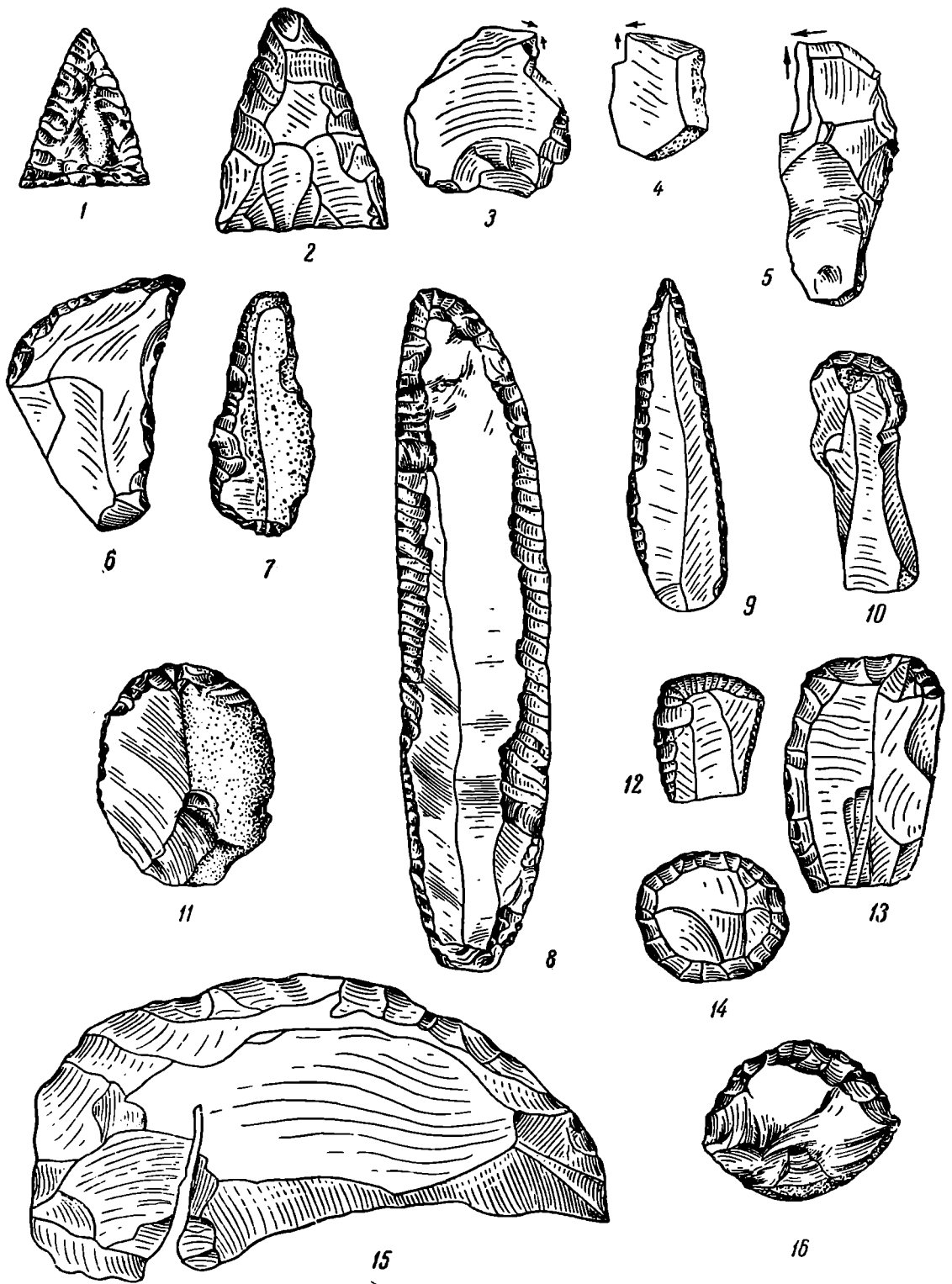

Рис. 1. Шелаево I. Образцы кремневых орудий из инвентаря стоянки катакомбной культуры

1, 2 — наконечники стрел; 3 — 5 — резацы; 6, 7, 10 — 14, 16 — скребки; 8 — нож; 9 — проколка; 15 — скребло ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

В связи с отнесением лесных культур к неолиту, а степных к бронзе устанавливались более древние даты северных памятников. Примером может послужить датировка Городцова Волосовской стоянки VIII тысяче-

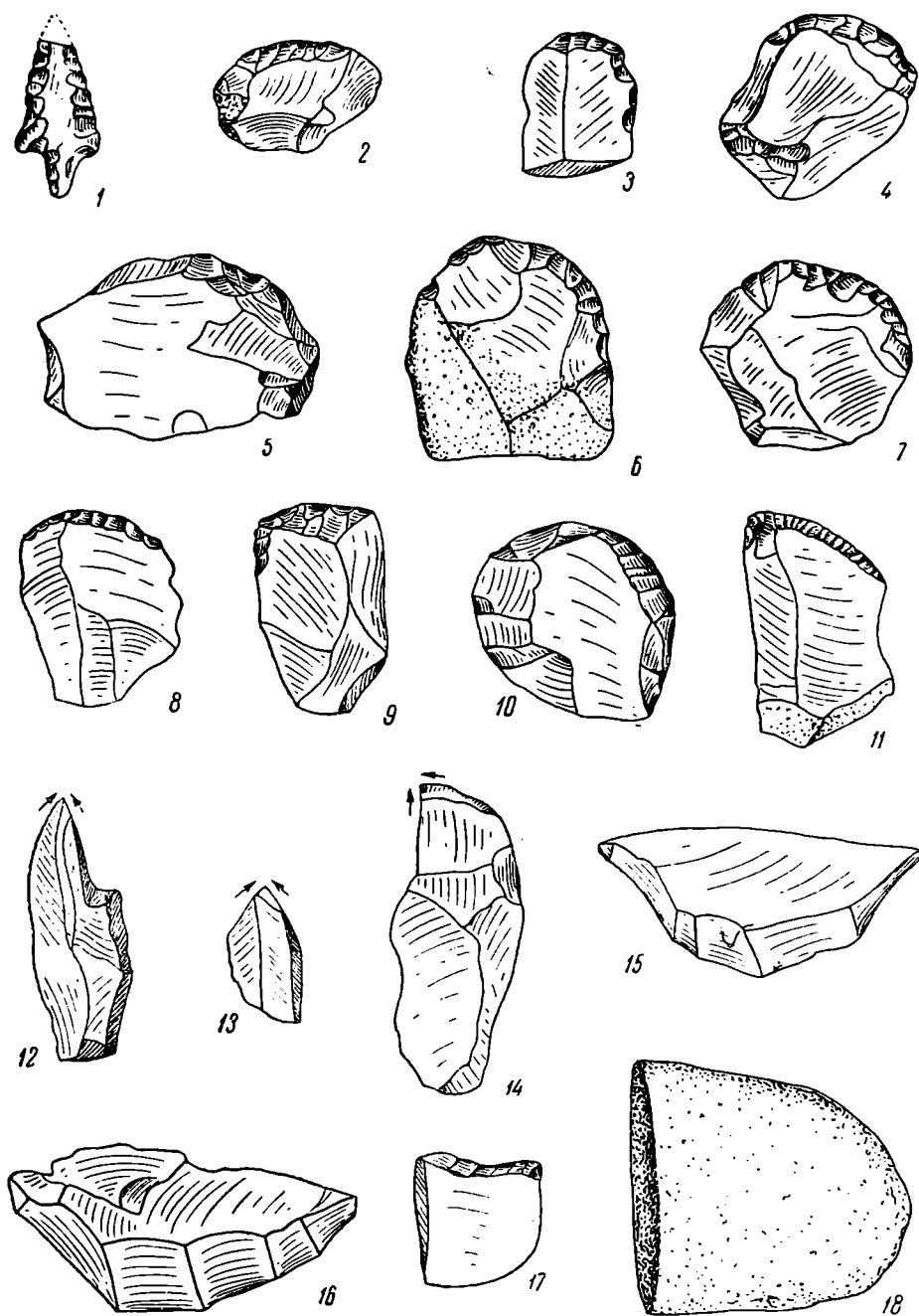

Рис. 2. Шелаево II. Образцы каменных орудий из инвентаря стоянки катакомбной культуры

1 — наконечник стрелы; 2 — 11 — скребки; 12 — 14 — резцы; 15, 16 — сколы нуклеусов; 17 — скобель; 18 — обломок полированного орудия. 1, 2, 5, 12 и 17 — из сборов на разрушенной части стоянки, остальные из раскопок ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

летием до н. э.,²² а Панфиловской — IV тысячелетием до н. э.;²³ датировка эта не подтвердилась впоследствии и была изменена, но в свое время это сыграло роль в хронологическом разрыве северных и южных куль-

²² В. А. Городцов. Археология, т. I. Археологическая классификация. М., 1925.

²³ Его же. Панфиловская палеометаллическая стоянка. Тр. Владим. археол. ком., т. III.

тур. В итоге создавалось неправильное представление, что в северной и средней полосе восточноевропейской равнины каменный век стабилизировался, что здесь ничего нового не произошло, вплоть до появления железа. Между тем, по имеющимся фактическим данным можно прийти к другому заключению, что племена «лесного неолита» были знакомы с металлом — медью и бронзой. И если ранее медный век лесной области представлялся только по фатьяновским могильникам, то теперь можно пополнить бронзу Севера найденными на стоянках новыми находками, относящимися ко II тысячелетию до н. э. Большинство этих находок датируется второй половиной этого тысячелетия и концентрируется главным образом в Камско-Волжском районе, ближе к уральскому очагу древней металлургии.²⁴ В средней и северной полосе отмечаются следующие пункты находок бронзы и меди: 1) Федоровская стоянка (прибл. конец III — начало II тысячелетия до н. э.) — найдено четырехгранное долотце из меди (?)²⁵ и фрагмент пластинчатого украшения из бронзы;²⁶ 2) Левшинская (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) — нож и четырехгранное шило из меди;²⁷ 3) Волосовская стоянка (начало II тысячелетия до н. э.) — слиток меди;²⁸ 4) Панфиловская (прибл. 1700—1500 гг. до н. э.) — бронзовое пластинчатое тесло²⁹ и кусок медного шлака;³⁰ 5) Холмомониха (прибл. 1600—1500 гг. до н. э.) — бронзовое шило;³¹ 6) погребение на Владычинской стоянке (1700—1300 гг. до н. э.) — бронзовые украшения унетицкого типа;³² 7) Бологовская стоянка — глиняная льячка, позволяющая установить местную металлургию меди;³³ 8) на Суне II (середина II тысячелетия до н. э.) — находки шлаков;³⁴ 9) у Волоцкого озера — находки шлаков;³⁵ 10) в Оров-Наволоке, Карело-Финская ССР (датируется Н. Н. Гуринной самым концом неолита) — бронзовые рыболовные крючки, обломки ножа и другие бронзовые предметы;³⁶ 11) Вой-Наволоки 9 — остатки бронзы того же времени;³⁷ 12) стоянка Усть-Яренга, Летний берег Белого моря (прибл. 1300 г. до н. э.) — фрагменты тигля, льячки и литейной формы кельта (?);³⁸ 13) на Галдарее III, там же (относящейся к тому же времени) — фрагмент льячки или тигля;³⁹ 14) Зимняя Золотица (прибл. того же времени) — остатки меди;⁴⁰ 15) р. Томица, Карело-Финская ССР (конец II тысячелетия до н. э.) — литейная мастерская;⁴¹ 16) стоянка у устья р. Кинемы на оз. Лача (прибл. XI в.) — находка бронзового кельта;⁴² 17) близ гор. Сыктывкара (прибл. XIII в. до

²⁴ А. А. Иессен. Уральский очаг древней металлургии. Первое Уральское археол. совещание. Молотов, 1948.

²⁵ Собр. Чухломского музея.

²⁶ Собр. ГИМ.

²⁷ А. В. Шмидт. Указ. соч.

²⁸ Собр. ГИМ.

²⁹ Собр. ГИМ. См. В. А. Городцов. Панфиловская палеометаллическая стоянка.

³⁰ Раскопки Е. И. Горюновой 1947 г.

³¹ По сведениям О. Н. Бадера, автора раскопок.

³² Собр. Рязанского музея. См. О. Н. Бадер. Первобытное хозяйство на Оке и в Верхнем Поволжье. ВДИ, 1939, № 3, стр. 115.

³³ А. А. Спицын. Стоянка Бологое. Зап. Отд. русск. и слав. археол., т. V.

³⁴ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 140.

³⁵ Там же.

³⁶ Неолитические поселения на сев.-вост. берегу Онежского озера. КСИИМК, вып. VII, 1940, стр. 35—36.

³⁷ Там же.

³⁸ Собр. ГИМ и Архангельского музея.

³⁹ Собр. ГИМ.

⁴⁰ Н. К. Зенгер. Поездка на золотицкую фабрику доисторических каменных орудий. М., 1877.

⁴¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии. 1940 г.

⁴² М. Е. Фосс. Стоянка на озере Лача у устья р. Кинемы. КСИИМК, вып. XIV, 1947.

н. э.) — находка бронзового кельта сейминского типа; ⁴³ 18) стоянка Свя-
тица (прибл. XIII — XII вв. до н. э.) — льячка и слиток меди; ⁴⁴ 19) Гор-
буновский торфяник (вторая половина II тысячелетия и начало I тысяче-
летия до н. э.) — бронзовые предметы (вислообушный топор, нож, обломки
ножа и пр.), а также литейные формы и медный шлак; ⁴⁵ 20) Галичская
стоянка, Заячья Горка (в свете новых исследований датируется прибл.
1300 г. до н. э. ⁴⁶) — бронзовый нож и обломки бронзовых бус; ⁴⁷
21) Алекановская стоянка (прибл. конец II тысячелетия до н. э.) — брон-
зовая гвоздеобразная булавка и обломок бронзового кельта с узким лез-
вием; ⁴⁸ 22) Воятицкая стоянка, верхний слой (вторая половина II тыся-
челетия до н. э.) — глиняный тигелек; ⁴⁹ 23) находка у Бабьей Губы (Ка-
рело-Финская ССР) — половина литейной формы кельта; ⁵⁰ 24) бассейн
р. Печоры — Сандибей-Ю (прибл. конец II — начало I тысячелетия до
н. э.) — песчаниковая литейная форма. ⁵¹ Кроме этого, имеются целые се-
рии предметов из меди и бронзы, найденные в могилах и кладах на терри-
тории лесной области. К ним относятся: Галичский клад, Сейминский,
Турбинский, Абашевский, Мало-Окуловский могильники. Следует также
присоединить и фатьяновские могильники.

Этот список может быть еще пополнен многими находками, но и приве-
денные показывают, что племена, населявшие лесную область, были зна-
комы не только с металлом, но и с процессом металлургического произ-
водства. Несомненно, соседство с южными племенами в области лесостепи
и с приуральскими — в восточной части лесной области — не могло не
оказать влияния на распространение нового материала и новой техники.
Вместе с тем, констатируя, что во II тысячелетии до н. э. охотничье-рыбо-
ловческие племена знали металл, отмечаем, что появление металла на Севе-
ре произошло несколько позднее и что металлургическое производство
было развито несравненно слабее, чем на Юге; однако следует подчерк-
нуть, что Приуралье и Волго-Камский бассейн являются в этом отноше-
нии исключением, представляя область, богатую находками из меди и
бронзы.

Нужно также принять во внимание, что южная бронза, послужив-
шая основанием для определения бронзовой эпохи на Юге, в значи-
тельной своей части обнаружена в могилах, хотя и здесь не всегда отме-
чается ее присутствие, что видно из таблиц, прилагаемых В. А. Город-
цовым к отчету. ⁵² Северные же находки из меди и бронзы происходят в
основном из культурных наслоений и случайных сборов. Как известно, по
сравнению с Югом, на Севере мало обнаружено могил. Из них часть, как,
например, языковские и караваевские, находилась в культурном слое, так
что трудно решить, относились ли найденные предметы к погребениям
или к поселениям. При этом местонахождение их также имело значение:
территориально близкие к Уралу сопровождалась бронзой, а удаленные
были без металла.

⁴³ Собр. Сыктывкарского музея.

⁴⁴ Собр. Чухломского музея.

⁴⁵ Собр. ГИМ.

⁴⁶ М. Е. Фосс. Новые памятники галичской культуры. КСИИМК, вып. XVII.

⁴⁷ В. А. Городцов. Галичский клад и стоянка. Тр. секции археол., т. III. РАНИОН, 1928.

⁴⁸ Собр. ГИМ.

⁴⁹ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья. Мат. и иссл. по археол. СССР, № 5, стр. 15.

⁵⁰ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, стр. 207.

⁵¹ Г. А. Чернов. Стоянка древнего человека... в Большеземельской тундре. КСИИМК, вып. IX.

⁵² Результаты археологических исследований в Изюмском уезде. Тр. XII АС, т. I, 1902.

Прослеживая распространение находок из меди и бронзы, можно установить связи различных районов Севера с источником медных месторождений — Уралом, откуда проникали изделия из металла по главной водной артерии — реке Волге с ее притоками. В связи с этим можно представить то реальное положение племен «лесного неолита», находившихся в соседстве с «бронзовыми» районами, особенно во второй половине II тысячелетия до н. э.,⁵³ т. е. в эпоху срубной культуры на Юге, где в это время бронза достигла полного расцвета.

Обычно памятники, характеризующиеся находками из меди и бронзы, изучаются как-то изолированно. Выделяются, например, могильники — Сейминский и Турбинский, без указания, с какими поселениями они могут быть связаны. Между тем, судя по найденным в них каменным орудиям, представляющим прекрасные образцы каменной техники, можно заключить, что в поселениях населения, оставившего эти могильники, преобладал каменный инвентарь. Галичский клад, состоящий исключительно из бронзовых и медных предметов, связан со стоянкой, характеризующейся почти исключительно каменным инвентарем, в котором, как известно, обнаружены лишь остатки бусины и один бронзовый нож. Интересно заметить, что клад датируется некоторыми исследователями бронзовой эпохой, а стоянка — поздним неолитом.⁵⁴

В Окском бассейне, в области распространения сетчатой керамики, находится Младший Волосовский могильник, датируемый XI в. до н. э. Стоянки с сетчатой керамикой, имевшие распространение на этой же территории, датируются второй половиной II тысячелетия до н. э., совпадая, таким образом, в какой-то части с временем могильника. Но Младший Волосовский могильник относится к бронзовой эпохе (хотя следует отметить, что в одной из могил найден железный предмет), а стоянки с сетчатой керамикой — к позднему неолиту, следовательно, к каменному веку. К этому же времени приблизительно относят поздняяковскую, или подборновскую, культуру, но время ее существования определяют бронзовой эпохой по стилю орнамента керамики, обнаруживающей сходство с керамикой южной культуры бронзы.

В лесостепной полосе, где происходило соприкосновение южных и северных культур, а также в Приуралье, близком к очагу металлургии, особенно подчеркивается несообразность применения термина «неолит» в отношении культур, синхронизируемых с бронзовыми, так как получается, что племена, находившиеся в сношениях друг с другом, жили в разных эпохах.

Сопоставляя культуры охотничье-рыболовецких племен и скотоводческо-земледельческих, существовавших одновременно, в эпоху, когда происходил процесс сложения археологических культур, мы наблюдаем неравномерность и своеобразие развития. В облике материальной культуры тех и других отразилось различие, существовавшее в занятиях, как, несомненно, сказались различия и природных условий. Но так как существование их отмечается в одно и то же время — в III и II тысячелетиях до н. э., то и культуры, созданные ими, следует относить к одной эпохе, несмотря на различие в облике. Так, стоянки катакомбной культуры, вследствие преобладания в инвентаре каменных орудий, имеют неолитообразный облик, но они сопровождаются керамикой, типичной для катакомбной культуры, и поэтому правильно относятся к энеолиту и бронзовой эпохе. То же следует сказать и в отношении северных стоянок, имеющих неолитообразный облик, вследствие применения каменных орудий, и вместе с тем сопровож-

⁵³ Судя, например, по коллекции Зауссайлова, происходящей с территории Татарской республики, и другим находкам смежных областей.

⁵⁴ В. И. Равдоникас. Указ. соч., стр. 389.

дающихся керамикой позднего типа, которая обнаруживается в некоторых пунктах совместно с находками медных или бронзовых изделий. На этом основании логично рассматривать указанные стоянки северной и южной территории как относящиеся к одной эпохе — энеолитической, затем — бронзовой. Синхронизация памятников отнюдь не означает их тождественность. Анализ инвентаря северных и южных стоянок показывает их своеобразие: в охотничье-рыболовецких отмечается огромное количество наконечников стрел, соответственно способам добывания пищи, причем разнообразная форма их свидетельствует о высокой технике охотничьих приемов, у скотоводческо-земледельческих племен наконечники стрел составляют незначительный процент инвентаря стоянок, и форма их однообразна. Отличительная черта лесной области — распространение рубящих орудий (топоров и тесел), независимо от формы хозяйства, как у охотничье-рыболовецких племен, так и скотоводческих (в фатьяновской культуре). В безлесных пространствах — в южных степных и на крайнем севере — орудия этого типа представляют единичные находки.

Как общее явление в это время следует отметить распространение в большом количестве скребков, применявшихся при любой форме хозяйства для обработки кожи. Следует также отметить распространение на Юге и в области фатьяновской культуры, а также смежных с ней, каменных полированных топоров-молотов.

Отнесение культур к одной эпохе не означает их нивелирования, наоборот, этим еще резче будет подчеркнуто их различие, как особенности культур лесной области, так и своеобразие отдельных районов этой области и неравномерность развития.

Что же позволяет рассматривать культуры «лесного неолита» и «степной бронзы» как принадлежащие одной эпохе? Кроме отмеченного почти одновременного появления меди и бронзы, имеются признаки, обычно сопровождающие это явление. К ним относится, прежде всего, высокая техника обработки камня — совершенствование древних приемов и возникновение новых, разнообразие форм орудий и пр. Подобные признаки наблюдаются на территории восточноевропейской равнины, в северных и южных культурах Западной Европы и во многих других странах. В культурах, сопровождаемых предметами из меди или бронзы, отмечается развитие техники сверления, пиления, полирования камня, тонкая отжимная ретушь и много других приемов обработки камня, доведенных до совершенства. Можно привести ряд примеров, подтверждающих это положение. Так, отжимная ретушь по краю орудий, дающая зубчатое лезвие (рис. 3—1), прослеживается на огромном пространстве, причем во многих пунктах совместно с медными или бронзовыми предметами или с предметами, указывающими на литье меди или бронзы, — тиглями, льячками и пр. Это позволяет заключить об одновременности применения «пильчатой» ретуши и металлургии меди и бронзы. Наконечники стрел с зубчатыми краями найдены: на Летнем берегу Белого моря в сопровождении тигля и льячки, в Усть-Яренте, с такими же находками — на Галдарее III, с обломком бронзового кельта ананьинского типа — в Красной Горе. На Зимнем берегу Белого моря такие наконечники обнаружены в сопровождении остатков меди или бронзы. В Большеземельской тундре (Сандибей-Ю VIII) они найдены вместе с литейной песчаниковой формочкой.⁵⁵ Последние находки относятся к позднему времени — началу железной эпохи и концу бронзовой. В более южных районах «пильчатая» ретушь наблюдается в Волго-Окском районе,⁵⁶ имеется на территории Украинской ССР,⁵⁷ на

⁵⁵ Анализ показал следы Cu, Ni, Sn.

⁵⁶ Дубровичи. Из собр. ГИМ; Мстино — частное собр. Реймана и др.

⁵⁷ Новоселки (см. «Sviatowit», т. VI, стр. 28, 40).

Кавказе⁵⁸ и во многих других местах. В Западной Европе появление «пильчатой» ретуши отмечается в эпоху халколита или энеолита (в Швеции, Дании, Франции, Португалии), за пределами ее — в Египте, Халдее и в других странах. Повсюду подобный прием обработки края кремневых орудий сопровождается, при отсутствии прямого указания на металлургию меди или бронзы, позднего типа керамикой или позднего типа каменными орудиями, относящимися к энеолиту или бронзовой эпохе.

Некоторые формы кремневых наконечников стрел, появление которых совпадает с применением меди и бронзы, также служит основанием для отнесения памятника к периоду появления металла. К ним относится треугольная форма с выемкой в основании (рис. 3—4), выделенная в свое время В. А. Городцовым и прослеживаемая на западноевропейских материалах; на территории Франции обнаруживаются наконечники стрел, сопоставляемые по форме с медным наконечником халколита в Испании. В культурах лесной области восточноевропейской равнины наконечники подобной формы можно видеть, например, в Федоровской стоянке, Панфиловской, Волосовской и многих других, где наряду с ними обнаружена керамика позднего типа, а иногда изделия из меди или бронзы.

Вместе с этим следует отметить, что в древнейших стоянках лесной области, например в Льяловской или в Нижнем Веретье, такого типа наконечников стрел нет. Одновременной формой можно считать форму с выемками по бокам. Прослеживая распространение их, можно указать на Волосовскую стоянку, Кубенино, Галдарею III, Усть-Яренгу и др.

Интересна также форма наконечников, известная под названием «сейминского типа» (рис. 3—2, 3). Она возникла ранее Сейминского клада, но получила свое завершение в Сейме. Эта форма характеризуется треугольным вытянутым пером и треугольным черешком, иногда сопровождается отчетливо выраженными шипами. В Сейминском кладе из 28 наконечников 16 имеют треугольную форму (без выемки), остальные — описанную форму (из них два не имеют шипов).⁵⁹ Такой формы нако-

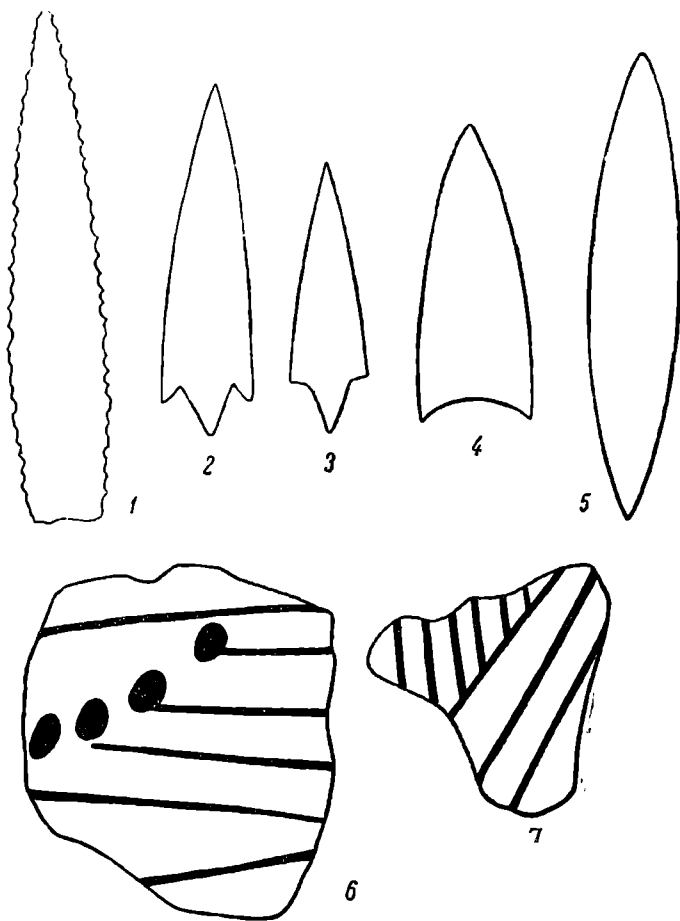

Рис. 3. (1—5) Схематическое изображение типов наконечников стрел, характеризующих время применения меди и бронзы, (6, 7) — обломки керамики с прочерченным орнаментом

⁵⁸ В станице Царской.

⁵⁹ В собр. Горьковского музея по сведениям И. К. Цветковой.

наконечники найдены в Турбине,⁶⁰ Абашеве,⁶¹ Покровском (хвальгинской культуры). Основываясь на датировке этих памятников, такого типа кремневые наконечники можно относить к концу бронзовой эпохи. Имеются наконечники, близкие к этому типу, но не обладающие такой законченной формой; найдены наконечники в более древних стоянках — Федоровской, Волосовской и др. Это позволяет рассматривать их как прототипы, предшествующие по времени наконечникам сейминского типа.

К признакам, характеризующим энеолит и бронзовую эпоху, следует отнести форму так называемых лавролистных наконечников, представленных в виде прекрасных образцов в Волосовском кладе (рис. 3—5),⁶² а позднее — в Сейминской стоянке.⁶³ На Севере они редки: можно указать лишь на находку их на Зимнем берегу Белого моря — в Зимней Золотице.⁶⁴

Общим признаком, характерным для обработки кремня в эпоху бронзы, является также крутая ретушь, расположенная на рабочей части орудия. Подобную обработку можно видеть на скребках и скребковидных орудиях в Шелаеве,⁶⁵ в Волосовской стоянке, Галдарее III и многих других местах. Можно указать также на кремневые скульптурки как на принадлежащие к эпохе появления металла, датируемые обычно поздним неолитом,⁶⁶ т. е. периодом появления меди и бронзы.

Кроме перечисленных общих признаков, свойственных культурам на огромной территории Европы, существуют многочисленные частные признаки, свойственные какому-либо району или области, определяющие также начало эпохи меди и бронзы. К таким местным признакам относится, прежде всего, орнаментика керамики, представляющая в это время исключительно местное производство. В связи с этим, привлечение керамики, при выяснении вопросов датировки того или другого комплекса, возможно лишь с учетом местных особенностей. В виде примера можно привести резко отличающуюся по типу узоров — керамику Сперрингс (Финляндия) и ямочно-гребенчатую — типа Льялова, которые являются древними, каждая для своей территории. Следовательно, для установления общих черт развития керамики, которые могли бы быть принятыми для характеристики эпохи, необходимо проследить развитие керамики сначала в пределах определенной культуры, а затем, сопоставляя с керамикой других культур, прийти к тому или другому заключению. В связи с высказанными соображениями выделение керамики с прочерченным орнаментом, отмечаемым как древнейший в культурах лесной области, представляется преждевременным. Прочерченный орнамент наблюдается в керамике Языковской стоянки (в нижнем горизонте) и в комплексе ямочно-гребенчатой керамики из Николо-Перевоза (рис. 3—6, 7). Но, не говоря уже о том, что в этих пунктах отсутствует стратиграфическое разделение древних и более поздних наслоений, можно указать на нахождение подобной керамики с таким орнаментом в несомненно поздних стоянках (Холомониха, Садовый Бор), относящихся к энеолиту.

Детальное изучение керамики позволяет, как и на Юге, установить периодизацию культур лесной области. Так, на основании узоров керамики, обнаруженной на стоянках оз. Грязного, типа Астраханцевской, близ-

⁶⁰ В собр. МАЭ (Ленинград).

⁶¹ В. Ф. С мо л и н. Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары. 1928, стр. 56, рис. 24—8.

⁶² Собр. ГИМ.

⁶³ Собр. Горьковского музея.

⁶⁴ Собр. ГИМ.

⁶⁵ М. Е. Ф о с с. Раскопки на р. Осколе. Тр. ГИМ, вып. XII.

⁶⁶ С. Н. З а м я т н и н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы. С. А., т. X.

ких сейминско-турбинским, устанавливается время развитой бронзы.⁶⁷ В отношении карельских стоянок то же наблюдение произведено Н. Н. Гуриной, анализирующей орнаментику керамики с точки зрения времени ее бытования.⁶⁸ Выводы Гуриной о характерных узорах для эпохи появления меди и бронзы подтвердились находками изделий из этих металлов.

Можно было бы привести много примеров, показывающих, что керамика, как и кремневый инвентарь, позволяет судить о наступлении эпохи энеолита и бронзовой эпохи, а также более поздней — раннего железа. Выделение подобных признаков особенно важно для территории, бедной находками из меди или бронзы. В свое время В. А. Городцов, руководствуясь исключительно формами кремневых наконечников стрел, найденных К. П. Ревой на дюнах Белого моря, вопреки мнению последнего, датировал стоянки металлическим периодом.⁶⁹ Позднее материалы раскопок, произведенных в обследованных Ревой местах, полностью подтвердили датировку Городцова.⁷⁰ Здесь были найдены тигли, льячки и фрагмент литейной формы кельта (?).

В связи с приведенными данными необходимо подчеркнуть, что металлургия меди и бронзы возникла в «лесном неолите» в культурах охотничье-рыболовецких племен, а не скотоводческих. Нет необходимости создавать гипотезу об оленеводстве,⁷¹ чтобы объяснить причины возникновения металлургии. Несомненно, что скотоводство и земледелие способствовали развитию металлургии, но и при охотничье-рыболовецком хозяйстве, достигшем полного развития во II тысячелетии до н. э. в лесной области, производительность труда была настолько высока, что стало возможным освоение сложного металлургического производства. Слабая же степень развития его в значительной части лесной области может быть объяснена бедностью медных месторождений, что подтверждается геологическими данными.⁷²

В заключение приходим к выводу, что племена «лесного неолита» жили не только в каменном веке, но они пережили и бронзовый век. В последних работах по «лесному неолиту» для обозначения разновременности памятников введены были стадии неолита, которые в сущности относятся к неолиту, энеолиту, бронзовой эпохе и началу железной.⁷³

Переходя к рассмотрению термина «культура», прежде всего отмечаем применение его в самом различном значении. Нередко наблюдается отождествление «культуры» с эпохой. В таком смысле «культура» употребляется, например, вместо палеолитических эпох: мустьерская, солютрейская, мадленская культуры и др., а для более позднего времени — макролитическая или микролитическая культуры.

При этом не принималась во внимание территория распространения «культуры», так как подразумевалось под этим термином время существования памятника. Затем «культуры» выделялись по одному какому-либо признаку и связывались с определенной территорией, например:

⁶⁷ О. Н. Бадер. Каменный век на Урале. Первое Уральское археол. совещание. Молотов, 1948, стр. 13—14.

⁶⁸ Н. Н. Гурина. Указ. соч.

⁶⁹ В. А. Городцов. Заметка о доисторических стоянках побережья Белого моря. Древности, т. XIX, вып. 2.

⁷⁰ Материалы Беломорской экспедиции ГИМ, 1926, в собр. ГИМ.

⁷¹ А. Я. Брюсов. История древней Карелии, гл. V, стр. 128 и сл.

⁷² А. А. Чернов. Минерально-сырьевая база сев.-вост. Европейской части СССР, 1948.

⁷³ А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. КСИИМК. вып. XVI, 1947.

«культура окрашенных», или «скорченных костяков», «культура шнуровой керамики», «культура крашеной керамики», «культура гребенчатой керамики» и т. д.

Следующим этапом определения культуры можно считать учитывание комплекса признаков, характеризующих культуру, с прослеживанием территориального их распространения. Так были выделены В. А. Городцовым культуры бронзовой эпохи на юге Европейской части СССР. Последний этап определения культуры характеризуется содержанием, которое вкладывается в понятие культуры, выделяемой также по комплексу признаков. Культура представляется выражением территориального обособления племен. В результате такой локализации наблюдается своеобразие в облике культуры различных мелких районов. В лесной области охотничье-рыболовецкие племена гнездились по озерам, небольшим рекам и были разделены промежуточными пространствами, представляющими болота, леса и т. п.

Разобщенность, дробность населения обуславливалась экстенсивной формой хозяйства, при которой необходима была для прокормления небольшой группы населения огромная территория лесного и водного пространства. В таких условиях происходило сложение археологических «культур», отличающихся по своему облику. Единообразие, наблюдаемое в каждой отдельной культуре, является основанием к их различию. Изучение археологического материала лесной области привело к определению археологических культур: белевской, каргопольской, беломорской, балахинской, карельской и многих других. Прослеживаемый по археологическим данным процесс обособления племенных групп, во время освоения новой территории при расселении по лесной области, происходил в течение длительного периода, приблизительно с конца III и во II тысячелетий до н. э.

Наряду с признаками, характеризующими различия археологических культур и являющимися местными, имеются и общие черты, свойственные ряду культур; руководствуясь этими чертами, можно объединить такие культуры в единое целое, являющееся выражением этнической общности. В связи с этим намечаются области родственных культур, или «провинции», выделяемые в свое время М. В. Воеводским, а также А. П. Окладниковым.⁷⁴ Эта родственность особенно ярко проявляется в орнаментике. Судя по ней, дошедшей до нашего времени главным образом с керамикой, можно представить следующее: культуры, характеризующиеся керамикой ямочно-гребенчатой (с преобладанием ямочных элементов, сплошь покрывающих поверхность), были распространены в Окском бассейне, Верхнем Поволжье, Озерном крае. Западная часть лесной области (Белоруссия, западная часть Карело-Финской ССР и др.) характеризуется преобладанием в основном гребенчатой керамики. Особую область образуют культуры с керамикой, украшенной гребенчато-струйчатым орнаментом; эта культура распространилась на Среднем Урале и в Западной Сибири.

В результате исследований советских археологов опровергаются буржуазные концепции Айлио о существовании «единой культуры на огромной территории от Балтики до Енисея». Формально-сравнительный метод, примененный Айлио при получении орнаментов керамики, был давно отвергнут в советской археологической науке. Новый методологический подход к изучению археологических материалов, в частности керамики, позволяет говорить о многообразии типов ямочно-гребенчатой керамики на этой огромной территории.

⁷⁴ А. П. Окладников. К изучению неолита Восточного Приуралья и Западной Сибири (тезисы). Первое Уральское археол. совещание. Молотов, 1948.

Среди культур лесной области особое место занимают культуры (которые можно противопоставить культурам с ямочно-гребенчатой керамикой) «фатьянообразного» облика, распространяясь на очень большой территории: в бассейне среднего Днепра — среднеднепровская культура, в Верхнем Поволжье — фатьяновская. Новые находки указывают на распространение фатьяновской культуры и южнее. Имеются находки керамики балановского типа на Мокше и близ г. Саранска.

Своеобразие локальных групп памятников позднего неолита давно уже отмечалось в русской археологической литературе и было обращено внимание на изменение облика керамики в соответствии с территорией и временем ее распространения. М. В. Воеводский и О. Н. Бадер выделили группу стоянок балахнинской низины, рассматривая этот комплекс материальной культуры как принадлежащий одной племенной группе.⁷⁵ П. А. Дмитриев отмечал сходство стоянок Тюменского края и отличие их от одновременных стоянок шигирской культуры, имевшей распространение в соседней области; это явление он объясняет объединением отдельных родов в различные племена.⁷⁶ В работах А. Я. Брюсова и моих на обширном материале выделен был ряд археологических культур лесной области конца III и II тысячелетия до н. э.⁷⁷ В итоге всей произведенной работы можно сформулировать определение «культуры» следующим образом: археологическая культура — это комплекс памятников, представляющий результат территориального обособления племенных групп населения на определенном отрезке времени. Дальнейшая работа введет дополнения и пояснения к этому определению. Углубление источниковедческой работы в этом направлении откроет большие перспективы для восстановления конкретной истории первобытного общества.

---

⁷⁵ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. Изв. ГАИМК, вып. 106.

⁷⁶ П. А. Дмитриев. Вторая Андреевская стоянка. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938.

⁷⁷ БСЭ, том «История СССР», 1948; А. Я. Брюсов. История древней Карелии; М. Е. Фосс. Неолитические культуры Севера... СА, т. IX; е е же. Каргопольская культура (диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук).

Л. Р. КЫЗЛАСОВ

К ИСТОРИИ ШАМАНСКИХ ВЕРОВАНИЙ НА АЛТАЕ

В 1924—1925 гг. в низовье р. Чулышмана (Вост. Алтай) Алтайской экспедицией Русского музея был раскопан могильник Кудыргэ. Могильник, в связи со значительными пережитками гунно-сарматской стадии как в погребальном инвентаре, так и в устройстве погребальных сооружений, датируется V—VI вв. н. э.¹ Ни в коей мере не пытаюсь в настоящей заметке анализировать весь погребальный инвентарь, хотя потребность в

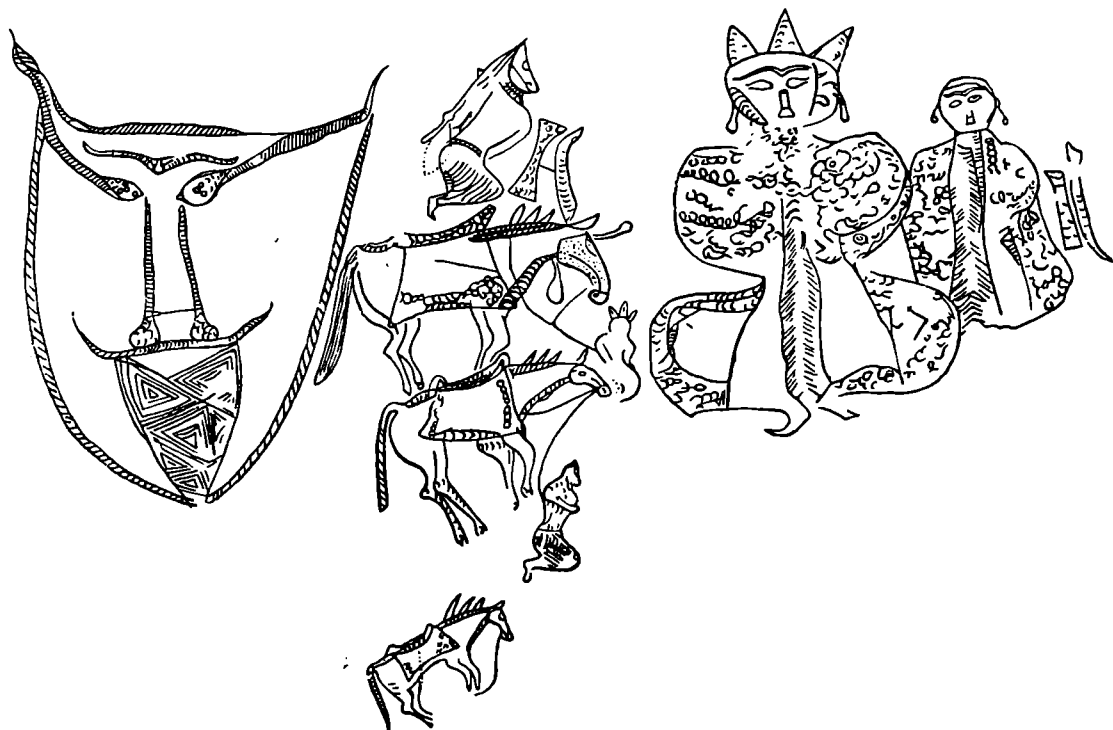

Рис. 4. Рисунок, помещенный на валуне из погребения в Кудыргэ

этом уже давно назрела, я обращаю внимание лишь на один памятник этого интереснейшего могильника. Это — исключительная по своей символике и художественному мастерству сцена, выгравированная на валуне, найденном в погребении грудного ребенка; погребение не имело никакого сопроводительного инвентаря² (рис. 4).

¹ С. В. Киселев. Алтай в скифское время. ВДИ, 1947, № 2, М.—Л., стр. 164.

² С. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудыргэ на Алтае. МЭ, т. III, вып. 2, Л., 1927, рис. 18.

До сих пор, насколько мне известно, аргументированной интерпретации памятника не существует. С. И. Руденко и А. Н. Глухов при издании эстампажа рисунка ограничились простым описанием. А. Н. Бернштам в своем беглом обзоре алтайских могильников тюркского времени, хотя и уделяет несколько строк рассматриваемому нами памятнику, однако ничем не аргументирует своих положений. Основной его вывод заключается в следующих словах: «Это изображение новых отношений, отраженных равным образом в различных типах погребений и в социальной терминологии кочевой аристократии орхонских надписей». ³ Вряд ли возможно весь смысл изображенной сцены сводить к иллюстрации новых общественных отношений.

Значение этого замечательного памятника состоит не только в том, что он помогает нам разобраться в социальных отношениях алтайцев рассматриваемого периода, но и в том, что это первый и пока единственный памятник, иллюстрирующий идеологию данного общества. По моему убеждению, это первый и пока единственный памятник, донесший до нас изображения древнетюркских божеств так, как они представлялись древним алтайским тюркам. Не надо забывать только, что камень лежал в засыпке могилы ребенка, и тогда многое может проясниться.

В самом деле, основная, центральная фигура всей сцены — сидящая женщина в роскошной, судя по орнаментировке, одежде, с серьгами в ушах и трехрогой тиарой на голове. Величина ее фигуры (в сравнении с изображениями стоящих в ряд коней и спешенных коленопреклоненных всадников) совершенно необычна и подчеркнута выделена. Важная, уверенная и величественная осанка всей фигуры и особенно необыкновенный трехрогий головной убор говорят не об исключительной знатности и привилегированном положении этой женщины, а о ее божественности.

Это, конечно, Умай — женское почитаемое шаманистами божество, покровительница детей и плодородия; современными алтайцами-шаманистами она почиталась вплоть до 20-х годов XX в. ⁴ Культ Умай сохранился не только у алтайцев. Этнография зафиксировала почитание Умай и для других тюркоязычных народов Средней Азии и Южной Сибири, как-то: хакасов, тувинцев, киргизов и узбеков. ⁵ Умай представляется с «гребневидными волосами» (телеуты), «одетой в шелк» (шорцы) светлой женщиной. ⁶ Что же касается древних тюрков, то хорошо известно из китайских летописей о шаманизме тюрков-туго и древних хакасов («шаманов своих они называют гянь», ⁷ т. е. кам), о культе гор и т. д. Умай почиталась также древними тюрками, о чем неоднократно свидетельствуют орхонские надписи. ⁸

Только такая трактовка этой женской фигуры может объяснить и загадочный трехрогий головной убор. Где мы встречаем такой головной убор и каково его назначение? Сравнительный анализ показывает, что подобные головные уборы в виде трехрогой тиары были распространены в эпоху, синхронную гунно-сарматской и тюркской стадиям Алтая. Максимальное же распространение падает на период с III по VI в. н. э., что вполне согласуется с датировкой нашего памятника. Больше того, подобные головные уборы известны только на изображениях богов и жрецов — и на

³ История СССР (макет), части III—IV. Изд. ИИМК. М.—Л., 1939, стр. 485.

⁴ Л. П. Потапов. Возрожденный народ. Новосибирск, 1942, стр. 18.

⁵ Н. П. Дыренкова. Умай в культе тюркских племен. Сб. «Культура и письменность Востока», кн. III, Баку, 1928, стр. 134—139.

⁶ Там же, стр. 135.

⁷ Иакинф (Бичурин). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. 1, СПб., 1851, стр. 271 и 446.

⁸ W. Radloff. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei (далее сокращ. ATIM), I, стр. 19; II, стр. 119; III, стр. 443; zweite Folge, стр. 19.

иранском западе в сасанидское время, в Средней Азии, на Севере, а также в таньском Китае. Приведу несколько примеров.

На общеизвестных сасанидских сосудах, скальных рельефах и сасанидских монетах цари никогда не изображались в подобных трехрогих тиарах, но всегда в оригинальных коронах. Если и имеются зубчатые короны, то зубы их ступенчаты и явно превышают число три. Зато лица, непосредственно общающиеся с божеством, жрецы, всегда изображены в трехрогом головном уборе. Например, на серебряной монете Шапура I (241—272) на лицевой стороне изображен царь, а на оборотной — два жреца в трехрогих тиарах, охраняющие алтарь священного огня — аташдан.⁹ Даже тогда, когда и царь изображался в качестве охранителя аташдана, он не имел подобного головного убора. Например, на монете Нарсе (Нарзеха; 293—301) на реверсе монеты, по обеим сторонам аташдана изображены царь и жрец; жрец изображен в трехрогой тиаре, а царь — в короне с шаром наверху.¹⁰ Число «три» было, видимо, с древнейших времен священным на Востоке; так, например, жертвенник эпохи так называемых индоскифских государств (саки, юечжи-массагеты) имел трехрогое завершение, над которым возвышался поставленный на край его трезубец. Такой жертвенник изображен на аверсе монеты Базодео и перед ним стоит сам царь, а на реверсе — индусское божество Окро также с трезубцем в руках.¹¹ На монете индоскифского царя Ооерки на реверсе изображен храм и три бога в нем. Центральное божество изображено в трехрогой тиаре и в окружении нимба.¹² Характерно, что глиняные погребальные оссуарии с городища Афрасиаб имеют над дверью, уподобляющей оссуарий вечному жилищу, рельефную головку божества с трехрогим головным убором.¹³

Среди хотанских древностей IV—V вв. имеется литая бронзовая фигурка бога с трехрогой тиарой на голове в окружении нимба; в правой руке фигурка держит лотос.¹⁴ Напомним, что изображение лотоса встречено и в Кудыргинском могильнике.¹⁵ Интересно, что позднее в таньском Китае мы также встречаем подобный головной убор. Известно скульптурное изображение буддийской богини милосердия Kuau-yin, приписываемое таньскому художнику и скульптору Wu Tao-tse (первая половина VIII в.). На голове богини, над валиком аккуратно завитых волос возвышается трехрогая тиара.¹⁶

Невозможно обойти молчанием глиняную статуэтку старца с подобной же трехрогой тиарой (VI—VIII вв.), изданную Бернштамом, который справедливо приписывает ей «магическое значение».¹⁷ Однако нельзя согласиться с автором в том, что аналогии подобному головному убору он видит «в коронах сасанидских царей (? — Л. К.), в головных уборах сражающихся рыцарей, изображенных на одном блюде, также приписываемом сасанидам».¹⁸ Во-первых, выше уже указывалось, что трехрогих тиар рас-

⁹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890, стр. 12, рис. 5; ср. К. В. Тревер. Художественное значение сасанидских монет. Гос. Эрмитаж. Тр. Отдела истории культуры и искусства Востока, т. I, Л., 1939.

¹⁰ Там же, стр. 15, рис. 7.

¹¹ Там же, стр. 23, рис. 18.

¹² Там же, стр. 22, рис. 17.

¹³ Там же, стр. 30, рис. 29.

¹⁴ Г. Кизерицкий. Хотанские древности из собрания Н. Ф. Петровского. ЗВРАО, т. IX, вып. 1—4, СПб., 1896, стр. 186, фиг. 27.

¹⁵ С. Руденко и А. Глухов. Указ. соч., рис. 6.

¹⁶ Vachofeg. Chinesische Kunst. Breslau, 1923, стр. 69, рис. 9.

¹⁷ А. Н. Бернштам. Изображение согдийца в корoplastике Чуйской долины. КСИИМК, вып. XIX, рис. 24.

¹⁸ Там же, стр. 64.

сма­три­вае­мо­го ти­па, ко­то­ро­му со­от­вет­ст­вует и ти­ара су­ку­лу­кской ста­туэ­тки Бернштама, ни­где не встре­чено среди ко­рон са­са­ни­дов. Во­вто­рых, ссы­лка на «сра­жаю­щих­ся ры­ца­рей» неубе­ди­тель­на, так как эти вои­ны хо­тя и име­ют до­воль­но стран­ные тре­хро­гие го­лов­ные убо­ры, но это все же са­мые на­сто­ящие шле­мы с на­щеч­ни­ка­ми, а не ти­ары на­ше­го ти­па. К то­му же ро­га этих шле­мов си­льно вы­тя­ну­ты в­верх, осо­бен­но сре­дний, на вер­шине ко­то­ро­го при­кре­п­ле­но укра­ше­ние в ви­де кру­жка со спи­ца­ми.¹⁹

Лю­бо­пыт­но, что и на се­вере с усть-по­лу­йской эпо­хи (IV в. до н. э.— II в. н. э.) от рай­она гор. Томска до бас­сей­на р. Ка­мы рас­про­стра­ня­ют­ся так на­зы­вае­мые ша­ман­ские изоб­ра­же­ния. Среди них име­ются вы­ре­зан­ные на са­са­ни­дских блю­дах или же на от­дель­ных бля­хах изоб­ра­же­ния ми­фичес­кой пти­цы Карса с тре­мя зу­бца­ми на го­лове²⁰ или «пля­шущих» лю­дей в тре­хро­гих го­лов­ных убо­рах с дву­мя мечами в ру­ках.²¹ Спи­цын их пря­мо на­зы­вал ша­ман­скими изоб­ра­же­ния­ми и ука­зы­вал на их и­ран­ское про­ис­хо­жде­ние, что ны­не раз­ви­вает и Чер­нецов. Мож­но бы­ло бы при­вести го­раз­до боль­ше ана­ло­гий, под­твер­ждаю­щих мы­сль о том, что с тре­хро­гим го­лов­ным убо­ром свя­заны толь­ко ри­ту­аль­ные изоб­ра­же­ния; боль­шей ча­стью в по­доб­ном убо­ре изоб­ра­жа­лись бо­же­ства, осо­бен­но жен­ские.²²

Из­ло­жен­ное под­твер­ждает, что жен­ская фи­гу­ра, изоб­ра­жен­ная на ва­лу­не, не­сом­нен­но, Умай — по­крови­тель­ница де­тей. Дей­стви­тель­но, спра­ва, поза­ди нее изоб­ра­жен умер­ший ре­бе­нок, по­пав­ший и в по­ту­сторон­нем ми­ре под за­щиту Умай, ко­торая на ри­сунке от­де­ляет его со­бой от жи­вых лю­дей и ло­ша­дей. В не­пос­ред­ст­вен­ной бли­зо­сти к бо­гине изоб­ра­жен, очень схе­ма­ти­чно, че­ло­век в тре­хро­гой же ти­аре. Это, не­сом­нен­но, ша­ман — кам.

Та­ким об­ра­зом, опи­раясь на не­ко­то­рые дан­ные эт­но­гра­фии, мы мож­ем по это­му ри­сунку, изоб­ра­жаю­ще­му куль­то­вую сце­ну, вос­ста­но­вить об­ряд по­гре­бе­ния ре­бенка. Из­вест­ный тюр­ко­лог и эт­но­граф Н. Ф. Ка­танов со­брал и за­пи­сал мно­го ин­те­рес­ных све­де­ний о ста­рин­ных по­гре­ба­ль­ных об­ря­дах тюрк­ских на­род­но­стей. Осо­бен­но лю­бо­пыт­ны для нас древ­ние обы­чаи бель­тир: «Се­дла­ли лю­би­мо­го ко­ня по­кой­ника его же се­длом в са­мый день смер­ти, при­вя­зав в то­ро­ка́ ве­щи по­кой­ника, да­же то­пор. Чол­ку и хвост ко­ня за­п­ле­тали по­доб­но жен­ской ко­се. За­п­ле­тал обык­но­вен­но ста­рик».²³ Да­лее: «Один муж­чина са­дит­ся верхом на ко­ня и увозит (по­кой­ника), а дру­гой муж­чина са­дит­ся на осед­лан­но­го ко­ня по­кой­ника и едет тут же. На степь (клад­би­ще) не едет ни одна жен­щина, едут все муж­чины».²⁴ За­тем, по­ложив по­кой­но­го в мо­ги­лу, «при­водят упо­мя­ну­то­го осед­лан­но­го ко­ня и, го­во­ря: «Возь­ми сво­е­го ко­ня!», бро­сают по­вод то­го ко­ня на ле­вую его ру­ку. На том све­те ле­вая ру­ка ста­нет пра­вой».²⁵

На на­шем ри­сунке мы ви­дим как буд­то пря­мое изоб­ра­же­ние опи­сан­но­го. На ри­ту­аль­ной сце­не у мо­ги­лы при­сут­ст­вуют толь­ко муж­чины — два спешен­ных всад­ника и ша­ман. Все они сто­ят ко­леноп­ре­кло­нен­ными и, ви­димо, про­сят бо­гиню Умай бы­ть бла­гос­кло­нной к умер­ше­му ре­бенку. По­это­му на ри­сунке изоб­ра­жена и та, к ко­то­рой они воз­но­сят свои мо­ль­бы,

¹⁹ И. А. Ор­бел­и и К. В. Тре­вер. Са­са­ни­дский ме­талл. М.—Л., 1935, табл. XXI.

²⁰ В. Н. Чер­нецов. О про­ник­но­ве­нии восточ­но­го серебра в При­обье. Тр. Ин-та эт­но­гр. (но­вая се­рия), т. I, М.—Л., 1947, стр. 119, рис. 1—2.

²¹ А. А. Спи­цын. Ша­ман­ские изоб­ра­же­ния. ЗОРСАРАО, т. VIII, вып. 1, СПб., 1906, рис. 4, 5, 7, 9, 14, 15, 21, 24, 29—31, 33, 37.

²² С. П. Тол­стов. Древ­ний Хорезм. Изд. МГУ, М., 1948; тер­ра­кота на табл. 73, рис. 1 и вы­во­ды ав­то­ра на стр. 205.

²³ Н. Ф. Ка­танов. О по­гре­ба­ль­ных об­ря­дах у тюрк­ских пле­мен Цен­тральной и Восточ­ной Азии. Казань, 1894, стр. 8—9.

²⁴ Там же, стр. 9.

²⁵ Там же.

и тот, о ком они просят. Судя по колчану и луку, изображенным при ребенке, это был мальчик.²⁶

Обращает на себя внимание и одиноко стоящая внизу маленькая лошадка, которая скорее всего была предназначена для умершего ребенка. Она стоит с распущенным по земле поводом, в то время как других двух коней люди держат за повод. Не бросали ли только что этот повод в левую руку покойного? Любопытно, что эта лошадка оседлана, как и остальные, но имеет заплетенный хвост, о чем свидетельствуют насечки и форма хвоста, в сравнении с распущенным хвостом верхнего коня.

Необходимо отметить еще одно обстоятельство, на которое указали С. И. Руденко и А. Н. Глухов, а именно: лица двух присутствующих при обряде мужчин изображены как бы в масках и имеют, скорее всего, звериный облик. И этот момент находит себе объяснение в этнографических наблюдениях. Известно, например, что при определенных актах шаманства у хакасов присутствующие мужчины должны прятать лицо или закрывать его чем-либо. Г. Н. Потанину удалось даже обнаружить у северных алтайцев среди шаманских атрибутов и настоящие берестяные маски — кочо, украшенные беличьими хвостами.²⁷ Здесь необходимо указать также на известные нам пережитки трехрогого головного убора, зафиксированные у сибирских шаманистов. Это, во-первых, бурятские онгоны, являющиеся изображением шаманов в виде нарисованных красной краской схематических фигурок людей, с тремя расходящимися лучами на головах.²⁸ Во-вторых, чалу — портреты алтайских умерших шаманов, в виде кукол, с украшением из трех перьев филина.²⁹

Осталась нерассмотренной грубая мужская личина, вырезанная на верхней грани валуна (на рисунке она изображена слева). Это крайне схематизированное лицо с клинообразной бородкой и загнутыми вверх усами справедливо покажется нам неумелой стилизацией, по сравнению с только что рассмотренными довольно реалистичными рисунками этого же камня. Но художник, видимо, и преследовал эту цель. Это не портрет реального человека, а тем более «знатного мужчины», как думает А. Н. Бернштам.³⁰ По-моему, это не что иное, как изображение другого древнетюркского божества из шаманского пантеона, а именно — Йер-су — духа земли и вод³¹ (олицетворенная земная поверхность, персонифицированная обожествленная природа), от которого также зависит благополучие погребенного в потустороннем мире. Необходимо указать на неестественно скошенные, как бы вытянутые глаза, переходящие затем в мягкие кисточки звериных ушей. Еще в недавних своих верованиях шаманисты представляли себе духа земли в виде человека, который мог мгновенно перевоплощаться в звериные образы, особенно в зверей из семейства кошачьих.³² С. А. Токареву удалось даже в 1930 г. получить свидетельство о сохранившемся среди алтайцев элементе персонификации в представлении об Йер-су. «По словам старика Тунги (Улета, 1930), Йер-су только один; он «катту» — жестокий, холодный, поэтому его нужно умиловать-

²⁶ И у современных алтайцев атрибутами Умай являются маленький лук и стрела, подвешиваемые к колыбели ребенка. См., например, Л. Э. Каруновская. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком. Сб. Музея антроп. и этногр., вып. VI, Л., 1927, стр. 19 и сл.

²⁷ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV. СПб., 1883. табл. XIX, рис. 81.

²⁸ Там же, табл. XVI, рис. 73, 75; табл. XVII, рис. 77; табл. XXI, рис. 92.

²⁹ Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936, рис. 84.

³⁰ История СССР (макет), ч. III—IV, стр. 485.

³¹ АТІМ, I, стр. 9, 48; II, стр. 119; zweite Folge, стр. 19.

³² Н. Ф. Катанов. Образцы народной литературы тюркских племен, ч. IX, пер., СПб., 1907, стр. 218.

лять жертвами». ³³ Не случайно эта «маска» Йер-су как божества земной поверхности изображена на верхней грани валуна, в то время как Умай и ребенок изображены на нижней его грани, обращенной, в своем первоначальном положении в могиле, вниз, т. е. в потусторонний мир.

Происхождение священного трехрогого головного убора и пути проникновения его на Алтай далеко еще не ясны, но, если даже предположить заимствование, то это смутить нас не может. Достаточно хорошо теперь известны обширные торговые и культурные связи Алтая со странами Дальнего Востока и Запада уже с древнейших времен. Многочисленные отражения этих связей зафиксированы и в материалах самого могильника Кудыргэ. Достаточно вспомнить китайские шелковые ткани, зеркала и ханьскую монету, а также золотые украшения, подражающие колтам, и т. д. Древние алтайцы имели полную возможность познакомиться с иноземными религиями и изображениями их божеств. Нельзя не упомянуть, что еще в VI в. (572—580), т. е. до разделения тюркского каганата на западный и восточный, один из тюркских каганов Тобо-хан сделал первую попытку ввести буддизм и даже построил Галань (храм Будды) и совершал богослужения. ³⁴ Однако нельзя исключить вероятность и местного происхождения этого головного убора.

Может возникнуть еще одно сомнение: не претерпели ли образы тюркских божеств известной эволюции в смысле своего назначения? Консерватизм шаманизма уже давно отмечался некоторыми видными исследователями. И Йер-су и Умай не подверглись сколько-нибудь сильным изменениям. Что касается Йер-су, то уже само сохранение названия, имеющего, кроме того, и смысловое значение (йер — земля, су — вода), нетронутым почти в течение 13 веков — со времен орхонских эпитафий VII в. почти до наших дней — говорит само за себя. ³⁵ Что же касается Умай, то она и у древних тюрков считалась покровительницей детей при их жизни и сопровождала их души в случае смерти. ³⁶ Об этом, как мне представляется, вполне ясно говорит следующая цитата из надписи памятника древнетюркского полководца Кюль-тегина: «Для [т. е. на радость] ее Величества моей матери — катун, подобной Умай, мой младший брат Кюль-тегин стал зваться мужем [т. е. богатырем]». ³⁷ Радлов в этом самом месте переводил слово «Умай» — «Schützgöttin», ³⁸ хотя позднее и принял, что «умаитӓг огӓм» означает «meine der Umai gleiche Mutter». ³⁹

Остается сказать еще немного о рассматриваемом рисунке. Несомненно, что хотя перед нами сцена ритуального характера, но в ней нашли место и отражения значительной дифференциации древнетюркского общества. Богатая одежда ребенка, видимо, указывает на непростое его происхождение, да и мало вероятно, чтобы для ребенка рядового кочевника специалист-художник выгравировал такого рода памятник. Наблюдения за распространением погребального инвентаря по отдельным погребениям могильника вполне подтверждают такой вывод.

При изучении рисунка возникают также проблемы, не связанные прямо с нашей темой и требующие специального исследования. Так, например, гривы всех трех изображенных на рисунке коней украшены тремя острыми

³³ С. А. Токарев. Пережитки родового культа у алтайцев. Тр. Ин-та этногр. (новая серия), т. I, М.—Л., 1947, стр. 152, сноска 1.

³⁴ Иакинф (Бичурин). Указ. соч., ч. 1, стр. 274.

³⁵ А. В. Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Сб. Музея антроп. и этногр. при РАН, т. IV, 2, 1924, стр. 1; ср. С. А. Токарев. Указ. соч.

³⁶ АТИМ, II, glossar, стр. 104.

³⁷ П. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-тегина. ЗВОРАО, т. XII, вып. II и III, СПб., 1899, стр. 71, и прим. 51.

³⁸ АТИМ, II, стр. 19.

³⁹ АТИМ, II, стр. 104.

«языками». Происхождение подобным образом остриженной гривы также, видимо, восходит еще к гунно-сарматскому времени в Сибири⁴⁰ и Причерноморье.⁴¹ Далее этот мотив широко распространяется в сасанидском искусстве,⁴² кыргызских писаницах Енисея,⁴³ курыканских писаницах Лены⁴⁴ и даже в таньском Китае.⁴⁵ Однако подробное изучение этого вопроса не входит в мои настоящие задачи, поэтому я позволю себе этим ограничиться.

Значение рассмотренного нами памятника для изучения истории шаманских верований и идеологии общества в эпоху сложения древних тюркоязычных племен и народностей вполне очевидно. Л. П. Потапову удалось выявить у алтайцев значительные пережитки древнего дошаманского тотемистического культа.⁴⁶ Но как бы относительна ни была, по его мнению, древность шаманства, истоки его надо искать, видимо, значительно ранее V в.—во всяком случае еще в гунно-сарматской стадии. Об этом достаточно убедительно свидетельствует довольно развитой шаманизм, зафиксированный нами при изучении рисунка на валуне из могильника Кудыргэ.

— — — — —

---

⁴⁰ И. Толстой и Н. Кондаков. Указ. соч., вып. III, стр. 62, рис. 71.

⁴¹ М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, атлас, табл. LI, рис. 6.

⁴² И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 4, 10; ср. Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, табл. СХХI, рис. 305.

⁴³ Appelgren Kivalo. Altaltaische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931, Abb. 78, 79, 81—83, 86, 93.

⁴⁴ А. П. Окладников. Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943, стр. 57, рис. 15.

⁴⁵ Buchell. Chinese Art. Bd. I, Abb. 18; ср. O. Münsterberg. Chinesische Kunstgeschichte. Esslingen, 1910, Bd. I, Abb. 122 и 123.

⁴⁶ Л. П. Потапов. Обряд оживления шаманского бубна. Тр. Ин-та этногр. (новая серия), т. I, М.—Л., 1947.

А. Л. ЯКОБСОН

О РАННЕ-СРЕДНЕВЕКОВЫХ КРЕПОСТНЫХ СТЕНАХ
МАНГУПА

В связи с вопросом о ранне-средневековом Мангупе¹ важное значение имеют его оборонительные сооружения, подтверждающие существование здесь значительной крепости в VI в. н. э.

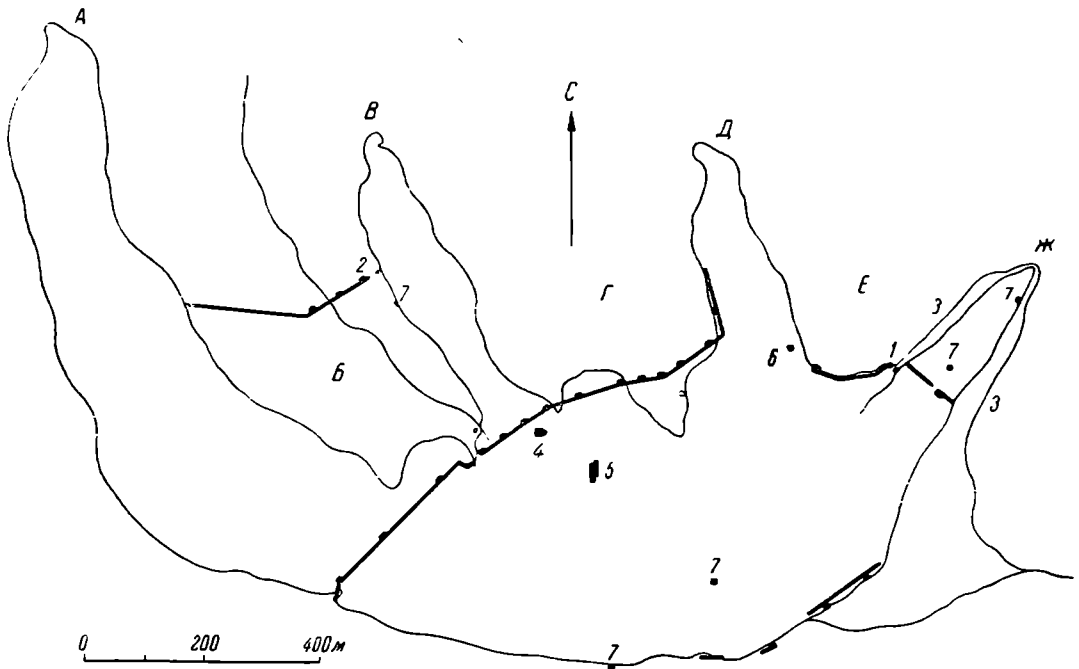

Рис. 5. Общий план Мангуп-Калэ (по А. Л. Бертье-Делагарду)

А — Чамву-Бурун; Б — Табана-Дере; В — Чуфут-Чарган-Дере; Г — Гамале-Дере; Д — Елме-Бурун; Е — Капу-Дере; Ж — Тешкла-Бурун. Жирной линией обозначены крепостные стены с башнями XIV—XV вв. 1 — ворота крепости; 2 — калитка крепости; 3 — древняя дорога; 4 — базилика VI в.; 5 — дворец XV в.; 6 — церковь Георгия; 7 — церкви наружные и пещерные

Оборонительные стены Мангупа в современном виде относятся, в основном, к XIV и XV вв.² Они опоясывают центральную часть плато, вытянувшись почти сплошной линией вдоль северной его окраины, а частично и с юга — со стороны обрыва (см. план Мангупа; рис. 5). Кроме

¹ А. Л. Якобсон. Из истории средневековой архитектуры в Крыму, II — Мангупская базилика. СА, т. VI, 1940, стр. 205 и сл.

² Н. В. Малицкий. Заметки по эпиграфике Мангупа. ИГАИМК, вып. 71, 1933, стр. 9—10; В. Латышев. Сб. греческих надписей христ. времен из Южной России, 1896, № 46, стр. 54—55. В нач. XV в. большое крепостное строительство в столице своего княжества вел князь Алексей.

того, в наиболее уязвимом месте (Табана-Дере) возведена передовая линия обороны.

Стены сложены из крупного бутового камня на известковом растворе, с подтеской лицевой поверхности; вдоль стен (при кладке их) для лучшей связи проложены деревянные брусья, кое-где сохранившиеся до сих пор. Структура стены такой кладки однородна по всей ее толщине и состоит из крупного бута и мелкого щебня, заполняющего промежутки между камнями, залитых известковым раствором. Эта однородность структуры составляет специфическую особенность поздне-средневековой кладки, хорошо известной по всему Причерноморью, а также на Кавказе. Крымские примеры многочисленны: достаточно назвать стены Балаклавы (Чембало), Феодосии (Кафы), Алушты. Этот технический принцип присущ в одинаковой мере и крепостным сооружениям, и жилым, и даже культовым постройкам — церквям и мечетям. Кладка последних имеет только одну особенность — наличие облицовки из тонких штучных известняковых плит, положенных правильными рядами, с гладко обтесанной наружной поверхностью. В крепостных стенах эта отделка фасада была излишня. Однако наличие такой тонкой облицовки не меняет основного принципа техники кладки.

Изучение оборонительных стен Мангупа, значительно облегченное благодаря предпринятой в 1938 г. расчистке их от густых зарослей, дало возможность установить важный факт. В основании некоторых участков стен оказалась кладка, принципиально отличная от описанной выше. Она состоит из крупных прямоугольных блоков камня (0.67×0.90 м, 0.65×0.80 м, 0.38×0.90 м и т. д.) значительной толщины, большей частью одинаковых по высоте; сложены они правильными рядами на известковом растворе с морским песком, а в некоторых местах (у городских ворот) — с толченым кирпичом. При этом камни обеих поверхностей стен (обращенных наружу и внутрь крепости) образуют как бы две массивные стенки, промежуток между которыми заполнен бутовым камнем, залитым известковым раствором. Такая кладка сохранилась в нескольких участках стен Мангупа. Начнем с передовой линии стен в Табана-Дере.

Описанная выше кладка нижних частей стены, местами сохранившаяся в восточной половине этой линии на высоте до 6 рядов камней, резко отличается от расположенной выше и состоящей из бута. Однако в Табана-Дере эти массивные блоки камня большей частью лежат не *in situ*: они использованы вторично при позднейших (XIV и XV вв.) перестройках стен, будучи основаны уже не на скале, а на бутовых камнях. Наличие в кладке большого количества массивных блоков камня, не характерных для поздне-средневековой строительной техники, само по себе указывает на существование на Мангупе значительно более древних оборонительных стен, откуда взяты эти камни.³ Но тут же, в Табана-Дере, имеются участки стен, сохранившие описанную выше кладку и в первоначальном, неперестроенном виде чуть ли не на всю высоту стены. Таков прямоугольный в плане контрфорс стены одной из верхних куртин этой оборонительной линии вблизи подножья Чуфут-Чегаран-Бурун (рис. 6). Контрфорс сложен из тех же крупных прямоугольных блоков камня, в перевязь с основной стеной; камни эти, что особенно важно отметить, положены в виде чередования лóгов и тычков, т. е. в таком порядке, при котором блоки, лежащие по длине вдоль стены контрфорса, чередуются с блоками, положенными поперек нее, уходя в толщу контрфорса и выступая наружу своей узкой стороной.

³ То же наблюдается и на других участках стен Мангупа, например на стенах, пересекающих Тешкли-Бурун.

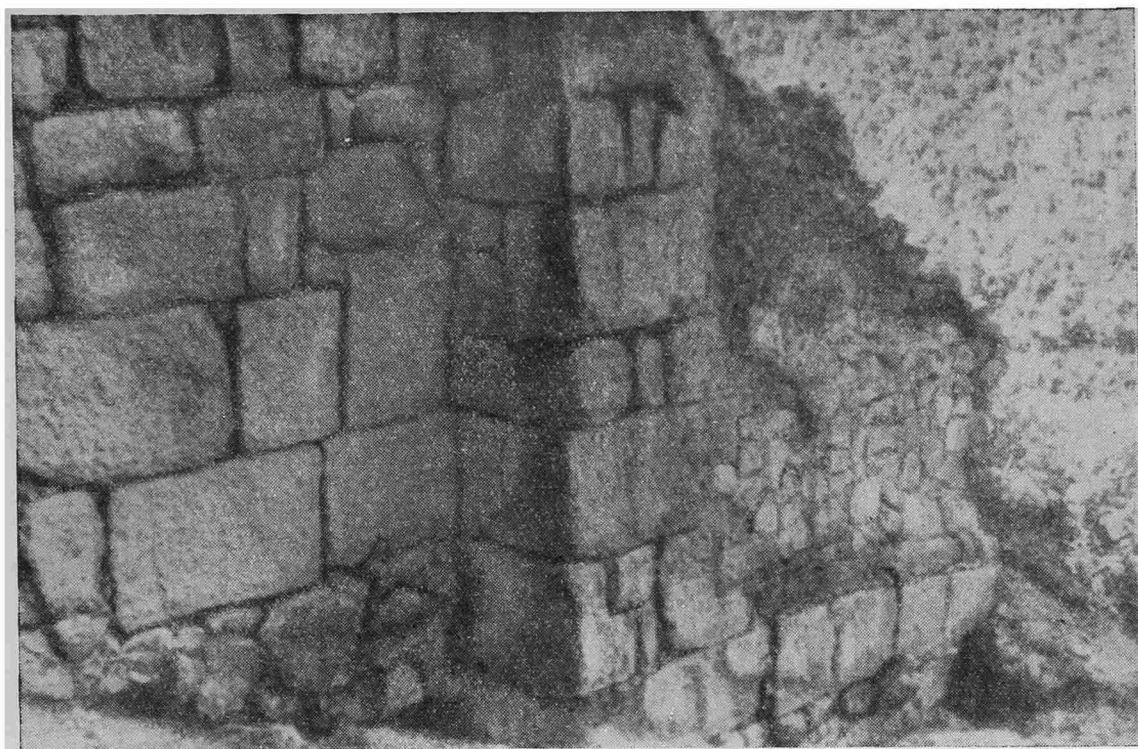

Рис. 6. Мангуп. Контрфорс в верхней куртине крепостной стены в Табана-Дере с прилегающими стенами. Справа видна надстройка XIV — XV вв.

Этот принцип квадратной кладки с чередованием логов и тычков — античного происхождения и был очень распространен в монументальном строительстве эллинистического времени.⁴ Эта же система кладки была унаследована и архитектурой восточных областей Римской империи — Сирии и Малой Азии, где продолжала господствовать и в ранне-средневековый период.⁵ Наиболее существенная черта такой квадратной кладки — ее монолитность: основу стены, независимо от того, сложена ли она насухо или на извести, составляют большие, тщательно пригнанные блоки камня (не плиты), которыми выложена стена с обеих ее сторон; бутовая сердцевина является лишь заполнением, в противоположность поздне-средневековой кладке, где, как сказано, бутовое заполнение стало основой стены, а наружная выкладка (где она есть) превратилась в облицовку.

Кладка описанного контрфорса следует именно ранне-средневековому принципу, в чем убеждают и достаточно близкие херсонесские аналогии этого времени. Такую квадратную кладку мы наблюдаем в надстройке второго кольца так называемой башни Зинона, над кордонной кладкой (надстройку следует датировать VI в.),⁶ в южной пристройке крещальни у

⁴ Этот тип кладки хорошо известен и в эллинистических постройках Херсонеса (например, в нижних ярусах оборонительной стены). Об этой технике говорит и Витрувий, кн. II, гл. VIII; ср. О. Шуази. История архитектуры, т. I. М., 1935, стр. 197.

⁵ H. C. Butler. Architecture and other arts (part II of the publication of an American archaeolog. expedition to Siria in 1899—1900), New York, рис. на стр. 120, 124, 258, 259, 261, 262, 297, 371, 373, 381. Следует подчеркнуть, что монументальное строительство в византийской столице велось в совершенно иной технике (но также античной по происхождению): наиболее ранние крепостные стены Константинополя (времен Феодосия II, т. е. V в.) выстроены в технике чередования известняка и кирпича.

⁶ Обоснование такой датировки содержится в моей специальной работе о ранне-средневековых крепостных стенах Херсонеса.

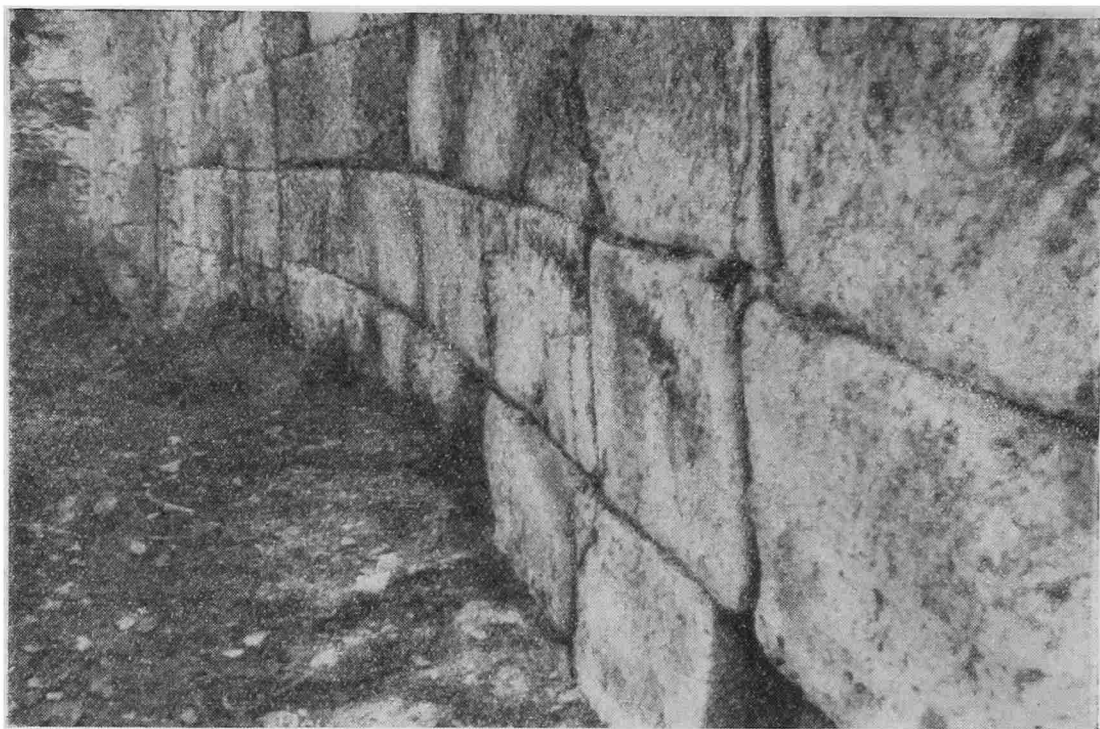

Рис. 7. Мангуп. Ранне-средневековая крепостная стена, окаймляющая Капу-Дере. Общий вид

уваровской базилики, также относящейся к VI в.; да и сам контрфорс — такой же, как в куртине 18-й у башни XX и на пятой стене куртины 20-й.⁷ Такую же кладку с чередованием тычков и ложков дает и Сюреньская башня и стена, что изложено ниже.

Сказанное с несомненностью указывает именно на ранне-средневековую дату описанного контрфорса, а следовательно, и связанного с ним соответствующего участка передовой оборонительной линии Мангупа. Скорее всего дата этих остатков — тот же VI век. Правда, кладка контрфорса воспроизводит указанный строительный принцип грубее, чем в Херсонесе, но сути дела это не меняет, ибо выражен он здесь все же достаточно четко.

Значительно полнее сохранились остатки первоначальной стены на участке оборонительной линии, окаймляющей плато Мангупа со стороны Капу-Дере.

Здесь в нижней части стены прекрасно сохранилась кладка из больших прямоугольных блоков с гладко обтесанной поверхностью, положенных правильными рядами на тонком слое известкового раствора (рис. 7, 8). Длина блоков 1.28, 1.18, 1.00, 0.97 м; высота рядов 0.55—0.60 м. Здесь нет чередования ложков и тычков;⁸ лишь изредка между квадрами проложены плиты, выступающие на поверхность стены тычком. Такая кладка сохранилась на протяжении почти всей куртины. Стена основана на скале; в связи с этим необходимо предположить наличие вырубных постелей, как на Эски-Кермен.

Третьим пунктом, где обследованием установлено наличие подобной кладки, являются въездные ворота на плато, расположенные с северной стороны Тешкли-Бурун, над Капу-Дере (см. рис. 5). Древняя часть пи-

⁷ К. Э. Гриневич. Стены Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, вып. II, 1927, стр. 66 и сл. Однако интересующие нас детали в работе не приведены.

⁸ Строгое чередование ложков и тычков и в античной и в ранне-средневековой архитектуре вообще не всегда соблюдается; этот признак не является руководящим.

Рис. 8. Мангуп. Деталь кладки ранне-средневековой стены, окаймляющей Капу-Дере

лона ворот легко выделяется под позднейшей его обкладкой из бутового камня, частично отвалившейся. Обнаружившаяся кладка состоит из тех же больших блоков камня (0.82×0.40 , 0.75×0.52 м и т. д.), тщательно обтесанных, сложенных правильными рядами на известковом растворе с толченым кирпичом. До середины XIX в. кладка ворот почти полностью сохранилась, она зафиксирована на рисунке М. Вебеля (рис. 9).⁹

Дальнейшее обследование оборонительных стен Мангупа вскроет, несомненно, и другие участки с древней кладкой; но даже то, что известно сейчас, достаточно, чтобы констатировать наличие на плато остатков первоначальных ранне-средневековых стен города, местами довольно значительных.

В обоих указанных пунктах (стена вдоль Капу-Дере и въездные ворота) перед нами прекрасно выраженная квадратная кладка, хотя и без чередования тычков и ложков; она совершенно тождественна кладке соответствующих частей крепостной стены Херсонеса, особенно кладке 1-й куртины (на западном участке, у подстенного склепа; рис. 10), кладке утолщения куртины 19-й и кладке связанного с этим утолщением третьего кольца башни Зинова (рис. 11).

Все эти части херсонесской крепостной стены вернее всего отнести именно к VI в. — к эпохе Юстиниана I.¹⁰

⁹ Из невышедшей в свет части издания А. С. Уварова: «Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря» (хранится в ГИМ).

¹⁰ А не ко времени имп. Зинова, т. е. концу V в., как предполагает К. Э. Гриневич (указ. соч., стр. 71, 78). Указанная мною дата устанавливается не только датированными параллелями вне Крыма (Ульмитан близ Истра и крепости Юстиниана в Сев. Африке), но и всем ходом ранне-средневекового крепостного строительства в Херсонесе; наибольший размах оно получило именно в эпоху Юстиниана, когда не только восстанавливаются многие части стены, но и строится вся береговая крепостная линия, до VI в., повидимому, не существовавшая (см. А. Л. Бертье-Делагард. О Херсонесе. ИАК, вып. 21, стр. 159—160). С временем же имп. Зинова можно связать те части ранне-средневековых стен Херсонеса, которые выстроены в технике «кордонной»

Здесь же отмечу, что абсолютно такую же квадратную кладку имеют и стены первоначальной базилики на плато Мангупа, относящейся, как и

Рис. 9. Мангуп. Крепостные ворота в Капу-Дере. Рисунок М. Вебеля

подобные базилики Херсонеса, к VI в.¹¹ Косвенным подтверждением такой датировки ранне-средневековых частей стен Мангупа может служить и фрагмент строительной надписи на известняковой плите с именем Юсти-

кладки («кордоном на ребро, плитой на образок»), в частности: второе кольцо башни Зинова, начало 1-й куртины, верхняя часть куртины 19-й и некоторые другие части стен. Подробности выходят за рамки настоящей заметки.

¹¹ СА, т. VI, 1940, стр. 214—215.

ниана (вероятно, Юстиниана I), найденной на плато Мангупа в 1913 г., хотя и неизвестно, к какой именно постройке относящейся.

Далее, тождественную кладку имели и ранне-средневековые стены Эски-Кермен, которые на основании приведенных херсонесских аналогий следует также отнести к VI в.¹²

В качестве ближайшей параллели важно привлечь кладку Сюреньского дозорного укрепления (башня и прилегающие к ней две куртины стен),¹³ расположенного на высоком мысе недалеко от Мангупа и Эски-Кермена.

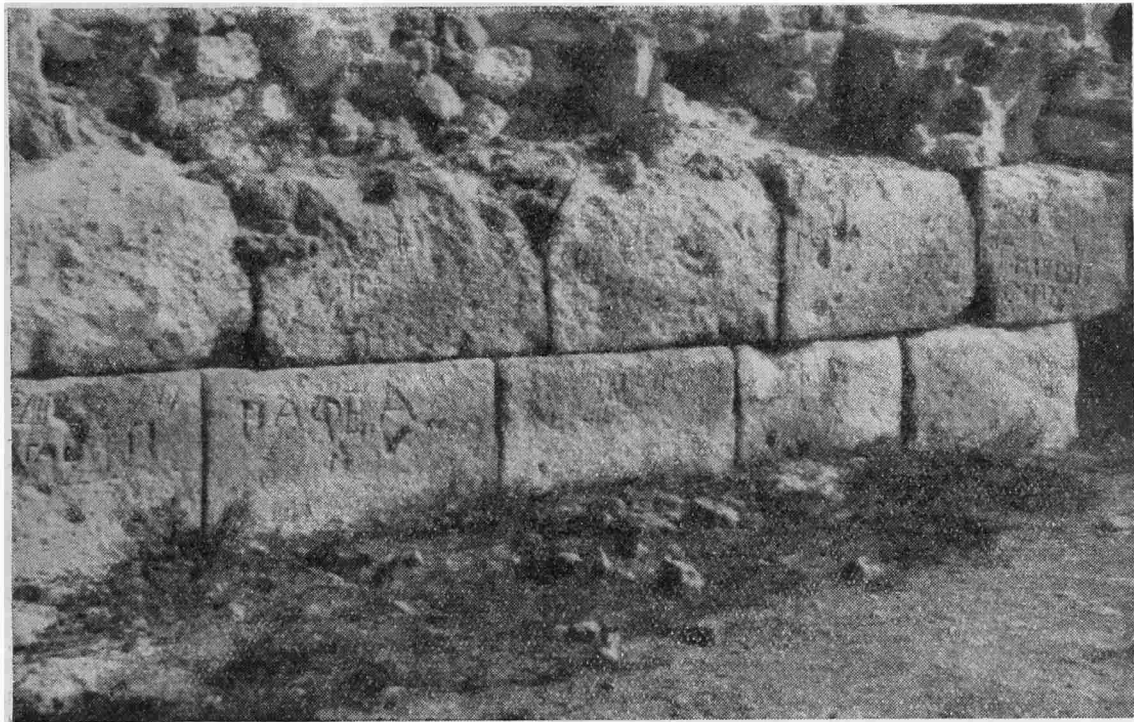

Рис. 10. Херсонес. Кладка западной крепостной стены. 1-я куртина VI в.

Здесь система выкладки с чередованием тычков и ложков также выдержана далеко не полностью. Высота рядов кладки колеблется незначительно — в пределах 0.53—0.57 м (лишь в верхней части башни и двух рядах внизу — 0.40 м). Длина блоков кладки преимущественно в пределах 0.98—1.20 м, длина тычков 0.32—0.35 м, изредка встречается и шире — 0.43—0.44 м. Квадры также глубоко входят в толщу забутовки, которая представляет собой лишь заполнение небольшого промежутка между двумя наружными стенками; принцип ранне-средневековой кладки здесь выражен не менее четко.

Характер этой кладки ведет в круг тех же памятников Херсонеса, Мангупа и Эски-Кермена. Действительно, квадратная кладка Сюреньского укрепления ничем существенным не отличается от херсонесской кладки третьего кольца башни Зинова, утолщения куртины 19-й, четвертой стены куртины 20-й и других аналогичных частей херсонесских стен. Ничем она

¹² Н. И. Репников. Готский сборник, стр. 115—117, рис. 7 и 8; ср. стр. 54, 204 и сл. Относя стены Эски-Кермен к концу V в., автор всецело исходил из датировок К. Э. Гриневича, не совсем, на мой взгляд, правильных.

¹³ Е. В. Веймарн и Н. И. Репников. Сюреньское укрепление. Материалы Эски-керменской экспедиции 1931—1933 гг. ИГАИМК, вып. 117, Л., 1935, стр. 115 и сл., рис. 77, 79, 80.

не отличается и от кладки ранне-средневековой крепостной стены вдоль Капу-Дере на Мангупе, причем совпадают даже размеры блоков и высота рядов. Ничем существенным она не отличается и от кладки Эски-керменской стены, хотя там блоки несколько больше, что не меняет сути дела.

Совпадение же типа кладки и размеров блоков указывает не только на одновременность памятников, но и на участие в создании некоторых из

Рис. 11. Херсонес. Деталь кладки третьего кольца башни Зинова VI в.

них одних и тех же херсонесских строительных артелей. Так или иначе, все эти вполне однородные и технически тождественные памятники ясно указывают и на время Сюреньского укрепления, которое, соответственно этим памятникам, можно определенно датировать тем же временем, т. е. XV в.¹⁴

Что эта кладка из больших прямоугольных олоков, сложенных правильными рядами на цемента, не представляет местной крымской особенности, показывают некоторые памятники в западной части Причерноморья. Таковы стены византийской крепости Ульмитон, построенной, как свидетельствует Прокопий,¹⁵ императором Юстинианом близ Истра и входящей в систему укреплений, защищавших этот район от нападения славян. Стены крепости, открытые раскопками 1911 г.,¹⁶ дают наиболее полную аналогию описанным частям стен Мангупа, с бесспорностью подтверждая их ранне-средневековую дату.

Скорее всего, и рассмотренные стены Мангупа (древнего Дороса), как и Ульмитона, возведены были по распоряжению византийских правителей в эпоху Юстиниана и входили в общую систему укреплений в предгорном Крыму: об этих стенах также рассказывает Прокопий.¹⁷ Более поздняя

¹⁴ Указанная статья Е. В. Веймарна и Н. И. Репникова не содержит никаких указаний на дату памятника. Лишь в статье Н. И. Репникова в «Готском сборнике», стр. 205 вскользь говорится, что Сюреньское укрепление позже Эски-Керменского («что определяют его облицовки») и относится, вероятно, «к послеюстиниановской поре, VI—VII вв.».

¹⁵ De aedificiis, IV, 7. Пер. С. П. Кондратьева. ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 261.

¹⁶ Vasil Pârvan. Cetatea Ulmetum. Descoperirile primei campanii de sapaturi din vara anului 1911. Analele Academiei Romane, Seria II, t. XXXIV. Bucuresti, 1912, табл. I, II, V, VIII, IX, X, XI, XII, XIII—XVII; рис. 20.

¹⁷ De aedificiis, III, 7. Пер. С. Кондратьева, стр. 249—250.

датировка мангупских стен — хазарским периодом, т. е. VII — VIII вв. — исключена, ибо это смутное время никак не способствовало здесь крупному строительству.

Таким образом, уже сейчас можно определенно говорить о реально сохранившихся остатках трех звеньев системы византийских укреплений в Крыму, не считая Херсонеса, именно: укреплений Эски-Кермен, соседнего Дороса (Мангупа) и Сюреньского сторожевого укрепления. Возможно, что к этому же кругу памятников принадлежат и некоторые части крепостных стен древних Фулл (нын. Чуфут-Кале), особенно ворота внутреннего города. Из названных укреплений первые два господствовали над окружающими долинами и удобными проходами к Херсонесу, а Сюреньское было расположено на мысе р. Бельбек — там, где река прорезает вторую гряду Крымских гор. Все они призваны были защищать предгорный район от проникновения степняков, в первую очередь гуннов, как о том говорит Прокопий.

Но укрепления эти, надо полагать, были направлены не только против внешнего врага; они имели огромное значение и для всей внутренней византийской политики в Крыму, ибо, несомненно, призваны были держать в повиновении весь этот варварский край, незадолго до того (в V в.) фактически отпавший от Византии. Император Юстиниан завершил восстановление византийского господства в Крыму, создал здесь, по примеру других окраинных областей, целую систему укреплений, в том числе систему «длинных стен», о которых упоминает Прокопий.¹⁸ В такие крепости превращены были и некоторые наиболее крупные туземные поселения. Прокопий называет лишь Алустон (нын. Алушту) и Горзувиты (нын. Артек, близ Гурзуфа), но к ним же следует присоединить и Дорос (нын. Мангуп) и Эски-Кермен,¹⁹ на территории которых, как показали археологические исследования (находки позднееримских амфор и монет IV в.), существовало поселение еще до VI в. В эти вновь созданные крепости посажен был, надо полагать, и греческий гарнизон, а для утверждения христианства были построены большие храмы — базилики.²⁰

В этой связи открытые части ранне-средневековых стен Мангупа приобретают значение важного исторического источника, вносящего конкретные, осязаемые черты в общую картину той борьбы за господство в Крыму и покорение местных племен, которую вела здесь Византия в V и VI вв.

---

¹⁸ Археологически они еще не открыты; возможно, что Сюреньская башня и примыкающие к ней стены входили именно в эту систему «длинных стен».

¹⁹ Правда, Прокопий особо отмечает, что Юстиниан в Горном Крыму не строил крепостей, ограничившись лишь крепостями на побережье. Но мы вправе, на основании археологических исследований, внести в рассказ Прокопия, лично не бывавшего в Крыму, существенный корректив.

²⁰ А. Л. Якобсон. Указ. соч.

Г. Б. ФЕДОРОВ

ТОПОГРАФИЯ КЛАДОВ С ЛИТОВСКИМИ СЛИТКАМИ
И МОНЕТАМИ

I. КЛАДЫ СО СЛИТКАМИ

Денежная система Литовского великого княжества, тесно связанного на протяжении всей своей истории с русскими землями, до сих пор изучена совершенно недостаточно. Первоочередной задачей в этом направлении является составление топографии кладов с литовскими слитками и монетами. Настоящая топография является попыткой разрешения этой задачи. Она составлена на основании изучения неопубликованных литовских кладов, хранящихся в музеях Литовской ССР, данных из архива ИИМК, а также из сведений о находках кладов в специальной и общей прессе и отдельных публикациях (рис. 12).¹

Всего кладов с литовскими слитками и монетами зарегистрировано 110, из них: с литовскими слитками — 53, с литовскими монетами — 54; в трех кладах литовские слитки найдены совместно с литовскими монетами. Три последних клада зарегистрированы в пределах основной территории Литвы и Жемайте — в м. Раудендварис (Вильнюсский у.), в дер. Пиваголяй (уезд Алитус), в Шанцах (предместье Каунаса).

Эти 110 кладов с литовскими слитками и монетами найдены в семи союзных республиках: Белорусской — 31 (17 — со слитками и 14 — с монетами), Латвийской — 11 (все со слитками), Литовской — 33 (12 — со слитками, 3 — со слитками и монетами, 18 — с монетами), Молдавской — 1 (с монетами), РСФСР — 10 (8 — со слитками и 2 — с монетами), Украинской — 23 (4 — со слитками и 19 — с монетами), в Эстонской — 1 (с монетами). Всего кладов с литовскими слитками зарегистрировано 53. Большинство из них состоит из серебряных рублей и гривен. По территории союзных республик кладов распределяются так: Белорусская — 17; Латвийская — 11; Литовская — 15; РСФСР — 8; Украинская — 4; Эстонская — 1.

Само распределение кладов по районам показательно. Подавляющее большинство найдено на территории, входившей в состав Литовского великого княжества в период его наибольшего расцвета — 42 из 56 кладов. Следовательно, распространение литовских рублей и гривен ограничивалось в основном территорией самого Литовского княжества. 14 кладов за его

¹ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность за ценные указания и дружескую помощь в работе лучшему знатоку и исследователю литовской нумизматики зам. директора Каунасского музея П. К. Каразии, а также научному сотруднику Каранского историко-этнографического музея Л. И. Окулевич.

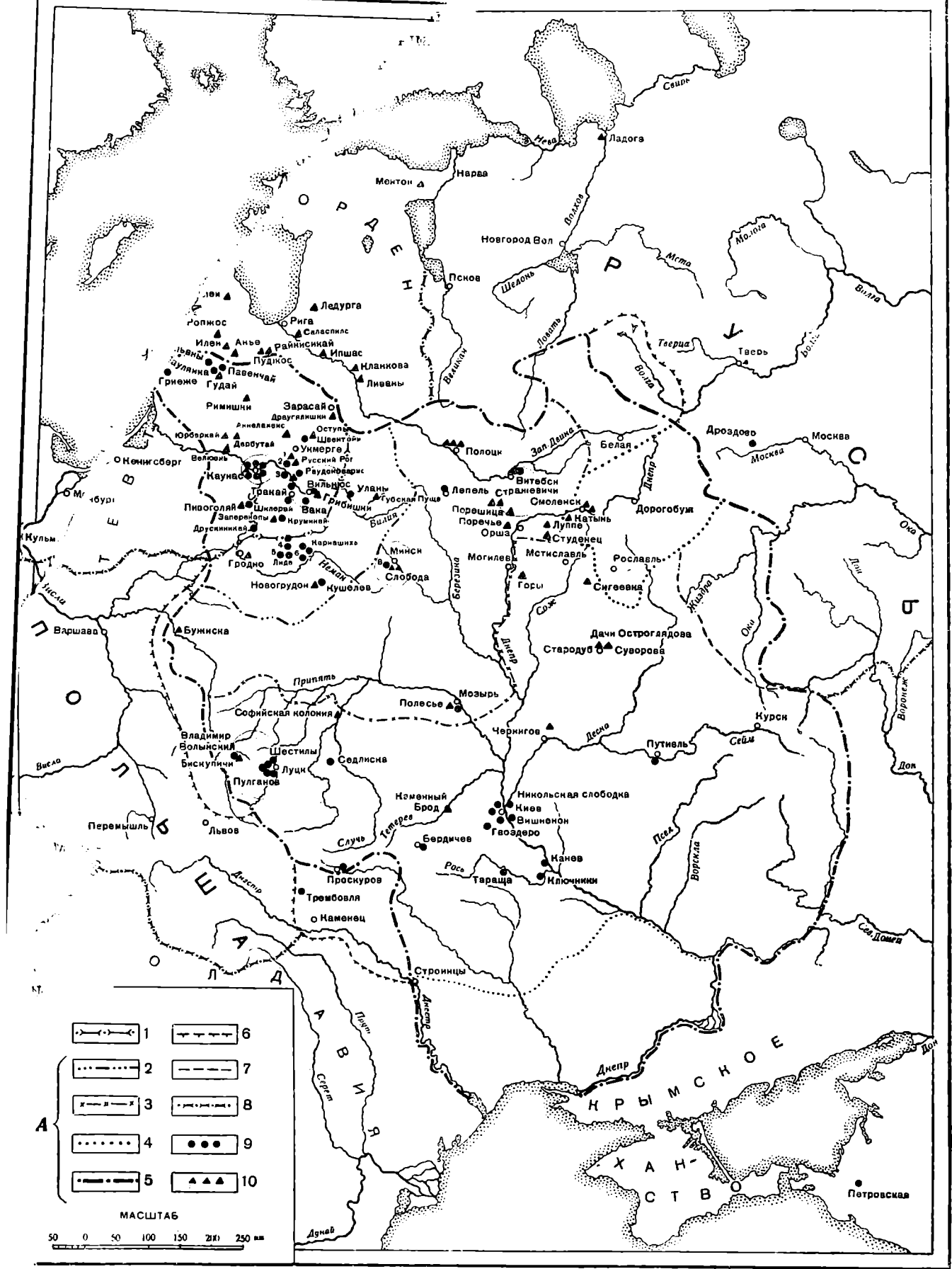

Рис. 12. Топография кладов с литовскими слитками и монетами

1 — граница основной территории Литвы и Жмуди. Границы Литовского великого княжества; 2 — при Миндовге (к 1263 г.); 3 — при Гедимине (к 1341 г.); 4 — при Ольгерде (к 1377 г.); 5 — при Витовте (к 1430 г.); 6 — владения Литовского великого княжества, утраченные к 1462 г.; 7 — Верховские княжества; 8 — государственные границы; 9 — клад слятками; 10 — клад с монетами

пределами найдены на территории Литвы, севернее Чудского озера, в сфере деятельности новгородцев и псковичей, и в Тверском великом княжестве, что ясно указывает на направление торговых и экономических связей Литовского великого княжества.

На основной этнической территории Литвы — Жемайте, примерно совпадающей с современными границами Литовской ССР, большинство кладов найдено в районе экономических и административных центров Литовского великого княжества, особенно в юго-восточной части Литвы, в треугольнике Вильнюс — Каунас — Укмерге. Вне этих районов найдено всего три клада со слитками: два — в пограничных с Латвией уездах Мейжайском и Зарасайском и один — в центральном Паневежском. Из 17 кладов, найденных на территории Белорусской ССР, 16 найдено в центральной и северной Белоруссии, т. е. в районах, пограничных с современными границами Литовской ССР и входившими в состав Литовского великого княжества со времен Гедимина, т. е. к 1341 г., и один клад в южной Белоруссии, в Мозырском районе.

Подавляющее большинство кладов найдено также вокруг крупных древних административных и торговых центров (Новогрудка, Гродно, Молодocking, Орши и Минска), которые входили в состав Литовского великого княжества.

Из 11 кладов с литовскими слитками в Латвийской ССР найдено два около Рижского залива и девять — в пограничных с Литвой районах (на пути к Рижскому заливу), что ясно указывает на существование торгового пути к нему из Литвы.

Из восьми кладов с литовскими слитками на территории РСФСР четыре найдены вокруг Смоленска и два в районе Стародуба, т. е. также в районе крупных центров, входивших в состав Литовского великого княжества. Из двух других кладов один найден в Твери, другой — в новгородских землях. В сфере деятельности новгородцев и псковичей, севернее Чудского озера, найден единственный клад на территории Эстонской ССР. Кладов с литовскими слитками на территории Украинской ССР найдено четыре: один в районе Киева, один — в районе Чернигова, один — близ Ровно и один — на Волыни.

Таким образом, клады со слитками сосредоточены в основном вокруг крупнейших административных и торговых центров Литовского великого княжества: Вильнюса, Каунаса, Новогрудка, Гродно, Стародуба, Смоленска и др. Монетные слитки в этих пунктах имели не только интенсивное хождение, но, вероятно, и производились, о чем свидетельствует их местонахождение и письменные источники. Например, Нарбут, ссылаясь на хроника Бельского, сообщает о шляхтиче Яне, смотрителе Монетного двора в Литве, в 1503 г. получившем право чеканки монет в Гродно.² Вполне закономерно предположить, что если чеканка монет производилась в Гродно в начале XVI в., то в ранний период — XV — XIV вв. — там изготовлялись слитки.

Из 56 кладов с литовскими слитками 40 найдено на территории русских, украинских и белорусских земель, что ясно указывает на направление торговых путей и экономических связей Литовского великого княжества с Русью, в частности со Смоленской землей, Тверским великим княжеством и Новгородом Великим.

На территории Литовского великого княжества имеются клады, в которых совместно находятся литовские и русские (киевские и новгородские) гривны, что свидетельствует о том, что уже с XII — нач. XIII вв. (так как киевские гривны позднее не изготовлялись) Литва и Русь были

² T. Narbut. Dzieje starozyjne Naro du Litewskiego, т. I, Вильно, 1835, стр. 202

связаны оживленными экономическими и торговыми сношениями. О знакомстве русских с литовскими денежными слитками и о хождении их на Руси говорят и русские летописи, в которых содержатся упоминания о «литовских рублях» и о «литовском серебре». Например, в Софийской I летописи под 1398 г. сказано: «царь же Темирь Кутлуй пришед к городу Киеву и взял с города окуп 3000 рублей литовским серебром». Число примеров может быть увеличено. Особенно много упоминаний о литовских денежных знаках в Ипатьевской летописи.

Часть русских новгородских гривен и рублей поступала в Литву в качестве откупа русских городов от литовцев во время походов Кейстута, Витовта, Ольгерда на псковские и новгородские земли,³ но, разумеется, не откуп, а торговые экономические отношения были основой взаимопроникновения литовских и русских рублей. Таким образом, данные топографии кладов и письменных источников о взаимопроникновении литовских и русских денежных слитков и о районах их распространения совпадают. С первой четверти XV в. в русских летописях и других памятниках письменности исчезают упоминания о литовском серебре и литовских рублях; они заменяются упоминаниями о грошах литовских, что невольно наводит на мысль о прекращении или, во всяком случае, о сокращении с этого времени хождения литовских денежных слитков и о росте выпуска и употребления литовских монет. Например, широко известно, что с 1410 г. в Новгороде в качестве основной ходячей монеты обращались литовские гроши.⁴

Топография кладов с литовскими слитками дает возможность установить четыре основных торговых пути, которые вели из Литовского великого княжества: 1) в Ливонию, к берегам Рижского залива; 2) в северо-западную Русь — в новгородские и псковские земли; 3) в северо-восточную Русь — в Тверское великое княжество, через Стародуб — Смоленск, и 4) в юго-западную Русь, через Гродно на Киев.

Интересно отметить, что на первом торговом пути в Ливонию найдены литовские слитки наиболее архаического вида, раскованные, согнутые в спирали; сопровождаются они в кладах наиболее архаическим видом новгородских гривен, а также западноевропейскими монетами X—XI вв. Монет более позднего времени или новгородских рублей в кладах с литовскими слитками на территории Ливонии не найдено. Это и определяет существование торгового пути из Литвы в Ливонию временем не позднее XII в., что вполне соответствует и общеисторическим данным, так как к этому времени немецкие рыцари закрепились в северо-западной части Прибалтики. На пути в новгородские и псковские земли найдены клады с западноевропейскими монетами XII—XIII вв., литовскими рублями позднего типа, новгородскими гривнами как ранними, так и более поздними — XIV в., отличающимися от ранних более легким весом.

Таким образом, этот торговый путь, судя по литовским слиткам и сопровождающим его находкам, продолжал существовать и в XIV в. Однако, судя по малочисленности кладов, он не был особенно интенсивным.

Вдоль третьего торгового пути — через белорусские земли в северо-восточную Русь, в частности в Тверское великое княжество, найдено наибольшее количество кладов с литовскими слитками. На этом пути, идущем широкой полосой от Вильнюса, Лиды и Новогрудка через Минск и

³ ПСРА, т. XIII, стр. 108—1346 г.; стр. 146—1428 г.; V, стр. 26—1426, 1427, 1428 гг.; XX, стр. 184—1346 г.; стр. 211—1393 г.; стр. 220—1402 г.; XXII, стр. 203—1424 г. «Летописец новгородский церквам божьим». Изд. Археол. ком., 1879, стр. 221—1347 г.; стр. 268—1428 г.; Новг. II, стр. 51—1426 г., СПб., 1879 г., Псков. I лет., стр. 225—1346 г.; стр. 263—1426 г.; Новг. IV лет., стр. 602—1346 г.; стр. 606—1425 г.; стр. 607—1426 г. и т. д.

⁴ Новг. IV лет., СПб., 1879, стр. 605—1410 г. и др.

Лепель, Полоцк и Витебск, Оршу и Могилев на Смоленск и Тверь, найдены литовские гривны и рубли различного вида и веса — от архаических до поздних трехгранных, в сопровождении различных монет, начиная от восточных монет X в., западноевропейских — X—XI вв., киевских гривен, новгородских гривен и рублей ранних и поздних, кончая литовскими монетами. Этот торговый путь, судя по виду литовских гривен и рублей и по сопровождающим их в кладах денежным единицам, был наиболее интенсивным и непрерывно существовал с X в. и до XIV в.

На четвертом торговом пути, идущем через Гродно на Киев, найдены литовские гривны и архаической и поздней трехгранной формы, в сопровождении эмалированных киевских вещей X—XII вв., киевских гривен и пражских грошей XIV в.; это также свидетельствует о раннем зарождении этого пути и существовании его, по крайней мере, с X—XI вв. и в XII—XIV вв. Однако находки кладов со слитками на этом пути довольно малочисленны.

Для выяснения крайних дат того хронологического периода, в который изготовлялись и имели хождение литовские слитки, необходимо обратиться к составу кладов и рассмотреть монеты и другие предметы, находящиеся в кладах совместно с литовскими слитками.

1. Денежные единицы в кладах с литовскими слитками. Новгородские гривны и рубли, киевские гривны, восточные диргемы IX—X вв., англо-саксонские и германские монеты с X до XIII в.; монеты краковских пястов и краковские денарки Владислава II середины XII в., монеты лифляндских орденмейстеров и гор. Ревеля, молдавские монеты Петра I Муската, пражские гроши Вацлава II, Иоанна I (Яна Люксембургского), Карла I, Вацлава IV (III); литовские деньги с надписью «печать» с одной стороны и копьем и крестом — с другой, с ездоком и двойным крестом с надписью «печать» и столбовыми воротами; киевская денга Владимира Ольгердовича; слитки латышского типа в виде серебряных лепешек с розеткой; золотые слитки.

2. Вещи в кладах с литовскими слитками. Три узорчатых запястья, серебряный, черненный с позолотой браслет киевского типа; браслет серебряный четырехжгутовый; плетеная четырехжгутовая серебряная цепь с застежками в виде звериных голов, датируемая концом XIV в.; четырехжгутовая серебряная цепь; два серебряных перстня и одно кольцо из серебряной проволоки; три шейные гривны; три серебряных спиральных браслета; серебряная пряжка; серебряные дутые бусы; два золотых перстня, две шейные серебряные гривны; плетеные серебряные браслеты; шесть серебряных перстней и другие серебряные украшения; одна шейная гривна; обрезки браслетов и шейных гривен; пять серебряных слитков в виде пластинок с шероховатой поверхностью; одиннадцать кусков серебряной пластины; четырехгранные серебряные прутики; один бунт серебряной крутой проволоки; обрубки серебра; одна узкая и длинная серебряная пластина; шейная гривна; пряжка, починенная диргемом; серебряные и медные вещи; бусы, серьги, цепочки; две шейные гривны, два запястья; кожаные ярлычки, насаженные на «шпенек» (на ярлычках сложное изображение); серебряный лом.

По сопровождающим литовские рубли и гривны киевским гривнам, новгородским гривнам и рублям бытование литовских слитков датируется XI—серединой XV вв. Из монет, сопровождающих литовские слитки, самые ранние саманидские (916—987; Стражевичи), самые поздние — киевские Владимира Ольгердовича (1362—1394; Раудондварис); литовские монеты Витовта (1392—1430; Шанцы). Наиболее ранними вещами, сопровождающими литовские слитки, являются браслет киевского типа и се-

ребриная пряжка, починенная диргемом. Дутые серебряные бусы, перстни и плетеные серебряные браслеты употреблялись в Литве до XVI в.

Принимая во внимание, что диргемы бытовали и в Киевской Руси и в Литве в течение 50—100 лет после их чеканки, время бытования их по монетам, сопровождающим литовские слитки, устанавливается с X до середины XV в.⁵ Эта дата подтверждается вещами, сопровождающими слитки вкладах и упоминаниями о литовском серебре и литовских рублях в русских летописях.

Таким образом, литовские рубли и гривны существовали с X по середину XV в. и имели хождение в основном на территории Литовского великого княжества, выходя за его пределы только на территорию Ливонии и русских земель — смоленской, тверской и новгородской.

Изучение состава кладов и сопровождающих слитки монет и вещей позволяет сделать интересные выводы по метрологии, изменению формы и истории развития монетно-денежных слитков в Литовском великом княжестве. Так как эти вопросы не входят в тему настоящей работы, ограничусь по ним лишь краткими выводами.

В первоначальный период своего существования литовские слитки не имели законченной формы и веса, являясь лишь в своем подавляющем большинстве по весу $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ частями фунта. Форма их варьировалась от полукруга до трехгранного бруска, причем слитков последнего вида выпускалось большинство. Исходную весовую единицу фунта следует так же, как и для Руси, искать в распространенных по всей Вост. Европе в VIII—X вв. восточных диргемах, которые были частями иракского фунта, или ротля.⁶

Со второй половине XIII в. вырабатываются устойчивая форма и вес литовских рублей и гривен. По форме — это в подавляющем большинстве трехгранные (иногда вроде новгородских круглых палочек) слитки двух весов — гривны, со средним весом около 200—208 г, и рубли, со средним весом 100—104 г. Так же как и на Руси, рубли изготавливались специальной отливкой. Как правило, литовские рубли позднего периода делались из худшего, чем на Руси, серебра (пористость, тусклый цвет, проба 70 и ниже), причем большинство из них имеет от одной до 12—13 зарубок и насечек.

Таким образом, между русскими и литовскими рублями и гривнами существовало значительное сходство формы и веса и общая метрическая основа. Все же отличие литовских слитков от русских заключается в форме слитков (ладьеобразные новгородские, трехгранные литовские), в качестве серебра (русские — гладкие, блестящие, высокопробные; литовские — пористые, тусклые, более низкопробные) и в весе. Русские слитки XIV—XV вв., как правило, по весу ниже литовских, так как первые к концу XIV в. потеряли в весе несколько граммов. Новгородская гривна конца XIV в. весила около 195 г, рубль — около 97.5 г, в то время как литовские слитки в большинстве сохранили почти без всякого падения первоначальный нормальный вес — $\frac{1}{2}$ фунта (204.756 г) для гривны и $\frac{1}{4}$ фунта (102.378 г) для рубля.

Возможно, что это различие в весе объясняется следующим: для любой средневековой монетной системы характерно постепенное уменьшение реальной ценности денежной единицы, постепенный рост разрыва между номинальной и реальной ценностью этой денежной единицы. На Руси это умень-

⁵ Полугрошевик Сигизмунда I не имел отношения к Каунасскому (Шанцевскому) кладу и присоединен к нему случайно.

⁶ А. К. Марков. Топография кладов восточных монет. СПб., 1910. Клады № 5, 6, 7, 77, 91 и др. находятся на территории Литовской ССР и содержат куфические монеты.

шение реальной ценности рубля и гривны производилось постепенным снижением веса. Весьма вероятно, что в Литве снижение производилось увеличением лигатуры, добавлением в серебро недорогих металлов, при сохранении нормального, первоначального веса. Об этом свидетельствует и более плохой состав серебра у поздних литовских слитков и связь Литвы с Западом, где снижение реальной ценности производилось именно таким путем. Так же как и на Руси, в Литве имели место попытки изготовления золотых и электронных рублей, которые, однако, не получили развития.

Древнейшие литовская и русская денежно-гривенные системы имели общую метрическую основу, сходные вес и форму и, помимо их собственной территории, широко употреблялись как в Литве, так и на Руси.

Принципиальное отличие литовской гривенно-рублевой денежной системы от русской (при хронологическом совпадении их бытования и ряде отмеченных выше сходных черт) заключается в том, что русская гривенно-рублевая денежная система вошла в качестве составной части (клейменные рубли) в более позднюю монетно-денежную систему и русский клейменный рубль был метрической основой русских денег, каждая из которых составляла его сотую часть. В то же время литовская гривенно-рублевая система с XIV в. начала постепенно выходить из употребления, не выдерживая конкуренции со стороны наводнявших Литву пражских грошей. Метрической основой литовской монетно-денежной системы был не собственный рубль, как на Руси, а иноземная денежная единица — пражский грош.

Во время чеканки и бытования литовских слитков на территории Литовского великого княжества имели хождение восточные диргеми IX — X вв. (Украина, Белоруссия), германские и англо-саксонские монеты X — XIII вв. (Белоруссия и Украина), монеты лифляндских орденмейстеров и гор. Ревеля XIV в. (Литва), молдавские монеты XIV в. (Литва), пражские гроши XIV в. (Литва, Украина), русские — киевские и новгородские гривны (Литва, Белоруссия и Украина).

II. КЛАДЫ С МОНЕТАМИ

Всего кладов с литовскими серебряными монетами зарегистрировано 57. По пяти союзным республикам они распределяются следующим образом: Белорусская — 14, Литовская — 21, Молдавская — 1, РСФСР — 2, Украинская — 19.⁷

Как и клады со слитками, и даже в еще большей степени клады с литовскими монетами в основном найдены на территории, входившей в состав

⁷ Антонович в «Археологической карте Волынской губернии» сообщает, что в дер. Семеренки Луцкого у., бассейн р. Турки, притока Припяти, найдены литовские монеты XIV—XV вв., поступившие затем в коллекцию барона Штейнгеля (стр. 54). Е. Сецинский в «Археологической карте Подольской губернии» (Тр. XI АС в Киеве в 1899 г., М., 1901, стр. 321) сообщает, что в 1895 г. в дер. Татариски, на р. Смотриче Каменецкого у., найдено 1144 серебряных чешских и литовских монеты XIV—XVI вв. и ссылается на ОАК за 1895 г.; на стр. 305 он сообщает, что в 1873 г. в с. Ольховец, бассейн р. Збруч Каменецкого у., крестьянин выкопал на огороде клад, состоящий из 50 серебряных литовских монет «величиной с наш пятиалтынный», и ссылается на «Подольские губ. ведомости» за 1898 г., № 228. Все эти три клада не включены в настоящую топографию, так как первые два из них явно содержат монеты именно XVI, а не XIV—XVI вв., ввиду того, что литовские монеты XIV—XV вв. и литовско-польские монеты XVI—XVII вв. никогда не встречаются совместно в кладах и, кроме того, из ОАК ясно, что это поздние монеты. Третий клад также относится к XVI—XVII вв., так как монеты величиной с пятиалтынный конца XIX в. могут быть, судя по величине, только поздними литовско-польскими монетами, а никак не литовскими деньгами XIV—XV вв.

Литовского великого княжества в XIV—XV вв. (56 кладов из 57). Единственный клад, содержащий литовские монеты, найденный на территории, не входившей в этот период в состав Литовского великого княжества, найден в пределах Московского великого княжества, что весьма показательно.

На основной этнической территории Литвы и Жмуди клады с литовскими монетами, как и клады со слитками, найдены в основном в юго-восточной ее части (или северо-западной части всего Литовского княжества), примерно в треугольнике Вильнюс — Каунас — Укмерге (16 кладов). Вне этого района четыре клада найдены на границе с Латвией, в северо-западном районе Жмуди, и один клад в Друскиникае, недалеко от Гродно.

Клады с литовскими монетами в основном сосредоточены вокруг древних административных и экономических центров Литвы — Вильнюса (4), Тракай (2), Каунас (6) и т. д.

Из 14 кладов с литовскими монетами на территории Белорусской ССР 13 найдено в северной Белоруссии (как и клады со слитками), на границах с Литовской ССР и на пути из центральной Литвы в северо-восточную Русь, и один клад — в районе Мозыря. Клады с литовскими монетами в основном сосредоточены вокруг Лиды и Новогрудка (8) и Витебска (2). Клад из с. Строинец на Днестре (Молдавской ССР) найден в пределах южного пограничного района территории, входившей при великом князе Витовте в состав Литовского великого княжества. Из двух кладов с литовскими монетами на территории РСФСР один (из станицы Петровской) найден в самой южной части владений Литовского великого княжества при Витовте, второй — в Дроздове, в пределах Московского великого княжества.

Из 19 кладов с литовскими монетами на территории Украинской ССР 18 найдены в районе Киева и западнее его, в том числе 10 в райоце Киева, 6 — в районе Луцка, 1 — в Проскуровском районе Каменец-Подольской обл., 1 — в Тернопольской обл. и только один клад найден восточнее Киева — в Путивле.

Киевские монеты Владимира Ольгердовича найдены в 10 кладах:⁸ в Раудондварисе — в южной части Литвы, в станице Петровской, Краснодарского края, в Киеве (2 клада), в Киевской обл. (5 кладов), т. е., помимо владений самого Владимира Ольгердовича, они имели хождение и на основной территории Литовского великого княжества и в Северной Украине (Путивль). Кроме монет Владимира Ольгердовича в Киевском кладе были и монеты Романа Михайловича черниговского и новгород-северского.

Следовательно, как и клады со слитками, клады с литовскими монетами сосредоточены вокруг основных административных и экономических центров литовских, белорусских и украинских земель, входивших в состав Литовского великого княжества: Вильнюса, Каунаса, Тракая, Новогрудка, Лиды, Луцка и Киева; при этом так же как и для слитков, в этих пунктах возможно предположить не только интенсивное хождение литовских монет, но и наличие монетных дворов. Напомним, что Вильнюс был древнейшей столицей Литвы со времени Гедимины (1316—1341), перенесенной им из Тракая около 1323 г.; Каунас уже в XIV в. известен как сильнейшая пограничная крепость на западе Литвы, служившая оплотом сопротивления против вторжения немцев в центральный Вильнюско-Трокайский район; Лида, расположенная в 84 км от Вильнюса, была построена Гедимином в 1326 г. как замок и служила важнейшей крепостью Литовского государст-

⁸ Кроме того, А. А. Ильин в своей «Классификации русских удельных монет» (Л., 1940) ссылается на клад монет Владимира Ольгердовича, описанный Шугаевским, но не публикует его.

ва; Луцк был крупным ремесленным и административным центром, а также резиденцией Витовта с 1384 по 1392 г., а Киев в 1362 г. был взят Ольгердом, причем киевским князем стал Владимир Ольгердович. Кроме того, все перечисленные города были расположены на торговых путях и издревле считались экономическими и торговыми центрами. Из общего числа зарегистрированных 57 кладов с литовскими монетами 35 найдено на территории русских, украинских и белорусских земель, что подчеркивает преобладающую роль и значение этих земель в экономике Литовского великого княжества.

Топография кладов указывает на широкое распространение литовских монет, имеющих хождение на всей огромной территории, которая входила в состав Литовского великого княжества в XIV—XV вв. По сравнению с кладами со слитками, более поздние клады с монетами, встречаясь в тех же пунктах, где найдены и клады со слитками, охватывают и несравненно более широкий район, что соответствует быстрым темпам включения в состав Литовского великого княжества все новых и новых территорий в XIV—XV вв.

Клады с монетами, как и клады со слитками, располагаются по основным торговым путям, проследить которые можно именно топографированием кладов. Судя по кладам с монетами, в XIV—XV вв. все торговые пути Литвы проходили через русские, белорусские и украинские земли. Сохранился и усилился древний торговый путь в северо-восточную Русь, идущий широкой полосой через Лиду—Новогрудок (между Полоцком и Минском, Витебском и Могилевом) на Смоленск, Тверь и Москву. Из 110 кладов с литовскими слитками и монетами на этом пути найдено 39 кладов.

Значительно усилился также торговый путь в юго-западную Русь—на Украину. На этом пути найдено 25 кладов с литовскими слитками и монетами. Возможно, что это усиление произошло в связи с падением значения торгового пути, ведущего в новгородские и псковские земли, что вполне соответствует данным топографии кладов с монетами и данным политической истории. Причиной послужило то, что в XIV в. украинские земли подпали под власть Литовского великого княжества, и в них, конечно, экономическое влияние Литвы стало несравненно более значительным, чем в сохранивших самостоятельность новгородских и псковских землях.

Хождение литовских денежных единиц в X—XII вв. на территории Ливонии, судя по кладам с литовскими монетами и с более поздними слитками, прекратилось в XIII—XV вв., так как на территории Ливонии и Курляндии не найдено ни одного клада с позднелитовскими слитками и монетами. Вместе с тем необходимо отметить, что в XIV—XV вв. существовали торговые отношения некоторых белорусских городов, как, например, Полоцка с Ригой и Задвиньем, о чем свидетельствует ряд грамот литовского князя и полочан.⁹

Чтобы определить хронологический период, в течение которого чеканились и имели хождение литовские монеты, необходимо рассмотреть, какие монеты, слитки и вещи находились в кладах совместно с ними. В 18 кладах с литовскими монетами найдены пражские гроши, из которых самый ранний—Вацлава II (1278—1305, чеканка грошей началась с 1300 г.), а самый поздний—Вацлава IV (III; 1378—1419). Следовательно, по пражским грошам хождение литовских монет датируется 1300—1419 гг.

⁹ См., например, грамоту Витовта рижскому бургомистру Никтиборгу от 6 марта 1400 г., регулируемую взаимные торговые отношения полоцких и рижских купцов (Собр. Гос. грамот и договоров, ч. II, М., 1819, стр. 15, № 14); грамоту полочан с задвинским мастером (там же, стр. 17, № 16).

В пяти кладах литовские монеты найдены с монетными слитками: в Раудондварисе — с позднелитовской трехгранной гривной, в Пиваголяе — с обломком слитка, в Шанцах — с позднелитовскими трехгранными рублями и слитками, в Киеве — с гривнами неизвестного вида, в Гвоздеве — с поздними новгородскими гривнами. Таким образом, по слиткам литовские монеты датируются временем не ранее конца XIII в. и не позднее середины XV в.

В одном кладе литовские монеты найдены с монетами лифляндских орденмейстеров и монетами гор. Ревеля (1424—1433; Раудондварис); один клад с нейсенским грошем Вильгельма (Опановцы);¹⁰ два клада с силезскими монетами XIV—XV вв. (Верки — силезские монеты Нейсе и Волова и клад из Трёмбовля — монеты XIV—XV вв.); один клад с монетами дерпского епископа; три клада с молдавскими монетами: Петра I Муската (умер в 1389 г.; Шанцы); два молдавских гроша (Строинцы), молдавские монеты XIV—XV вв.; четыре клада с золотоордынскими монетами¹¹ (Дроздово, Проскуров — монеты Мухаммеда, Ахмета и Мустафы, Ключники, Гвоздево — четыре монеты Гайат-Эддина 1330 г., одна — Мухаммед-хана 1359 г., одна Мюрид-хана 1364 г.); три клада с венгерскими червонцами: один — с червонцами Матвея Корвина (Бердичев); два — с червонцами Сигизмунда I (1410—1438; Строинцы), Марии (1382—1387) и Владислава Варненчик (1440—1444); один — с турецкими монетами 1441—1481 гг. (станция Петровская); два клада с крымско-гирейскими монетами: с монетами 1441—1483 гг. и с монетами крымских ханов Хаджи-Гирея, Нур-Девлета и Менглы-Гирея (Проскуров); один клад с астраханскими монетами (чеканка не позднее середины XV в.; станция Петровская); три клада с монетами Владислава Ягелло (Луцк — русский полугрош львовского чекана 1396—1414 гг.; Пулганов — русские и польские, особенно краковские денарки 1386—1434 гг.); один клад с монетами Александра Ягеллончика (Опановцы), один шеляг Казимира Ягайловича (Луцк); десять кладов с монетами Владимира Ольгердовича (Раудондварис, Петровская, Киев — два клада, Никольская слобода, Вишненок, Гвоздево, Канев, Путивль и Тараща); один клад с одной серебряной и двумя медными польскими монетами; один клад с монетами Романа Михайловича черниговского и новгород-северского; четыре клада с татарскими монетами с надчеканкой литовских столбовых ворот (Турайск, Строинцы, Проскуров, Ключники); два клада с русскими монетами: один — с монетами Ивана III (1462—1505) и Ивана IV до принятия царского титула (1533—1547); другой (Дроздово) — с монетами московского великого князя Василия Дмитриевича (1389—1425); Юрия Дмитриевича галицкого (1389—1434); Владимира Андреевича Храброго, князя серпуховского (1358—1410); Андрея Дмитриевича можайского (1389—1432); Петра Дмитриевича дмитровского (1389—1428); Андрея Федоровича (1331—1409) и Константина Владимировича (умер в 1415 г.) ростовских; десять ростовских монет с неразборчивыми надписями; деньги Дмитрия Константиновича (1365—1383) и Василия Кирдяпы (1366—1391) суздальских; Даниила суздальского и русско-татарские монеты.

Из вещей вместе с литовскими монетами найден золоченый и черненый браслет киевского типа и четырехжгутовый серебряный браслет (Шанцы); серебряные украшения (Бака); подвески к серьге из медной проволоки с нанизанными на нее позолоченными бусами позднелитовского типа (Луцк); перстни и серьги (Трёмбовля); разные украшения и предметы из бронзы и железа (Опановцы); медный котелок (Раудондварис); кожаный пояс с орнаментом из бронзовых бляшек, несколько бронзовых колец (Паулян-

¹⁰ Вильгельм I умер в 1407 г., Вильгельм II — в 1425 г.

¹¹ Конец чеканки — первая половина XV в.

ка); серебряная пряжка (Пиваголяй); бронзовые кольца, браслеты, серьги, остроги, весы, гребни, цепочки (Гриеже); серп и коса (Пулганов).¹²

Таким образом, в кладах с литовскими монетами преобладают пражские гроши XIV в.—первой половины XV в., а абсолютное большинство других монет относится ко второй половине XIV в.—первой половине XV в.; к этому хронологическому периоду и должна быть отнесена чеканка литовских монет. Относящийся к более раннему времени золоченый и черненый серебряный браслет киевского типа из Шанцевского клада единичен; как большая ценность он мог сохраняться длительное время после изготовления.

Сопоставление сопровождающих и точно датированных монет с различными типами литовских монет позволяет в отдельных кладах уточнить классификацию, датировку и место чеканки отдельных типов монет, что и является предметом другой работы.

В рассматриваемый период (вторая половина XIV в.—первая половина XV в.) литовскими великими князьями были: Ольгерд (1345—1377), правивший совместно с Кейстутом (1345—1381), киевский князь Владимир Ольгердович (1362—1394), Ягейло (1377—1392), Витовт (1392—1430), Свидригайло (1430—1432), Сигизмунд Кейстутович (1432—1440), Казимир Ягейлович (1440—1447); с 1447 по 1492 г. он был одновременно и королем польским Казимиром IV. Именно при этих князьях могла производиться в Литовском великом княжестве чеканка монет. После этого периода литовские монеты в значительной степени теряют по внешности свой самобытный характер и чеканятся совместно — от имени польского короля и литовского великого князя.

Судя по вещам и монетам (браслет киевского типа и молдавская монета Петра I Муската), сопровождающим литовские монеты, наиболее ранним из рассматриваемых кладов является клад в Шанцах. Именно эти монеты обладают и наиболее тяжелым весом (средний вес 1,3 г.). Петр I Мускат вступил на молдавский престол в начале второй половины XIV в.; судя по этому, чеканка литовских монет также относится к этому периоду, что согласуется и с мнением Ильина.¹³ Вес этих древнейших литовских монет никак не связан с весом литовских рублей и гривен. По мнению Гумовского, основой монетной стопы для литовских монет послужили пражские гроши, одной второй и одной десятой частью которых были литовские деньги. Мнение это подтверждается составленной А. А. Сиверсом «Топографией кладов с пражскими грошами», из которой явствует, что пражские гроши имели широкое распространение на территории Литовского великого княжества. Три клада с литовскими монетами из центральной Литвы (в которых содержатся пражские гроши и которые не были опубликованы или публиковались после издания работы Сиверса — клады в Вержах, Круминае и Шклерае), приведенные в настоящей работе, также подтверждают это мнение.

Кроме отмеченных выше связей с Русью (судя по монетам, сопровождающим в кладах литовские монеты), Литовское великое княжество в XIV—XV вв. имело торговые и экономические отношения с Чехией (пражские гроши найдены по всей территории великого княжества), Лифляндией, Дерптом и Ревелем (монеты найдены на территории Литвы), с Силезией (Литва и Украина), Молдавией (Литва и Украина), Золотой Ордой (Украина и Белоруссия), Венгрией (Украина) и с Польшей (Уж-

¹² Многие клады найдены в глиняных горшках; в некоторых из этих кладов монеты были завернуты в холст или полотняные цилиндры.

¹³ А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет, вып. 1. Л., 1940, стр. 15.

райна). Именно со всеми этими государствами и граничило Литовское великое княжество в XIV — XV вв.

Проследить торговые пути и пути проникновения этих монет на территорию Литовского великого княжества по единичным кладам не представляется возможным. Можно только заметить, что, как правило, иноземные монеты, за исключением пражских грошей, обращались в тех частях Литовского великого княжества, которые были пограничными с государствами, где эти монеты отчеканены.

Топография кладов с литовскими монетами дает убедительные доказательства древних и тесных экономических связей Литвы с Русью и показывает, какое огромное значение в экономике великого княжества Литовского имели входившие в его состав в XIV — XV вв. русские, белорусские и украинские земли.

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Е. АЛИХОВА

МОГИЛЬНИК У КОЛХОЗА «КРАСНЫЙ ВОСТОК»

(Пензенской обл. Наровчатского района)

Могильник расположен на высоком берегу старого русла р. Мокши, на территории поселка колхоза «Красный восток», в б. имении, известном в археологической литературе со времени раскопок А. А. Спицына под названием «Казбек».

В 1928 и 1929 гг. Антропологической комплексной экспедицией здесь были проведены небольшие раскопки двух могильников (II и III Казбекские). По-видимому, один из них, расположенный у дороги в деревню Александровку, был в свое время раскопан Спицыным, другой же, возможно, представляет одно сплошное могильное поле с раскопанным нами могильником, но установить это в настоящее время не представляется возможным.

Описываемый ниже могильник был обнаружен колхозниками, рывшими яму для силосной башни. В 1938 г., во время работ археологической экспедиции ГИМ, проводимых под моим руководством, о нем было нам сообщено директором Наровчатского музея М. В. Афиногеновой. Заложенные два небольших раскопа близ силосной башни, у дороги в Малую Кавендру, обнаружили три могилы, содержавшие: одна — трупосожжение, другая — двойное захоронение, совершенное по разным обрядам: мужское — трупоположение и женское — трупосожжение и третья — трупоположение.

Погребение № 1 принадлежало воину, с которым, очевидно, была погребена и женщина. Остатки трупосожжения, совершенного на стороне, представляли кучку пережженных костей, сложенных в середине глубокой могилы (1,2 м), рядом с которыми были расположены в определенном порядке вещи мужского погребения. Очевидно предполагалось, что покойник лежал головой на ЮВ, т. е. как при обычном трупоположении, встреченном в других погребениях. Как бы в головах найдены справа от предполагаемого трупа два наконечника копий (рис. 13—1, 2) и слева — втульчатый топор (рис. 13—3), посредине — сабля, положенная рукоятью к голове, и в ногах — удила и одно стремя (рис. 13—21).

Судя по остаткам луба над одним из браслетов, можно предположить, что им было прикрыто погребение сверху.

В противоположность мужскому погребению, инвентарь женского захоронения был сложен двумя группами: одна — около рукояти сабли и другая — около кучи пережженных костей.

Инвентарь мужского погребения. Сабля — одна из самых интересных находок в этом могильнике. Длина ее 86 см; прямая рукоять и прямое перекрестье (длина 13.4 см); почти прямой клинок, шири-

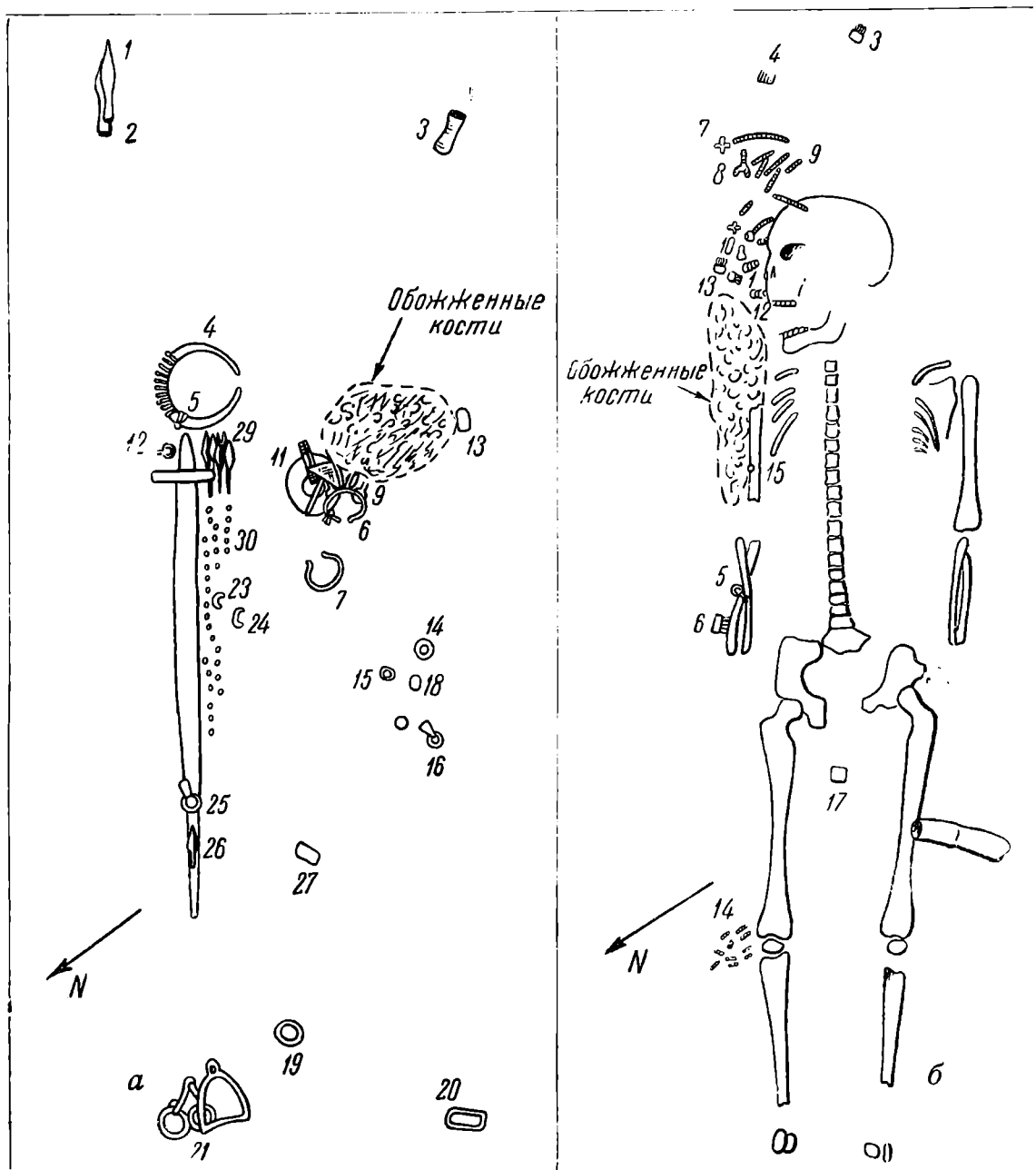

Рис. 13. Могильник у колхоза «Красный восток»: а — погребение № 1; б — погребение № 2

ной 3 см (рис. 14—15). Аналогичная по форме и близкая по размеру (длина 90 см) сабля найдена на Кавказе в Галиатском могильнике, в погребении VIII в.¹

Два наконечника копий относились к разным типам. Один из них длинный (27.5 см), с ромбическим пером, имевшим слабую грань посредине, и узкой втулкой (рис. 14—5). Другой — значительно короче (длина 17 см), с массивным четырехгранным коротким пером (рис. 14—4).

¹ Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. Изв. Североосетинского научно-исслед. ин-га, т. IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 154, рис. 11.

Близкий по форме и пропорциям, но более широкий наконечник был найден в раннем мордовском могильнике IV—VI вв.²

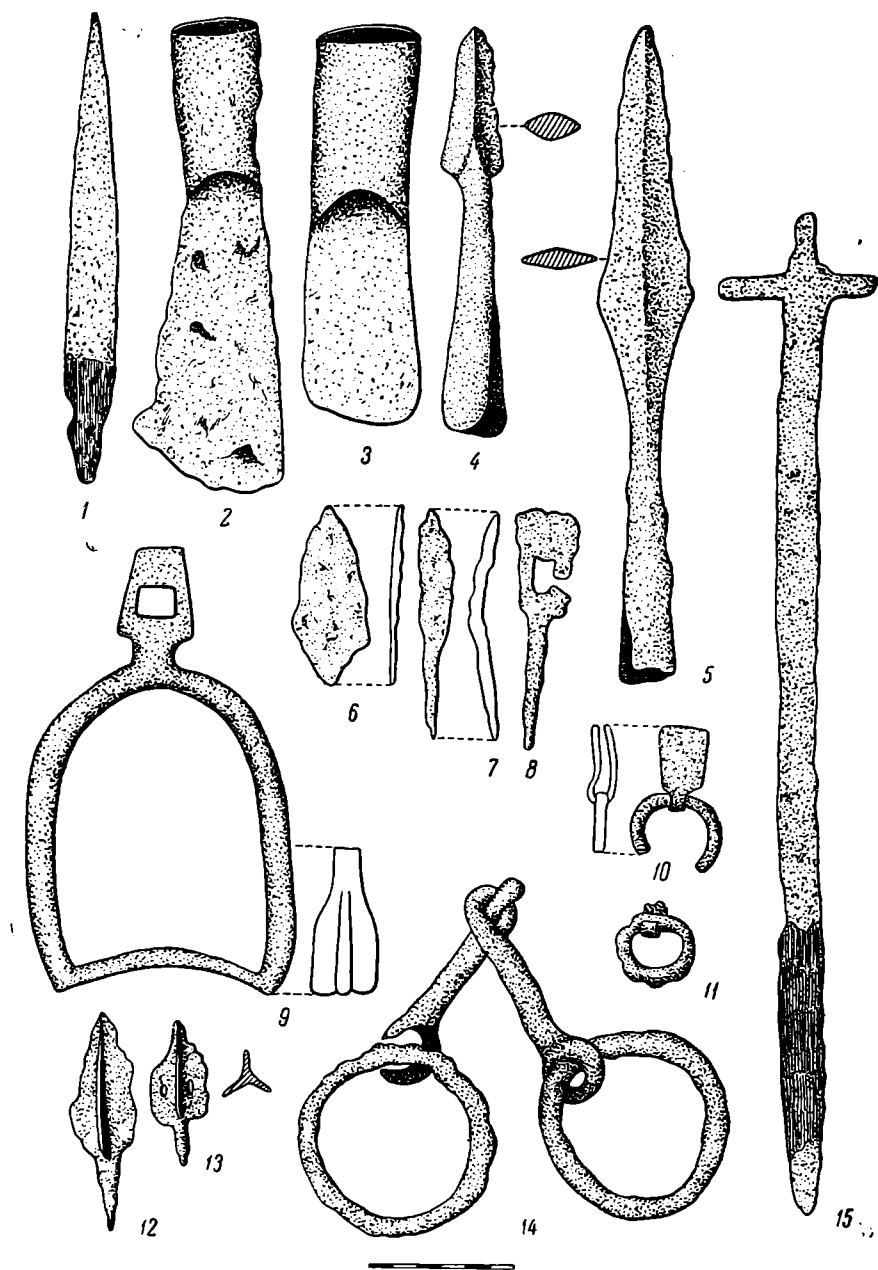

Рис. 14. Железные вещи из погребений могильника у колхоза «Красный восток»

1 — нож; 2, 3 — топоры; 4, 5 — наконечники копья; 6—8 — наконечники стрел;
9 — стремя; 10 — бляшка поясная; 11 — кольцо поясное; 12, 13 — наконечники стрел;
14 — удила; 15 — сабля
1, 2, 4—15 — из погребения № 1; 3 — из погребения № 3

Наконечники стрел (рис. 13—29) лежали вместе, остриями к юго-востоку. Исключение составляет одна трехлопастная стрелка, найденная на конце сабли (рис. 13—26). Всего было десять целых наконечников и четыре обломка.

Трехперые стрелы составляли основную массу. Их лопасти были у некоторых экземпляров сравнительно широки (рис. 14—12). Впрочем, пло-

² П. С. Рыков. Культура древних финнов в районе р. Узы, Саратов, 1930, табл. XX, рис. 25.

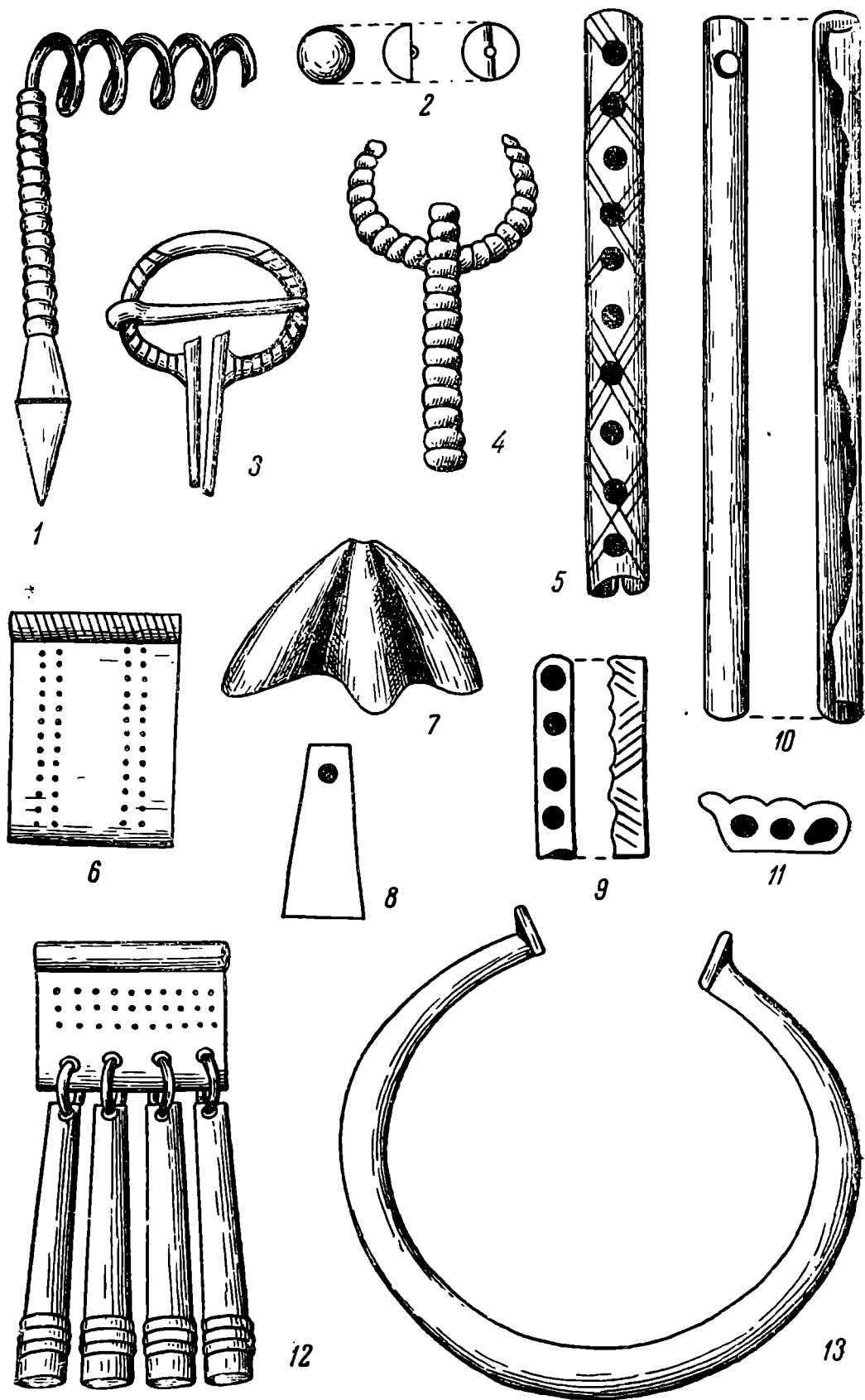

Рис. 15. Вещи из погребений могильника у колхоза «Красный восток»

1 — височная привеска; 2 — полусферная бляшка; 3 — застежка с 4-усами; 4 — ухватаобразная привеска от наконечника; 5 — трубочка бронзовая; 6 — пластинчатая пронизка от ожерелья; 7 — звездчатая привеска от наконечника; 8 — трапециевидная привеска; 9, 10 — трубочки бронзовые; 11 — бляшка ажурная; 12 — пластинчатая пронизка с трубчатыми привесками; 13 — браслет
1 — 3, 6, 11 — 13 — из погребения № 1; 4, 5, 7 — 9 — из погребения № 2; 10 — из погребения № 3

хая сохранность не всегда позволяет точно судить об их ширине и о форме. Среди этих стрел выделяется одна, снабженная круглыми отверстиями в лопастях (рис. 14—13).

Аналогичные стрелы известны на Северном Кавказе — в Борисовском могильнике.³ По форме же лопасти она чрезвычайно близка найденным на Алтае.⁴ Трехперые стрелы в описываемое время были господствующей формой в южных и восточных областях.

Плоские стрелы. Их найдено всего три. Одна из них была с плоским ромбовидным пером (рис. 14—6). Другая — лопатовидная, с поперечным лезвием и прямоугольным отверстием в середине, была вполне идентична найденной в Борисовском могильнике (рис. 14—8).⁵ Третий наконечник стрелы был сильно деформирован (рис. 14—7).

Мелкие круглые бляшки — пуговицы с ушком на оборотной стороне и двумя желобками, ведущими к отверстию в нем, лежали вдоль сабли на продсложении черешков стрел (рис. 15—2). Судя по их положению, можно предположить, что ими были украшены либо ножны сабли, лежавшие рядом, либо колчан. За первое, возможно, говорит находка в одном из южных могильников, у станицы Фельдмаршальской, круглых бляшек вокруг сабли.⁶ В то же время в Борисовском могильнике совершенно тождественными как по размерам, так и по внешнему виду бляшками были украшены бесформенные полосы железа, на которых они были насажены в ряд.⁷ Обратная сторона этих бляшек, укрепленная в железе, осталась неизвестной.

В другом случае аналогичными бляшками была украшена узда.⁸ Приведенные параллели не позволяют выяснить, что за предмет был ими украшен в нашем могильнике. Бляшка ажурная, плоская, с округлыми отверстиями, сильно разрушенная, была найдена вместе с описанными выше круглыми бляшками (рис. 15—11). Поясные кольца и бляшки лежали несколько в стороне в виде отдельной группы, представляя, очевидно, остаток пояса (рис. 14—10, 11). Здесь были четыре железных кольца диаметром 3.2—3.5 см, железный круглый стержень длиной в 6 см и кремешки (рис. 13—18). На одном из колец сохранилась часть охватывающей его обоймы, вероятно остаток бляшки (рис. 14—11). Одно такое же кольцо найдено на некотором расстоянии от этой группы, у середины сабли (рис. 13—23), а близ ее конца — железная прямоугольная бляшка с кольцом несколько большего диаметра (рис. 13—25 и 14—10).

Производственный инвентарь. Нож (рис. 14—1), лежавший под рукоятью сабли, и втульчатый топор (рис. 14—2).

Конское снаряжение. Стремя арочной формы, с прямоугольным ушком для ремня и расширенной изогнутой подножкой (рис. 14—9). Этот тип стремени был распространен как в Салтовском могильнике⁹ на севере, так и в могильниках Северного Кавказа.¹⁰

Удила кольчатые двухсоставные, с большими кольцами (рис. 14—14). Этот тип был широко распространен в более древнем мордовском могильнике — Кошибеевском, а также в рязанских могильниках — Кузьминском

³ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. ИАК, вып. 56. П., 1914, табл. III, рис. 9.

⁴ Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Отчет о работах Саяно-Алтайской экспедиции в 1935 г. Тр. ГИМ, вып. XVI, стр. 111, рис. 54 (второй слева).

⁵ В. В. Саханев. Указ. соч., т. III, рис. 8.

⁶ А. А. Zakharov. Beiträge zur Frage der Türkischen Kultur der Völkerwanderungszeit, стр. 31—33.

⁷ В. В. Саханев. Указ. соч., стр. 146, рис. 28 (низ).

⁸ Ханенко. Древности Приднепровья, вып. II, 1899, табл. XXI. С. Волковицы.

⁹ Покровский. Верхне-салтовский могильник. Тр. XII АС, т. XXII, рис. 102; там же, стр. 11, рис. 2.

¹⁰ В. В. Саханев. Указ. соч., рис. 19; Е. И. Крупнов. Указ. соч., т. V, рис. 29.

в Борковском.¹¹ Вероятно, с конской сбруей следует связать железное кольцо (рис. 13—19), найденное недалеко от удила и стремени, и крупную прямоугольную пряжку (рис. 13—20).

Предметы неопределенного назначения. Сюда относятся: согнутая пополам железная пластинка (рис. 13—13), лежавшая около пережженных костей; обломок трехлопастного железного предмета

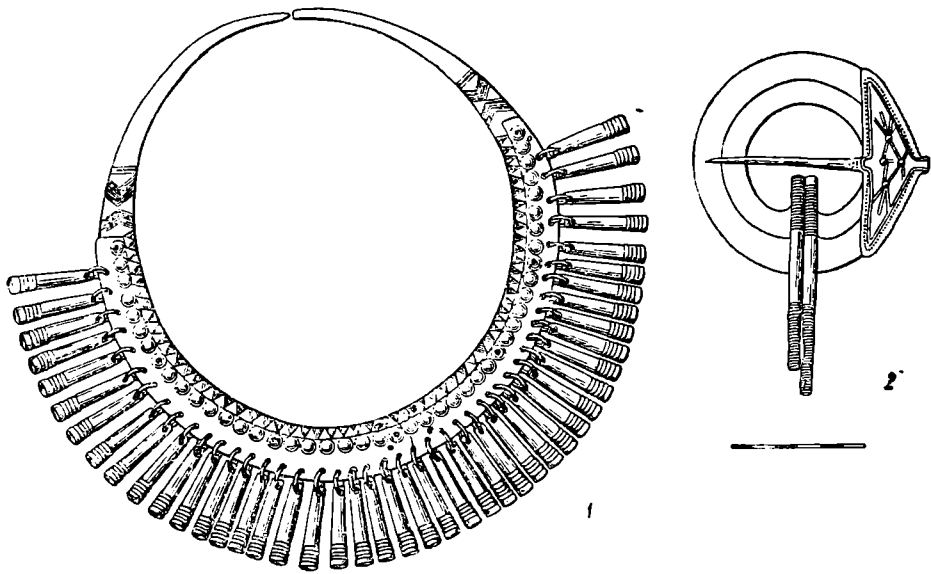

Рис. 16. Вещи из погребения № 1 могильника у колхоза «Красный восток»

1 — гривна; 2 — застежка с «усами» и «крылатой ногой»

(рис. 13—27) и железное полукольцо диаметром 1.7 см (рис. 13—24), согнутое из пластинки шириной 1.1 см.

Женские украшения. Две спиральные височные привески с би-пирамидальным грузиком на конце стерженька, обвитого узкой полоской (рис. 15—1). Гривна (рис. 13—4) медная, серповидной формы с широкой накладной пластинкой, приклепанной в семи местах к телу гривны, не считая полома. Пластинка украшена крупными полушарными выпуклинами и мелкими зубчиками по краю. Свободная от накладки верхняя часть гривны орнаментирована тонкой нарезкой, образующей заштрихованные треугольники. К нижнему краю гривны привешены трубчатые подвески со штампованным орнаментом. Гривна сильно потерта, разломана в середине и склепана (рис. 16—1). Аналогичная гривна была найдена в Томниковском могильнике.¹²

Под гривной и рукоятью сабли лежали, кроме описанной выше височной привески, следующие предметы: три пластинчатые бронзовые пронизки от ожерелья, согнутые наподобие обоймы из широкой ленты и украшенные с лицевой стороны рядами точечных выпуклин и тонкой нарезкой (рис. 15—6).

Шесть пластинчатых пронизок аналогичного устройства, с четырьмя трубчатыми штампованными привесками (рис. 15—12). Одна из них, более крупная, была с пятью привесками. Ожерелья из подобных пронизок встречаются в Лядинском могильнике.

¹¹ А. А. Спицын. Древности бассейнов рек Оки и Камы. МАР, № 25, табл. XII, рис. 1.

¹² В. Н. Ястребов. Лядинский и Томниковский могильники. МАР, вып. 10, табл. XV, рис. 2.

Другая группа женских украшений лежала около груди пережженных костей. Застежка с крылатой иглой и длинными «усами» (рис. 16—2). Это — большая серебряная бляха, плоская и круглая, с «усами», украшенными штампованным орнаментом, с треугольной пластинкой у основания язычка; застежка орнаментирована тонкими насечками и точечными выпуклинами. Подобные бляхи встречаются и в других мордовских могильниках (Серповом¹³ и Томниковском¹⁴), а также у мери (Сарский могильник).¹⁵

Два массивных браслета с концами в виде шляпки гвоздя (рис. 13—6, 7 и 15—13). Кольцевые застежки с «усами» найдены на браслете и под ним (рис. 13—8—10), а также на гривне (рис. 13—5) и около рукояти сабли (рис. 13—12). Застежки сравнительно небольшого размера, с плоской (и только в одном случае круглой) дужкой, иногда орнаментированной насечками, и с «усами», у некоторых застежек литыми, у других — свернутыми в трубочку (рис. 15—3).

Погребение № 2 исключительно интересно, так как впервые было встречено двойное захоронение, совершенное одновременно по разным обрядам: мужское — труположение и женское — трупосожжение.

Мужской костяк лежал в могиле глубиной 0.75 м в вытянутом положении; ориентирован головой на ВЮВ. Сопровождающий его инвентарь состоял из втульчатого топора и ножа, положенных вместе (рис. 13, погр. № 2) у левого бедра, и бесформенного железного предмета, найденного между ног, близ лобкового сочленения (рис. 13—17).

Женское погребение представляло собой груды пережженных костей, положенных вдоль правой руки мужчины и частично налегающих на нее. Составляя как бы продолжение этой вытянутой кучки, у лица костяка и за черепом лежали женские украшения (рис. 13, погр. № 2).

Две спиральные височные привески с грузиком на конце стерженька (рис. 13—12), аналогичные найденным в первом погребении. Пять пластинчатых пронизок от ожерелья, с пятью трубчатыми штампованными привесками. Одна пластинчатая пронизка без привесок. Эти пронизки, представляя полное сходство с описанными в первом погребении, лежали разрозненно за черепом (рис. 13—3), у лица (рис. 13—13) и на правом предплечье (рис. 13—6).

Накосник (рис. 13—7—9) сохранился в виде кисти, состоящей из бронзовых спиралек, оканчивающихся звездчатыми и ухватаобразной (рис. 15—4 и 7) привесками. Здесь же были две разомкнутые трубочки с отверстиями и нарезным орнаментом.

Два перстня располагались у лица (рис. 13—10, 11).¹⁶ Вероятно, с женским погребением следует связать две застежки, лежавшие одна на правой плечевой кости (рис. 13—15), а другая с «усами» — на правом предплечье (рис. 13—5), а также группу спиралек, найденных у правого колена (рис. 13—14).

Судя по тому, что пережженные кости частично прикрывали плечевую кость и украшения непосредственно прилегали к непо потревоженному черепу, все это приводит к выводу, что эти два захоронения были совершены одновременно.

Погребение № 3. Мужской костяк лежал на спине в вытянутом положении; ориентирован головой на ВЮВ. При нем найдены следующие предметы:

¹³ А. А. Спицын. Производство археологических раскопок в Пензенской и Тамбовской губерниях. Отчет Археол. комиссии за 1892 г., стр. 49—50.

¹⁴ В. Н. Ястребов. Указ. соч., т. XV, рис. 8.

¹⁵ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. МИА СССР, № 5, М.—Л., 1941, стр. 94, рис. 51.

¹⁶ Перстни в коллекции отсутствуют.

Топор (рис. 14—3) втульчатый был воткнут в землю снаружи у правого бедра. Часть ножа лежала на поясничных позвонках. Две пряжки железные, прямоугольной формы, очевидно, связанные с поясом, были найдены на лобковых костях. Трубочка бронзовая (рис. 15—10) с несомкнутыми краями и отверстием на одном конце лежала поперек одной из пряжек.

Приведенные выше при анализе инвентаря параллели позволяют наметить дагу вскрытых погребений. В этом вопросе отправным пунктом может служить оружие. Сабля и трехперые стрелы чрезвычайно близки найденным на Кавказе в Галиатском могильнике, в погребении, датированном монетой начала VIII в. С другой стороны, сходство стрел с борисовскими, относимыми автором к VIII—IX вв., и с алтайской, встреченной в погребении VII—VIII вв., позволяют наметить раннюю дату — VIII в.

К этому времени относятся некоторые погребения из Серпова (расположенного западнее, в б. Моршанском у.) и Томниковского (б. Шацкого у.) могильников. Их однотипность позволяет очертить определенный район, заселенный в VIII в. одной и той же народностью — мордвой; этот район пока еще небольшой, вследствие малой исследованности его. За принадлежность этих могильников мордве говорят характерные височные привески в виде спирали, с бипирамидальным грузиком на конце стержня, известные с более раннего времени; браслеты с концами в виде шляпки гвоздя; застежки с «усами».

Некоторые из этих предметов, как, например, застежки с «усами» и описанного типа браслеты, встречаются и в более северных районах — в могильниках муромы.¹⁷ Но там они крайне редки. Застежки с «усами» были также распространены и у мери.¹⁸ Насколько они были для нее характерны, по краткому описанию этого могильника трудно решить. В их бытовании у муромы и мери нет ничего удивительного. Будучи генетически связаны с широко распространенными в ранних окских могильниках кольцевыми застежками с концами, свернутыми в трубочку, застежки с «усами» широко распространились по мерянско-муромско-мордовской земле, но в последней, став единственной формой застежек в VII—X вв., приобрели характер племенного, типично мордовского украшения.

Совершенно иначе приходится объяснять изредка встречающиеся в муромских могильниках находки характерных мордовских браслетов, с концами в виде шляпки гвоздя; серебряных застежек с «крылатой» иглой (у мери) и других предметов. Их распространение в этих областях может быть объяснено тесными межплеменными связями и развитием торговых отношений. За последнее говорят находки византийских монет VII в. в Серповом могильнике, а также и другие предметы южного происхождения.

Языки степи, глубоко вклинивающиеся в мордовские леса, были теми каналами, по которым налаживалась связь мордвы с южными, более культурными областями. Уже из приведенных выше параллелей при описании погребений могильника «Красный восток» видно, что в VIII в. мордва была вооружена по аланскому образцу; то же относится и к конскому снаряжению. Это влияние было значительно шире и глубже, чем дает приведенный нами материал. Оно существовало вплоть до X в., до момента исчезновения на северной окраине алано-хазарского района салтово-маяцкой культуры, в значительной мере питавшей мордовские области.

¹⁷ В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях гор. Муромы в 1910 г. Древности, т. XXIV, М., 1914.

¹⁸ П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 94, рис. 52.

О. Н. БАДЕР

БАРТЫМСКАЯ ЧАША¹

Очередная находка древнего восточного серебра в западном Приуралье сделана в Молотовской обл., на р. Бартым, притоке Шаквы, впадающей, в свою очередь, в Сылву, недалеко от Кунгура.

В августе 1947 г. тракторист Дубовской МТС Березовского района, Хабир Капизов, работая на поле у дер. Бартым, выпалал серебряный

Рис. 17. Бартымская чаша (вид снизу). В овале припая видно изображение рыбы

ладьевидный сосуд со следами сорванного плутом поддона и с рельефными изображениями, местами стертymi о землю. В октябре тов. Капизов доставил свою находку в Молотовский областной музей, который и поручил мне описать ее.²

¹ Краткая информация о бартымской чаше была помещена в «ВДИ», 1948, № 3, стр. 166.

² Золотой сосуд, обнаруженный в 1943 г. на скупочном пункте в гор. Молотове и опубликованный А. П. Смирновым (ВДИ, 1946, № 1 и КСИИМК, вып. XIV, 1947), по заявлению работника скупочного пункта Л. К. Бодня, происходит не из Молотовской обл., а из Сибири, что было заявлено принесшей его на пункт женщиной. Вместе с сосудом ею были сданы массивный золотой браслет (весом свыше 400 г), округлый в сечении, с своеобразным замком и вставленным в него в средней части большим продолговатым неграненым камнем молочного тона, наконечник для ремня и другие золотые поломанные вещи. Со слов женщины, эти вещи были найдены вместе с сосудом при рытье ям; там же находились еще другие вещи, например железные кинжалы с золотыми рукоятками, потерянные затем детьми. По заявлению Л. К. Бодня, все вещи были сделаны из червонного золота.

Приведенные сведения получены автором от Л. К. Бодня в марте 1949 г.

Находка представляет собой довольно тяжелый серебряный сосуд (весом около 700 г) ладьевидной формы (рис. 17). Близкие по форме сосуды известны в специальной литературе как ложчатые чаши. Длина ее 26 см, ширина 9.2 см и высота 6 см.

Металл, из которого сделана чаша, был подвергнут спектральному анализу А. М. Шавриным³ в соответствующей лаборатории Молотовского университета. Анализом установлено, что бартымская чаша сделана из серебра со значительной примесью меди, довольно значительной — свинца и хорошо заметной — олова; отмечена также слабая примесь золота и следы кремния, магния, висмута и алюминия.

В плане сосуд представляет собой правильный овал (рис. 18). На дне сохранились следы припая от полого поддона⁴ тоже овальной формы, размером 9.2×3.7 см; ширина припая 6.5—8 мм. Минимальная толщина стенок сосуда, судя по краям пробойны, несколько больше 1 мм, толщина округлых в разрезе краев — около 3 мм.

Внутренняя поверхность чаши совершенно гладкая; на наружной поверхности на таком же чистом фоне — рельефные изображения. Техника изготовления чаши представляется как литье с последующей чеканкой контуров и деталей и шлифовкой.

Во многих местах в виде узкой полосы у основания рельефных фигур сохранился слабый золотистый налет — след позолоты. В углублениях, внутри фигур, этих следов почти нигде не замечено, а на плоскости фона — нигде, кроме такой же узкой полоски вокруг основания поддона. Вероятно, рельефы выделялись позолотой на серебряном фоне.

Рельефные изображения расположены на боковых стенках и представляют собой с каждой стороны пару птиц, смотрящих друг на друга и разделенных фигурой в виде вычурного кубка или жертвенника (?). Внутри овального поддона — рельефное же изображение рыбы, длиной 6.2 см (рис. 17).

Фигуры птиц не вполне стандартны по размерам как в целом (например, длина 129 и 126 мм), так и в деталях. Не вполне симметрично и расположение их на сосуде (рис. 17). Каждая из птиц (видимо, павлинов) составлена из ряда других изображений. Так, на груди, на спине птиц и в одном случае внизу, перед ногами, — человеческие профили; в другом случае внизу профиль похож на голову животного с очень длинной мордой или, скорее, хоботом (слона? рис. 19а). Задняя часть туловища павлинов представляет собой морду зверя с широко раскрытой пастью, с торчащими в ней зубами — вероятно, кабана, проглатывающего большую рыбу (?), заменяющую в то же время хвост павлина, что подчеркивается изобра-

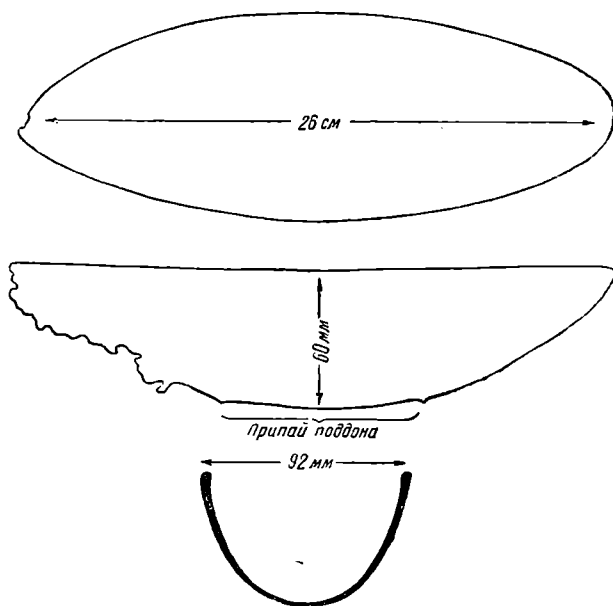

Рис. 18. Бартымская чаша. Очертания сверху и поперечные разрезы

³ Пользуемся случаем выразить А. М. Шаврину свою благодарность.

⁴ Свежесть следов припая говорит о том, что поддон был сорван плугом в момент находки.

жениями на его поверхности мелких concentрических кружков, напоминающих характерный рисунок в виде «глазков» на павлиньих перьях. Верхняя часть каждой обращенной к зрителю лапы павлина дана в виде небольшой рыбы с головой, намеченными плавниками и раздвоенным хвостом.

Человеческие лица особенно хорошо выполнены на спине павлинов, заменяя сложенные крылья. Изображены лица с довольно длинным, прямым носом, в одном случае утолщенным на конце. Хорошо выражены пухлые щеки и большие бороды. На головах — головные уборы в виде довольно высоких шапок или шлемов. Уши почти всегда видны, в одном случае за-

Рис. 19 а, б. Бартымская чаша. Рельефы на боковых сторонах

крыты, может быть свисающей со шлема кольчугой, переданной мелкими колечками с точкой в центре, одновременно рисующими перья на спине павлина. Лица на груди павлинов, сообразно с их местом на профиле птиц, более коротки, без бород, с выраженными подбородками, с короткими, выступающими вперед мясистыми носами и толстыми губами. Черты лица, в частности глаза, переданы здесь хуже.

Полиморфные фигуры в искусстве являются одним из распространенных мотивов в древней Месопотамии и Закавказье, где они бытуют даже в средние века. Они проникли и в Предкавказье, притом еще в очень раннее время; так, полиморфные фигуры имеются на известных ножнах из Келермесского кургана и из кургана у ст. Елизаветовской⁵ на золотой чеканной же пластинке из четвертого Семибратнего кургана на Кубани и пр.

Над спинами павлинов, начиная от шеи и будучи как бы прикреплены к ней, простираются горизонтально своеобразные предметы в виде вышитых (?), частью сложенных складками шарфов с двумя расширенными концами (рис. 19а, б).

Не только хронология, но и культурная принадлежность, и следовательно, вопросы происхождения находок восточного металла в области Урала разработаны еще далеко недостаточно; поэтому и научная диагностика по отношению к новой бартымской чаше представляет существен-

⁵ К. В. Тревер. Сэнмурв — Паскудж, собака — птица. ИГАИМК, вып. 100 (сборник в честь Н. Я. Марра), 1933.

ные трудности, усугубляемые ее уникальным характером как по форме, так и по рельефам.

Прежде всего, сличая бартымскую чашу с опубликованными памятниками этого рода, мы приходим к выводу о принадлежности ее к числу сасанидских изделий. Среди них мы находим хотя и не полные, но наиболее близкие аналогии по форме. Такова, прежде всего, сасанидская ложчатая чаша из дер. Кулагыш б. Кунгурского уезда.⁶ Этот сосуд имеет форму «как бы раскрытой и растянутой в одном направлении цветочной чашечки»;⁷ края его волнисты, фестончаты, тогда как ложчатая, ладьевидная форма бартымской чаши совершенно проста. Особенно интересно аналогичное бартымской находке единственное украшение кулагышской чаши — «рельефное украшение рыбы, припаянное некогда внутри на дне, — отломано и утеряно, равно как и ножка. Только по форме припайки угадывается эта фигурка, указывающая, быть может, на назначение блюд такой формы».⁸

Однако первоначальное назначение этих многолопастных, как и вообще всех ложчатых чаш, несмотря на многочисленные литературные свидетельства о сасанидском Иране, определить трудно. Вероятнее всего, что это или пиршественные чаши, или сосуды для жертвенников.⁹ Близкие, но многлопастные сасанидские чаши известны из Слудки, Пермского у.¹⁰ (серебро с позолотой) и из Перещепинского клада б. Полтавской губ. (золото);¹¹ обе сохранили полые овальные ножки. Еще дальше на запад, включая Польшу, сделаны находки еще двух ложчатых многолопастных чаш, не включенных, однако, И. А. Орбели и К. В. Тревер в число сасанидских памятников.¹²

Рыбы не раз встречались среди изображений на сасанидском металле;^{13, 14} птицы — более часты. В сасанидской бронзе из Дагестана имеются водолеи в форме гуся и утки,¹⁵ в серебре — в виде рельефов,¹⁶ также рельефы и в бронзе.¹⁷ Среди рельефов встречается характерная манера передачи лап птицы, вполне аналогичная бартымским рельефам. Чаще всего изображаются не павлины, как у нас, а фазаны.

Особенно интересна в данном случае фигура фазана, изображенная на блюде, из дер. Чуриной б. Глазовского у.; в клюве он держит ожерелье.^{18, 19} На голове фазана аналогичный нашим хохолок или рожки в виде полумесяца, напоминающие царский головной убор сасанидов. У чуриновского фазана также имеется крайне важная деталь, сближающая его с бартымскими павлинами, — развевающийся за шеей двухконечный шарф, хотя и более схематично поданный.

Те же самые шарфы постоянно встречаются за головой и за плечами фигур сасанидских царей. Аналогии здесь настолько многочисленны, что мы не станем все их приводить и ограничимся общей ссылкой на изданные атласы.

⁶ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, 1909. Атлас, табл. 75; И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл, 1935, табл. 57.

⁷ Я. И. Смирнов. О сасанидских блюдах. Казань, 1894, стр. 6.

⁸ Там же.

⁹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Я. И. Смирнов. Восточное серебро, 1909. Атлас, табл. 76 и 77.

¹³ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 33.

¹⁴ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. 158, 289.

¹⁵ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 80, 81.

¹⁶ Там же, табл. 28, 29, 33.

¹⁷ Там же, табл. 65.

¹⁸ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. 90.

¹⁹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 28.

То, что шарфы эти принадлежат к числу царских регалий, вытекает из стремления художника показать их при царской фигуре во что бы то ни стало, для чего концы его, будучи по композиции закрыты фигурой, естественно поднимаются в воздухе над плечами.²⁰ У царей даже пояс, мечи, луки и конская сбруя украшены подобными шарфами различной величины.²¹

Примечательно, что подобные шарфы имеются, помимо царей, не только на бартымских павлинах и на чуринском фазане, но и на фигурах некоторых других животных: в нескольких случаях на козлах²² и в одном случае на олене,²³ хотя и несколько иного вида. Говоря об упомянутых ожерельях и шарфах (лентах) при фигурах животных и чудовищ, Смирнов замечает: «Так как ожерелья этого рода видим мы и на царях, то естественно все изображения эти ставить в зависимость от многочисленных и повсеместных сказаний о чудесном происхождении драгоценностей или регалий». И далее: «...ленты, такие же, как и на царях, на шее некоторых животных могут указывать на принадлежность последних царским зверинцам: на рельефе Так-и-Бостана мы видим такого барана с лентами, бегущим перед царем на охоте...»²⁴ Так или иначе, ленты и шарфы должны обозначать царских животных.

То же самое следует сказать и о значении шара с полумесяцем над головой павлина. Подобные шары являются непременной принадлежностью каждого «царя царей».²⁵

Пытаясь определить время изготовления бартымской чаши, мы принимаем во внимание: 1) ее форму, 2) профили голов на спине павлинов и 3) развевающиеся за головами павлинов шарфы.

Признак формы дает мало. Перещепинская ложчатая чаша была в VII в. зарыта в землю, изготовлена же, следовательно, раньше. Наиболее близкая нашей чаша из Кулагыша вместе с другими описанными Смирновым в цитированной брошюре²⁶ вещами относится им к V—VII вв., следовательно, не раньше V в. Бартымская чаша, если исходить из ее более простой формы, может быть отнесена к более раннему времени, но это суждение не убедительно.

Сравнивая профили на спине павлинов с изображением царей на сасанидских монетах, необходимо признать трудность такого сравнения, вследствие весьма схематического характера монетных изображений и недостоверности наших профилей как царских. Все же укажем на наибольшее сходство их с некоторыми царями раннего периода, например: с Арташиром I, Папаканом, Варахраном II, Нарсе, Ормуздом II; а если обратиться к датированным изображениям на блюдах, то в особенности с Варахраном I.

Таким образом, все сделанные выше сопоставления говорят о ранне-сасанидском происхождении бартымской чаши. Несколько уточнить дату позволяет манера, в которой изображен шарф. На датированных царских фигурах блюд такие шарфы имеются у Варахрана I, Шапура II, Шапура III, Бахрама Гура и Хосрова I Ануширвана. По форме и деталям бар-

²⁰ Я. И. Смирнов. Указ. соч., табл. 51, 52.

²¹ Там же, табл. 58, 59 и мн. др.

²² Там же, табл. 108, 109.

²³ Там же, табл. 134.

²⁴ Я. И. Смирнов. О новом издании имп. Археологической комиссии «Восточное серебро». Протокол заседания Вост. отд. ИРАО, 26 февр. 1909 г. Записки Вост. отд. ИРАО, т. XIX, стр. XXVIII—XXXIV.

²⁵ К. В. Тревер. Резной аметист из собр. Эрмитажа. Сообщения ГАИМК, вып. 2, 1931.

²⁶ Я. И. Смирнов. О сасанидских блюдах. Казань, 1894.

тымские шарфы похожи на таковые же у Бахрама Гура,²⁷ еще более — у Варахрана I²⁸ и в особенности — у Шапура III.²⁹

Аналогичные результаты дает и сравнение бартымских шарфов с шарфами каменных рельефов сасанидов. Наиболее близки к бартымским, при этом чрезвычайно похожи шарфы рельефов царей Шапура I (242—272) в Nagsh-i-Rajab и Варахрана I (Bahram, 273—277).³⁰ У рельефов царей Нарса и Хосрова шарфы тоже похожи, но менее близки нашим бартымским.

Из сделанных сопоставлений наиболее вероятная дата бартымской чаши лежит между царствованием Шапура I и Шапура III, т. е. между 242 и 388 гг. При этом большинство аналогий, так же как и указанное выше сходство рельефов головы с изображениями Варахрана I (273—277), заставляют отнести бартымскую чашу к III в.

Надо думать, что изучение семантики изображений бартымской чаши дает небезынтересный материал и для ее датировки. На нашем докладе о находке, сделанном 2 февраля 1948 г. в ГИМ (Москва), Б. А. Рыбаков высказал предположение, что бартымская чаша является производением иранских несториан: и павлин, олицетворяющий бессмертие, и рыба являются раннехристианскими символами. К этому мнению присоединилась Н. В. Пятышева, указавшая, что вполне аналогичные фигуры двух павлинов, разделенных чашей, изображены на мозаичном полу раннехристианского храма в Херсонесе Таврическом.

На втором докладе о находке, сделанном нами 10 июня 1948 г. в Отделе Востока Гос. Эрмитажа, существенные мнения были высказаны крупнейшими специалистами по древнему металлу и археологии Переднего Востока. К. В. Тревер при первом знакомстве с изображениями бартымской чаши пришла к заключению, что чаша, видимо, относится к досасанидскому времени и по своему происхождению, быть может, с Ираном не связана, являясь раннекушанской. И. А. Орбели считает чашу также досасанидской и привел соображения, говорящие о ее закавказском происхождении. Л. А. Мацулевич привел аргументы также в пользу закавказского происхождения бартымской чаши. Принимая во внимание вытянутые, слонообразные лица среди рельефов, а также характер разделяющих птиц жертвенников с волютами, встречающихся в I и II вв., он полагает, что находка восходит к парфянскому времени.

Несмотря на столь единодушно высказанное мнение о досасанидском возрасте описанного памятника, автор берет на себя смелость остаться при своем мнении о раннесасанидском происхождении чаши.³¹ Наиболее убедительным основанием для этого служат, по нашему мнению, шар с полумесяцем — типично сасанидский головной убор, и в особенности поразительное, до мельчайших деталей, сходство шарфа с шарфами ранних сасанидов, в особенности же Варахрана I, на время которого — III в. — указывают и некоторые другие приведенные выше сопоставления. Некоторые же архаичные черты в описанном памятнике должны рассматриваться как вполне вероятные пережитки или подражания более ранним образцам.

Описанный памятник по месту находки не является изолированным. Кунгурский край издавна известен этого рода находками, представляя собой один из основных районов распространения их в Прикамье.

Наша находка не первая и на р. Шакве. В 1903 г. здесь, у с. Комарова, найдено серебряное блюдо с изображением льва, загрызающего быка,

²⁷ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Указ. соч., табл. 10.

²⁸ Там же, табл. 4.

²⁹ Там же.

³⁰ A Survey of Persian Art, vol. IV. London and New York, 1938, табл. 154—157.

³¹ О. Н. Бадер. Уникальный сасанидский сосуд из-под Кунгура. Вестник древней истории, 1948, № 3.

и с рыбами внизу.³² Более того, в 1925 г. серебряное блюдо обнаружено и у деревень Кокчиково и Бартым. Вот что мы находим о нем в краткой заметке «Находки в округе», опубликованной тогда же в «Сборнике Кунгурского общества краеведения»: ³³ «Серебряное блюдо. Крест. дер. Кокчиково Шаквинского сельсовета, Березовского района, Кунгурского округа. Галитша Давлетшин ныне летом выпахал на полосе блюдо чистого серебра. На внутренней стороне блюда ясно видно изображение юноши на троне, по обеим сторонам стоят два воина с копьями. У подножья трона лежит арфа и еще какие-то предметы.

На нижней стороне блюда есть какие-то надписи, разобрать которые могут только, конечно, специалисты. Блюдо доставлено в Кунгурский музей.

Весом блюдо 2 фунта и 6 золотников».

В том же году в журнале «Кунгурско-Красноуфимский край» помещен фотоснимок найденного блюда,³⁴ а в соответствующей заметке указано, что находка выпажана Г. Давлетшиным в июне 1925 г. Новая заметка о находке появилась в № 11—12 того же журнала, где о ней упоминается и в статье А. В. Шмидта,³⁵ определяющего блюдо как византийское.

Из Кунгурского музея в 1926 г. блюдо было передано в Гос. Эрмитаж, где оно было подробно описано и издано Л. А. Мацулевичем.³⁶ Последний доказывает византийское происхождение блюда и датирует его VI в.

До сего времени нельзя считать окончательно решенным вопрос о назначении драгоценных сосудов у древнего населения Урала, хотя их использование в культовых целях вряд ли подлежит сомнению. Необходимо накопление проверенных наблюдений относительно места нахождения и условий залегания каждой новой находки, ибо старые местонахождения, как общее правило, оставались необследованными.

Преследуя эту цель, автор направил в дер. Бартым студентов Молотовского университета В. Оборина и В. Денисова для предварительного обследования места находки, как только последняя обнаружилась.

Прежде всего, рекогносцировкой было установлено, что находки Галитша Давлетшина (1925) и Хабира Капизова (1947) были сделаны на одной и той же пашне, более того, в одном и том же пункте. Правда, чаша 1947 г. в момент обнаружения была уже смещена и пункт ее залегания не установлен точно (трактор с начала пахоты успел пройти по пашне один круг), но обнаружена она была точно в пункте находки 1925 г. Этот пункт находился в 170 м к северу от дер. Бартым, на пологом склоне к р. Бартым, на ее правом берегу, на высоте 4—5 м над уровнем реки.

В 1925 г. Галитша Давлетшин обнаружил находку, впервые распахиная нетронутую полосу. В 1947 г. тракторная вспашка производилась здесь также впервые, что говорит о возможности здесь новых находок.

В момент обследования (1 ноября 1947 г.) земля была покрыта снегом, и это мешало осмотру пашни; но в пункте находок был сделан пробный шурф размером 1 м², не обнаруживший признаков культурного слоя. Под поверхность до глубины 22 см залегает темносерый пахотный, почвенный слой подзолистого характера; под ним на 20 см — желтоватый песок и затем — плотная глина. Следовательно, чаша лежала в нижнем горизонте почвы, — проткнувший ее плуг шел на глубине 22 см.

³² Я. И. Смирнов. Восточное серебро. 1909, табл. 289.

³³ Сб. Кунгурского об-ва краеведения, вып. 1, Кунгур, 1925, стр. 40.

³⁴ Журнал «Кунгурско-Красноуфимский край», 1925, № 8—10.

³⁵ А. В. Шмидт. Кунгурско-Красноуфимский край в археологическом отношении. Там же, 1925, № 11—12.

³⁶ Leonid Matzulewitsch. Byzantinische Antike. Archäologische Mitteilungen aus russischen Sammlungen, т. II, 1929. IV — Die Schlüssel aus dem Dorfe Koc̄iki, стр. 25.

По словам местного населения, место находки представляло собой раньше якобы насыпной курган. Позднее по склону кургана была проложена дорога, и по обеим сторонам ее насыпь была распахана. Но вдоль дороги, между нею и пахотой, были оставлены небольшие полоски непашанной насыпи. Остатки этой насыпи и по сей день сохранились вправо от дороги, если идти из деревни, в виде поросшего отдельными кустами бугорка шириной в 1.5—2 м и высотой до 0.5 м. Без сомнения, этот останец должен явиться первоочередным объектом исследования.

В самой деревне Бартым, по словам старожилков, на огородах не раз находили медные монеты, а на пахотном поле к ЮЗ от деревни — медные и серебряные фигурки животных и монеты, причем место это называется «могильник». Серебряные изделия при погребениях наиболее вероятны в ломоватовскую эпоху, т. е. синхроничны распространению в Прикамье древнего восточного серебра. Все упомянутые находки утрачены.

Неподалеку, между деревнями Кокчиково и Кисели, на южном склоне большого холма, в уцелевшей среди пашен небольшой осиновой роще видны остатки 26 круглых насыпей курганов, уже разорванных пашней на две части. Высота курганов в настоящее время в среднем около 0.6 м, диаметр — 4—5 м.

К сожалению, все курганы имеют в центре кладоискательские ямы. По словам местных жителей, поиски ценных вещей производились здесь еще очень давно, причем старики якобы находили в этих курганах серебряные и золотые вещи. Последний раз раскопки одного из курганов производились лет десять назад; здесь были найдены черепки неорнаментированной посуды. Среди населения этот памятник известен как «чудской могильник»; с ним связано обычное в Приуралье предание о самопогребавшейся чуди. В старину местное население устраивало здесь игрища. Вероятнее всего, перед нами один из редких, мало изученных могильников харинского времени (IV—VI вв.). Контрольные его раскопки еще могут дать ценный научный материал.

Наконец, километрах в пяти к СЗ от Кокчикова, у дер. Верхняя Сая, опросом установлено городище, известное под названием «крепости», с хорошо сохранившимся земляным валом 3—4 м высотой.

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

К. В. САЛЬНИКОВ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ В ЗАУРАЛЬЕ

В Среднем Зауралье часто встречаются на возвышенностях и в предгорьях выходы гранитных горных пород в виде отвесных скал — останцев, на вершине которых обычно имеется маленькая площадка. Скалы эти — результат выветривания гранита с плитчатой структурой; часто они кажутся сложенными из громадных плит и глыб. Местное население называет их «каменными палатками».

Наиболее известны: Шарташские палатки на окраине Свердловска; палатки на оз. Мелком, близ Свердловска; «Чертово городище», в районе Исетского озера; Шабровские палатки, у с. Седельникова, в районе Исетского озера; Шабровские палатки, у с. Седельникова; «Голый камень», у Нижнего Тагила. К ним примыкают вершины гор Караульной, у Северского Завода, Думной и Азов у Полевского Завода и др.

Давно уже отмечено, что на многих каменных палатках обнаруживаются следы пребывания древнего человека. На них находят обычно черепки, мелкопережженные кости, угли, а также отдельные мелкие предметы. Эти находки встречены и непосредственно на поверхности верхней площадки, и в толще почвы, которая имеет совсем незначительную мощность, залегая прямо на скале, и в расщелинах скал, а также у подножья их.

Перечисленные памятники обычно рассматриваются как места жертвоприношений. Неудобство обитания и сооружения жилищ на этих голых труднодоступных, с незначительной площадью скалистых вершинах, а также состав и условия залегания находок говорят в пользу такой трактовки. Среди находок бросается в глаза значительное количество предметов, связанных с культом. На палатках у оз. Мелкого,¹ на Шарташских палатках,² на горах Караульная, Думная,³ Азов найдены птицевидные медные изображения. На Адуйском камне и на горе возле Палкинского городища найдены под каменными плитами человекообразные медные идолы.⁴

Цельные сосуды обнаружены на каменных палатках (Шарташ) под камнями, в расщелинах, т. е. в условиях совсем необычных для поселений.

¹ Архивный фонд В. Я. Толмачева (СГОА), папка 21, стр. 478.

² Там же, папка 20, стр. 188.

³ Указатель выставки при VII Археол. съезде в Ярославле в 1887 г., стр. 44; М. В. Малахов. О доисторических эпохах на Урале. Зап. УОЛЕ, т. XI, вып. 1, стр. 7.

⁴ О. Е. Клер. Заметка о Шарташских каменных палатках. Зап. РАО, т. VIII, вып. 1—2 (новая серия).

О. Е. Клер говорит о каменных палатках с керамикой, открытых Н. А. Рыжниковым на «островах» среди непроходимых болот в бывших Березовской и Каменской заводских дачах.⁵ В прошлом и Шарташские каменные палатки, и «Чертово городище», и палатки у оз. Мелкого были окружены болотами и озерами.

Перечисленные факты в сочетании с указаниями на большое число пережженных костей, обнаруживаемых обычно на каменных палатках и скалистых вершинах, на наш взгляд, исключают сомнения в использовании этих пунктов в древности как жертвенных мест.

При этом остается в тени другая группа находок на тех же памятниках, а именно: куски медной руды, шлаки, слитки меди, литейные формы. На горе Караульной, близ Северского Завода, Д. Н. Анучин в 80-х годах XIX в. нашел вместе с черепками, медными птицевидными изображениями, бляхой с ушком, трехгранными стрелами, копьем и лошадиными зубами — руду, шлаки и бесформенные слитки меди. На Думной горе, близ Полевского Завода, Ф. А. Уваров тогда же собрал руду и шлаки, помимо других предметов.⁶ Среди находок с гор Думной и Караульной имеются очень толстые керамические фрагменты из глины красного цвета, почти без изгиба стенок. Эти фрагменты оставляют впечатление обломков каких-то сооружений или изделий, имеющих отношение к металлургии.⁷

В письме Н. А. Рыжникова к О. Е. Клеру от 8 августа 1890 г. читаем: «...в двух верстах от Чертова городища — каменные палатки с навесами. У подножия их я нашел черепки, кости, камень с двумя дырочками и шлаки».⁸ На каменных палатках близ оз. Мелкого в 1897 г. Гаккельм обнаружил обломок литейной формы для кельта. На вершине горы, в Полевском Заводе, оказалась керамика, два слитка меди, шлак с остатками медной руды, малахит. Того же рода находки оказались по дороге на рудник у горы Азов — шлаки и куски медной руды.⁹ Есть сведения о поступлении в Музей Уральского общества любителей естествознания остатков плавильного горна с Шабровских палаток у дер. Седельниковой.¹⁰

На Шарташских палатках, кроме керамики и костей, обнаружены следующие вещи: осколки кремня, кремневый наконечник стрелы, костяной наконечник ромбическо-уплощенной формы, пряслица из черепков и талькового сланца, железный нож со стержнем для рукоятки (длина ножа 11 см), сланцевый точильный брусок, бронзовая подвеска в виде коника, с отверстием в спине, обломки поделок из листовой меди (один из них с ушком, прикрепленным медными заклепками), слиток меди, шлаки и два черепка, ошлакованные с внутренней стороны.¹¹

Тот же состав находок и на «Чертовом городище»: керамика, пряслица из черепков и глины, кусок обожженной глины, каменный точильный брусок, костяной наконечник стрелы ромбической формы, обломки железа, шлак, колоколообразная подвеска из беловатого металла, обломки поделок из листовой меди с заклепками.¹²

Много медного шлака и кусков медной руды, наряду с медными ножами, костяной стрелой, разноцветными бусами и керамикой, найдено в 1940 г. на вершине горы в районе станции Исеть.¹³

⁵ Там же.

⁶ Указатель выставки при VII АС..., стр. 44.

⁷ ГИМ, инв. № 44761, планшеты № 115/26-6, 115/27-6.

⁸ Фонд В. Я. Толмачева, папка 22, стр. 740.

⁹ Там же, папка 21, стр. 522.

¹⁰ Зап. Уральск. об-ва любит. естеств., т. XII, вып. 1, стр. 75.

¹¹ Фонд В. Я. Толмачева, папка 21, стр. 460.

¹² Там же.

¹³ Е. М. Берс. Археологические памятники гор. Свердловска и его окрестностей. Материалы I Научной конф. по истории Екатеринбурга — Свердловска, 1947.

Изложенные факты заставляют поставить вопрос о какой-то связи древних уральских жертвенных мест типа каменных палаток с металлургическим производством. Находки на памятниках этого типа шлаков, руды, а иногда слитков меди и литейных форм указывают, что здесь производилась отливка бронзовых изделий и выплавка металла из руды.

Чем же объяснить такое, казалось бы, несовместимое сочетание в одних и тех же пунктах отправления культовых обрядов и производственной металлургической деятельности? Попытку дать этому факту объяснение делает Д. Н. Эдинг в связи с находкой литейной формы на Горбуновском торфянике, где он исследовал остатки древних сооружений на болоте, которые им тракуются как культовое место.

«Противоречия между назначением культового места и производственным характером литейной формы не настолько непримиримы, как это кажется,— говорит он;— метаморфоза, которую претерпевает руда, давая металл и становясь материалом для наиболее совершенных орудий,— проходила фазы, совершенно неизвестные из старой практики обработки дерева, рога и камня; для понимания этих фаз, конечно, нехватало знания естественных законов, и вряд ли будет ошибочным предположение, что превращение землистых и каменистых пород в блестящий и звонкий металл объяснялось участием сверхъестественных сил. Поэтому представляется вполне возможным включение в чисто производственный процесс обращения к духам на традиционных культовых местах, куда для магических процедур приносили и орудия металлургической практики».¹⁴

Из приведенных выше примеров мы видим, что на культовых местах, расположенных на скалистых вершинах, дело не ограничивалось магическими процедурами, что на скалах производилась сама плавка руды (шлак) и отливка бронзовых изделий (ошлакованные тигли, литейные формы, слитки меди). Не отрицая элементов магии в этом случае, мне кажется, надо учесть и еще один момент.

Древнейшие разработки касались не всех медных руд, а лишь окисленных как наиболее доступных. Такие именно руды и добывались в районе Свердловска в древности. Выплавка из них металла возможна без устройства особых сложных сооружений. Достаточно груды руды обложить большим костром, чтобы получить медь, при обязательном лишь условии — хорошем дутье. На вершинах скал сильное естественное дутье было обеспечено. Это приводило к особенно эффективным результатам при плавке в таких пунктах. Не исключена возможность, что и первоначальное знакомство с процессом плавки, с процессом получения металла из камня состоялось именно на таких скалах, где особенно легко мог выплавиться металл из кусков медной руды, случайно попавших в костер, может быть даже жертвенный, культовой. Воображение первобытного человека населяло высокие, бросающиеся в глаза скалы сверхъестественными существами, духами. В таких условиях объяснение происхождения металла вмешательством духов было единственно приемлемым для первобытного человека. В одних случаях, за каменными палатками и вершинами гор, где и раньше приносились жертвы духам, закреплялись эти функции, в других случаях, вслед за удачной плавкой, вершину горы начинали рассматривать как место обитания духов и превращали ее в место жертвоприношений, не прекращая использования ее в металлургических целях.

Эти два действия — плавка металла и жертвоприношение — таким образом, находились в районе развитой древней металлургии во взаимосвязи.

¹⁴ Д. Н. Эдинг. Резная скульптура Урала. М., 1940, стр. 14.

Площадь распространения рассматриваемых памятников в основном совпадает с площадью развитой древней металлургии I тысячелетия до н. э. Этот район дает много предметов из случайных находок и из исследованных памятников скифо-ананьинского времени. Горы же Думная и Азов сами содержат медную руду, разработка которой в древности не исключена. Поблизости от них расположен известный Гумешевский рудник, эксплуатировавшийся во второй половине I тысячелетия до н. э. Датировка жертвенных мест на каменных палатках и вершинах гор этим же временем не вызывает сомнения. Круглодонные, бомбовидные сосуды с невысоким горлышком, с характерным гребенчатым и резным орнаментом по горлу и плечикам и ямками на грани горла и плечиков, которые обнаруживаются на этих памятниках, очень близки, а иногда и тождественны сосудам с городищ этого времени из предгорий Среднего Зауралья (Иртяш, Каменногорское и другие). Обломки изделий из листовой меди, в которых листы соединялись посредством склепок, изготовлявшихся из свернутых в трубочку медных листочков, найденные на Шарташских палатках и «Чертовом городище», аналогичны находкам на исетских городищах скифо-сарматского времени (Воробьевское, Катайское, Мыльниковское).

Наконец, лучшим датирующим материалом служат бронзовые трехгранные наконечники стрел, встреченные на Караульной горе,¹⁵ а также наконечники копий ананьинского типа, найденные там же и на горе Азов; бронзовая бляха в форме свернувшегося драконовидного существа, происходящая с той же горы. Наконец, пгичевидные медные изображения также должны относиться к описываемому времени.

---

¹⁵ Указатель выставки при VII АС..., стр. 44; фонд В. Я. Толмачева, папка 9, стр. 252.

В. Д. БЛАВАТСКИЙ

О БОСПОРСКОЙ КОННИЦЕ

Посадка греческих всадников хорошо известна по трактату Ксенофонта¹ и многочисленным изображениям на памятниках искусства, в том числе на зофоре Парфенона.² Произведения греческой торевтики,³ найденные в богатых погребениях северопричерноморских степей, хорошо знакомят и с посадкой скифов. Сравнение этих изображений свидетельствует о том, что в обоих случаях мы имеем дело с близкой системой посадки, которая применяется и в наши дни, когда всадник сидит на неоседланной лошади. Это — глубокая посадка, со строго симметричным положением тела, с слегка откинутым назад корпусом и с очень крепким шлюсом. Ноги всадника располагаются совершенно параллельно бокам лошади.

Греческие и скифские всадники употребляли в конном бою ударное или метательное оружие, которое держали одной, правой, рукой. В силу этого греческие и скифские копья, применявшиеся конницей в рукопашном бою, были довольно легкими и сравнительно короткими, что и позволяло всаднику точно направлять удар, держа древко одной рукой. В качестве примера назовем хотя бы известное надгробие Даксилея,⁴ где последний представлен поражающим копьем неприятельского пехотинца; изображения конных скифов в сценах рукопашного боя на гребне из кургана Солоха,⁵ охоты на зайца на золотой бляшке Куль-Обского кургана,⁶ где охотник представлен мечущим дротик (рис. 20). Подобные изображения всадников известны и на Боспоре. К числу их принадлежит фигура скачущего всадника с копьем в поднятой правой руке, изображенная на монетах архонта Гигиэнонта;⁷ монеты относятся примерно к последней четверти III в. до н. э.

Совершенно иные приемы конного боя и связанную с ними посадку мы встречаем на Боспоре во второй половине I и II вв. н. э. — в эпоху, когда он испытывал сильное воздействие сарматов. Наглядную иллюстрацию

¹ Xenoph. De re equestri, VII, 5.

² W. Hege, G. Rodenwaldt. The Acropolis. New York, 1930, табл. 24—27, 29—32, 34—35.

³ См., например, изображения скифских всадников на концах золотой гривны Куль-Обского кургана (И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, т. I, СПб., 1889, стр. 59, рис. 80).

⁴ A. Springer, A. Michaelis, P. Wolters. Handbuch der Kunstgeschichte. Die Kunst des Altertums. Leipzig, 1923, стр. 326, рис. 601.

⁵ А. П. Манцевич. О скифских поясах. СА, т. VII, стр. 20—21, рис. 3.

⁶ И. Толстой и Н. Кондаков. Указ. соч., т. II, стр. 26, рис. 20.

⁷ В. В. Шкорпил. К вопросу о времени правления архонта Гигиэнонта. Сборник в честь А. А. Бобринского, СПб., 1911, табл., рис. 2.

новых приемов дают памятники искусства этого времени — росписи Керченских склепов, раскопанных в 1872⁸ и 1873⁹ гг., а также, вероятно, и склепа, открытого Ашиком.¹⁰ Не менее показателен и посвященный рельеф Трифона,¹¹ найденный в Танаисе (рис. 21).

На всех этих памятниках мы видим конного воина, скачущего на лошади, отдав повод, и держащего длинную пику в обеих руках. Посадка всадника резко отлична от обычной посадки греков и скифов. Чтобы иметь возможность наносить удар очень длинной тяжелой пики, всадник держит ее двумя руками, бросив повод и повернув верхнюю часть торса в три четверти. В таком случае естественным положением торса всадника является поворот левым плечом вперед, позволяющий направлять удар пики пра-

Рис. 20. Изображения скифов на гривне из Куль-Обского кургана

вой рукой. Однако изображения конных копейщиков в искусстве Боспора не дают нам четких данных по этому вопросу. Боспорский художник всегда показывает всадника повернутым грудью к зрителю, в силу чего выдвинутым вперед оказывается то левое, то правое плечо — в зависимости от того, в какую сторону обращена лошадь.

Ясность вносит бронзовая пряжка, найденная в 1889 г. около Симферополя, представляющая скачущего на лошади всадника.¹² Всадник, сидящий по-сарматски, обращен спиной к зрителю. В силу этого положение торса симферопольского всадника с выдвинутым вперед левым плечом позволяет считать именно такой поворот обычным для сарматской посадки.

Описанное постоянное положение торса всадника на скаку, особенно без стремян, приводит к тому, что колено ноги, в сторону которой повернут торс, неизбежно должно быть также повернуто в сторону.

Таким образом, посадка и приемы конного боя у сарматов отличались значительным своеобразием и требовали от воинов очень большого искусства.¹³ Эти особенности сарматской конницы, нужно думать, были неразрывно связаны с применявшейся ею тактикой. В отличие от скифов, весьма широко применявших оружие дальнего боя, сарматские конники сражались преимущественно в рукопашном бою. Сарматская панцирная конница (катафракты) атакывала противника компактной массой, построенной

⁸ М. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 234, табл. XIV, рис. 1.

⁹ Там же, стр. 305 и сл., табл. LXXVIII, рис. 1; табл. LXXIX.

¹⁰ Там же, стр. 352 и сл., табл. LXXXVIII.

¹¹ Там же, стр. 330 и сл., табл. LXXXIV, рис. 3.

¹² Отчет Археол. ком., 1889, стр. 26, рис. 11.

¹³ В связи с сарматской посадкой нельзя обойти молчанием существующее предположение о применении сарматами стремян. Стремена, встречавшиеся в кубанских курганах при раскопках Н. И. Веселовского, до сего времени не получили надлежащего объяснения. Между тем, если бы это предположение подтвердилось, можно было бы сказать, что введение стремян находится в тесной связи с сарматской системой конного боя. Однако известные нам боспорские изображения показывают всадников без стремян.

клином,¹⁴ и, врезавшись в неприятельский строй, наносила ему сокрушительный удар.

Длинная пика, с применением которой, как мы отмечали выше, тесно связана сарматская посадка, наблюдается уже в росписи склепа Анфестерия у всадника, представленного в мирной обстановке.¹⁵ Относящаяся к

Рис. 21. Посвяtitельный рельеф Трифона из Танаиса

являющих всадников на скачущих лошадях, приводит нас к выводу, что посадка их повторяет обычную греческую систему. Исключение представляет

последним десятилетиям I в. до н. э. или к первым десятилетиям I в. н. э.,¹⁶ т. е. ко временам начала сарматской династии Асандра и Аспурга, эта роспись свидетельствует о вероятном изменении уже в это время боевой посадки боспорской конницы, что, конечно, было связано с изменившимся этническим составом как боспорского войска, так в значительной мере и населения городов Боспора.

Самый беглый обзор дошедших до нас античных терракотовых статуэток,¹⁷ представ-

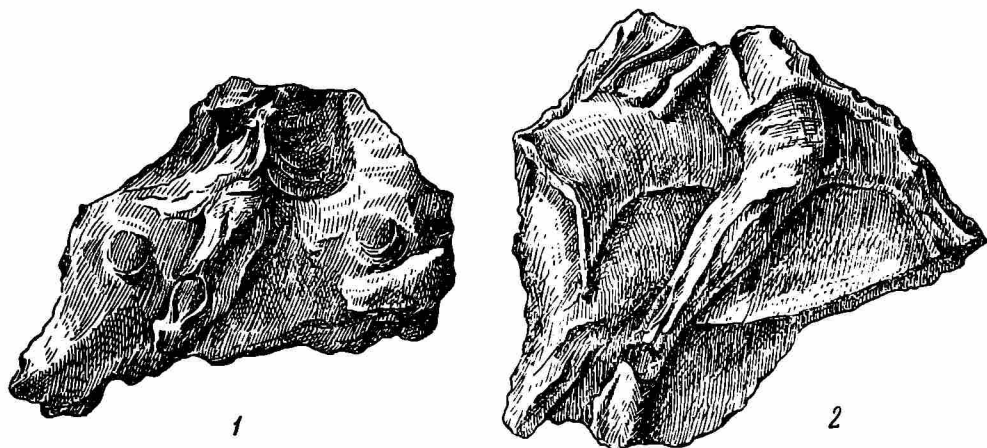

Рис. 22. Обломки терракотовых статуэток

1 — из Фанагории, найденный в 1947 г.; 2 — из Пантикапея

¹⁴ Сведения о клинообразном строе сарматов находим у Арриана в его *τέχνη τακτική* (16,6), причем следует отметить, что этот автор, следуя старой традиции, именует сарматов скифами.

¹⁵ М. Ростовцев. Указ. соч., стр. 174, табл. LI, рис. 6.

¹⁶ М. Ростовцев. Указ. соч., стр. 181.

¹⁷ Fr. Winter. *Typen der figürlichen Terrakotten*, т. II. Berlin — Stuttgart, 1903, стр. 298—302.

только небольшая группа однотипных статуэток,¹⁸ происходящих из Керчи или ее ближайших окрестностей. Там мы видим всадника в высоком головном уборе, скачущим на лошади. Корпус всадника показан в характерном повороте в три четверти (вправо); при этом правая нога повернута таким образом, что колено ее обращено прямо на зрителя.

Существенным дополнением к упомянутым статуэткам, происходящим из Европейского Боспора, является обломок терракотовой фигурки, найденной при раскопках Фанагории в 1947 г. (рис. 22—1). Этот фрагмент представляет собой украшенный фаларами торс скачущей лошади, на которой сидит всадник. От всадника сохранилась только одетая в рейтузы правая нога; однако характерный поворот ее позволяет говорить о знакомой нам сарматской посадке. Описанная терракота была, несомненно, выполнена в Фанагории и относится к позднеэллинистическому времени.

Последнее обстоятельство делает фанагорийскую находку в высшей степени важной для истории верховой езды на Боспоре. Она позволяет утверждать, что сарматская посадка была хорошо известна фанагорийским коропластам уже в эпоху позднего эллинизма, т. е. значительно раньше, чем это можно было заключить на основе прежних данных.¹⁹ Это обстоятельство дополняет картину истории сарматизации Азиатского Боспора, внося один новый штрих и притом не маловажный, ибо конница играла значительную роль и у сарматов и на Боспоре, особенно в последние века его существования.

¹⁸ Там же, стр. 299. К этому же типу относится обломок статуэтки всадника, найденный при раскопках 1947 г. в Пантикапее (рис. 22—2).

¹⁹ Напомним, что по всей видимости сарматская волна сплошным потоком прорвалась на Кубань не ранее конца II в. до н. э.

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

НАХОДКА ЖЕЛЕЗНОГО КЛЮЧА В ПЯНДЖИКЕНТЕ

Во время раскопок здания на шахристане древнего Пянджикента в 1947 г. внутри одного из помещений, у входа в него, был найден железный ключ к дверному замку (рис. 23). Обнаружение специального углубления в стене, где помещался косяк дверной коробки, подтвердило предположение, что дверь закрывалась запором, задвижка которого приводилась в движение

Рис. 23. Ключ, найденный при раскопках здания на шахристане Пянджикента в 1947 г.

посредством найденного ключа. Как полагает В. Л. Воронина, замок действовал по типу запоров, которые и до сих пор бытуют в селениях Горного Таджикистана.¹

По форме своей ключ представляет стержень длиной 12,5 см, согнутый на 8 см под прямым углом. На загнутом конце перпендикулярно к плоскости стержня отходит бородка ключа в виде трех зубцов высотой

1,5 см. Толщина стержня 1,5—2 см.

Представляя определенный интерес в качестве предмета материальной культуры, до настоящего времени в археологии Средней Азии неизвестного, ключ приобретает специальный интерес из-за близкого сходства с одним из предметов, изображенных на бия-найманском оссуарии, опубликованном Б. Н. Кастальским. На это сходство сразу же при находке ключа указали А. Ю. Якубовский и А. И. Тереножкин. Предмет на оссуарии, о котором идет речь, находится в левой руке крайней справа женской фигуры (рис. 24). Б. Н. Кастальский предложил в качестве предположения считать этот, по его словам, «странный» предмет ключом к дверному запору. Такое определение было им сделано на основании сравнения с аналогичными ключами, бытовавшими в деревнях отдаленной от места находки оссуариев Нижегородской губ.² Сравнение оссуарного изображения с пянджикентским ключом исключает всякое сомнение. Правда, при более

¹ В. Л. Воронина. Архитектурное изучение городища в Пянджикенте. КСИМК, вып. XXVIII, 1949.

² Б. Н. Кастальский. Бия-найманские оссуарии Протоколы туркестан. кружка любителей археологии, год XIII, стр. 25.

близком сличении интересующих нас предметов обнаруживаются и некоторые отличия. Так, ключ, изображенный на оссуарии, имеет всего два зубца, в то время как пянджикентский ключ — три. Помимо того, зубцы у первого отогнуты книзу. У пянджикентского ключа, как указывалось, зубцы имеют направление, перпендикулярное к плоскости стержня. Однако эти отличия не могут считаться столь существенными, чтобы видеть в сравниваемых предметах вещи различного назначения. Указанные отличия говорят лишь о разновидностях ключа. Необходимо учесть и трудность изображения на плоскости такого типа предметов.

Таким образом, предмет на бия-найманском оссуарии мы с полной уверенностью можем считать именно ключом от дверей или ворот.

Руководствуясь этим определением, я в данной заметке хочу попытаться истолковать, прежде всего, символическое значение этого ключа, а также, по возможности, и фигуры, держащей его.

В сравнительно обширной литературе, посвященной оссуариям, только А. Калмыков и А. Я. Борисов дают объяснение нашему ключу. Первый из этих авторов, считая, вслед за Б. Н. Кастальским, предмет наш ключом, полагает, что в другой руке у фигуры находится урна (оссуарий). В целом же, говоря его словами, «фигура, держащая гроб и ключ, и должна была запереть его в последнем убежище». ³ Борисов опровергает толкование предмета в правой руке фигуры в качестве гроба; на основании сравнений с другими памятниками изобразительного искусства он предлагает считать предмет этот сосудом для жидкости. Относительно ключа он пишет: «Странного вида вещь в левой руке женщины, напоминающий, по словам Б. Н. Кастальского, деревянный ключ, является, быть может, какой-либо деталью оросительных сооружений». ⁴ В целом, Борисов на основании указанных эмблем видит в фигуре олицетворение водной стихии. ⁵ Ни пер-

Рис. 24. Фрагмент стенки бия-найманского оссуария

³ А. Калмыков. Открытия Б. Н. Кастальского. «Бия-найманские оссуарии». Там же, стр. 52.

⁴ А. Я. Борисов. К истолкованию изображения на Бия-найманских оссуариях. Тр. Отд. Востока. Гос. Эрмитаж, т. II, 1940, стр. 46.

⁵ Там же, стр. 43.

вое, ни второе объяснение мы не можем принять. Толкование Калмыкова явно слишком упрощено. При этом отнюдь не доказано, что в правой руке фигуры находится действительно урна.

Гораздо более серьезно обоснованным является толкование этого предмета Борисовым. В своей очень интересной статье он рассматривает эту фигуру в общей композиции, представленной на оссуарии. Борисов полагает, что фигуры на стенке оссуария олицетворяют собой четыре стихии. Не имея возможности в этой заметке разобрать вопрос полностью, я хочу лишь отметить, что вся композиция является реконструкцией Кастальского. И полной уверенности в том, что существовал оссуарий, на котором были представлены в данном сочетании все четыре фигуры, мы не имеем. Известны сочетания из этих фигур и в другом порядке. Не исключена возможность, что на оссуарии мы имеем отражение других представлений. Что касается конкретно ключа, то мне кажется, что он ни деталью оросительного сооружения, ни эмблемой водной стихии служить не может.

Как бы то ни было, взяв ключ в качестве исходной эмблемы, мы в состоянии дать удовлетворительное объяснение и всей фигуре. В религиозной иконографии ключ в качестве эмблемы известен. Здесь прежде всего на память приходят ключи апостола Петра в символике католического христианства, где они служат эмблемой врат небесного царства. Как ни далекой, на первый взгляд, может показаться эта эмблема от нашего памятника, тем не менее она ведет нас по правильному пути.

На почве древней Италии с этим атрибутом в указанном значении мы встречаемся и на более ранних памятниках. Так, скульптурные изображения божества Януса также имеют в качестве эмблемы ключи, символизирующие его функции как стража у ворот. С ключом мы встречаемся и в более близком к среднеазиатскому культурному миру религиозном культе — митраизме. Как известно, последний получил чрезвычайно широкое распространение в первые века нашей эры как на Ближнем Востоке, так и на территории некоторых европейских стран. Значение этого культа охарактеризовано у историка Древнего Востока Б. А. Тураева.⁶ В том виде, как он оформился на Западе, митраистический культ является сугубо синкретичным. Здесь он впитал в себя множество элементов местных верований. Однако основные представления, отраженные в нем, как и само название, восходят к религиозным представлениям иранских народов и, по всей вероятности, именно восточноиранских и среднеазиатских.⁷

Митраистический культ на Западе оставил многочисленные памятники изобразительного искусства со сложной и весьма интересной иконографией, которая в основном и дает материал для понимания генезиса и содержания этого культа. Находим мы среди эмблем митраизма и интересующий нас предмет — ключ. Он придан одному из важнейших персонажей пантеона митризма — Зрвану — божеству, которое олицетворяло представление о «бесконечном времени» как первоначальном космогоническом начале. Зрван держит в руках обычно два ключа, однако нередко у него, как и у фигуры на бия-найманском оссуарии, только один ключ. Что касается формы ключей у Зрвана, то они, естественно, отличаются от интересующих нас среднеазиатских. Они отличаются также и между собой. Вместе с тем, некоторое сходство все же имеется. Видимо, в большинстве своем они изображают ключи от дверных запоров, а не от висячих замков (рис. 25).

⁶ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. II, 1936, стр. 286.

⁷ На следы культа Митры в Средней Азии в советской специальной литературе впервые обратила внимание К. В. Тревер. См. «Памятники греко-бактрийского искусства». Гос. Эрмитаж, 1940, стр. 21 и др. Ср. W. Geiger. *Ostiranische Kultur in Altertum*, 1882, стр. 328; A. Christensen. *Études sur le zoroastrisme de la Perse antique*. København, 1928, стр. 6.

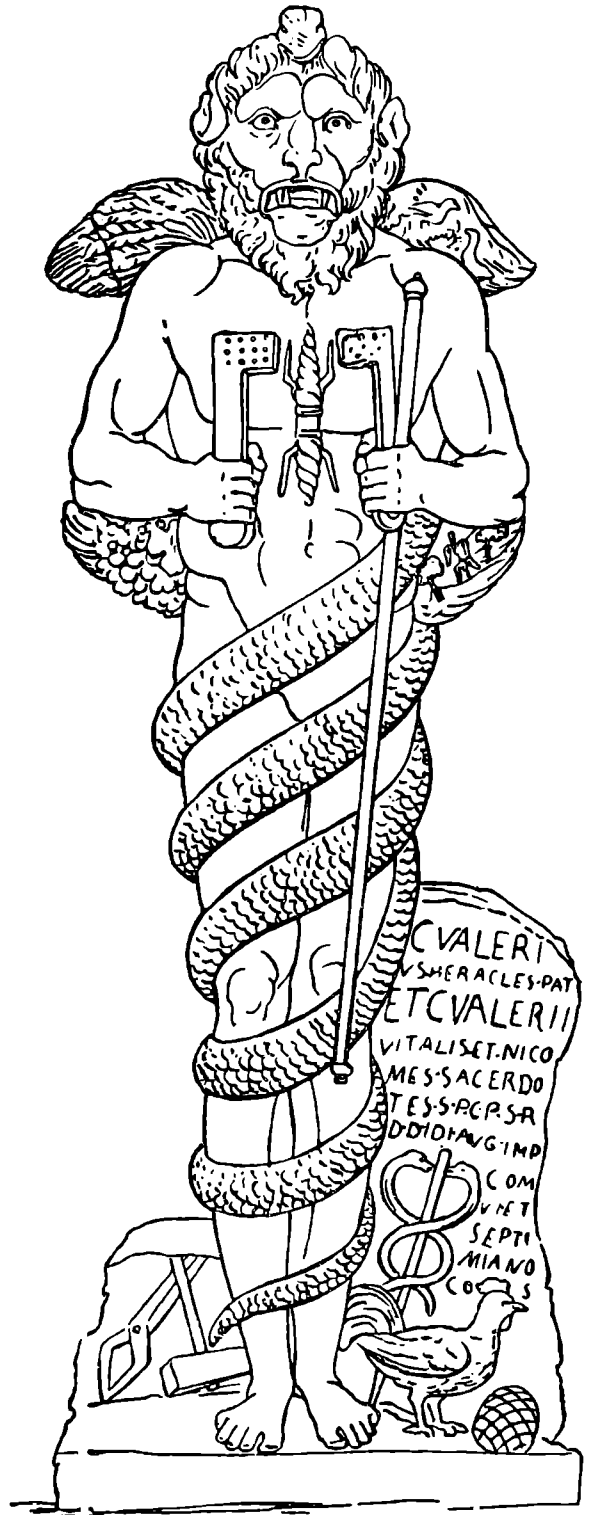
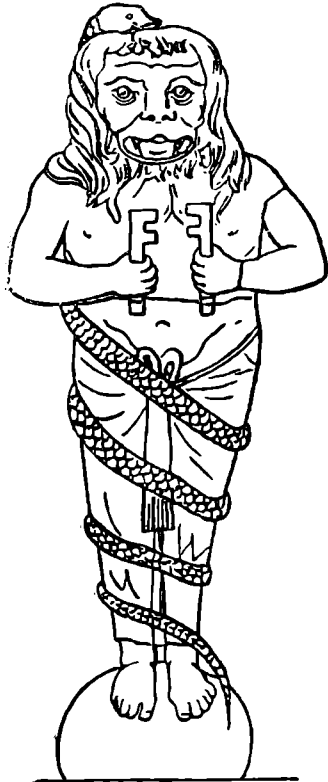

Рис. 25. Изображение фигуры Зрвана с ключами в руках

Символическое значение ключей в руках фигуры Зрвана не вызывает сомнений — это также ключи от небесных врат. Исследователь митраизма и издатель важнейших памятников, относящихся к этому культу, Кюмон, по поводу значения ключей пишет: «Он [Зрван] держит в каждой руке по ключу как владыка неба, врата которого он открывает». ⁸

Мне кажется, это объяснение мы вполне можем принять и для ключа на стене бия-найманского оссуария. Эмблема с таким значением на нашем памятнике представляется вполне уместной.

Вместе с тем, при этом толковании ключа сама фигура на оссуарии, держащая ключ, не получает своего разъяснения. Действительно, изображение фигуры Зрвана в виде мужчины на памятниках митраизма никаких других видимых точек соприкосновения с изображением бия-найманской женской фигуры не имеет. Таким образом, конкретный образ последней остается для нас попрежнему неразгаданным.

Разгадку его мы находим в другом месте. И здесь оказывает помощь наш ключ. Я имею в виду фигуру женского божества, держащую ключ на монетах кушанских царей. Надпись, сопровождающая фигуру этого божества на монетах, раскрывает его характер. Это также хорошо извест-

Рис. 26. Кушанские монеты с изображением Нанайи

ное женское божество Нана, или Нанайа, культ которой прослеживается у многих народов Ближнего Востока. Будучи одним из древнейших божеств вавилонского пантеона, Нанайа, слившись с близким по функциям женским божеством Истар, ⁹ очень рано проникает на иранскую почву, где она выступает и под собственным именем и одновременно в ипостасях местных божеств, как, например, Анахит. ¹⁰

На кушанских монетах, где мы находим ее изображение, помимо надписи, наиболее постоянным признаком ее является ключ (рис. 26). При этом никакое другое из многочисленных божеств, представленных на кушанских монетах, этой эмблемы не имеет. Заслуга определения интересующего нас предмета в качестве ключа принадлежит археологу-нумизмату Н. Н. Забелиной, принимавшей участие в раскопках на Пянджикентском городище. До нее предмет этот определялся как скипетр, ветка или протомы лошади и пр. ¹¹ Однако сличение изображений на монетах с нашими ключами не оставляет сомнения в том, что перед нами ключ, причем в большинстве случаев пянджикентского образца. Направление зубов бородок ключей на монетах является наиболее естественным способом передачи на плоскости того их направления, которое мы имеем на ключе, найденном в Пянджикенте.

⁸ F. Cumont. Textes et monuments figures relatifs aux mystères de Mithra, т. I. Bruxelles, 1899, стр. 294.

⁹ Де Шантени де ля Соссей. История религий, т. I, 1899, стр. 205 и др.

¹⁰ G. Hoffmann. Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer. Leipzig, 1880, стр. 139.

¹¹ Там же, стр. 152; P. Gardnes. The coins of the Greek and scythic kings of Bactria and India. London, 1886, стр. 60 и др.; ср. К. Тревер. Указ. соч., стр. 98.

Фигура Нанайи на монетах, помимо ключа, снабжена, как правило, еще и патерой — священным сосудом для возлияний. Если принять приведенное определение предмета в правой руке фигуры на стенке бия-найманского оссуария в качестве сосуда для жидкости, что, по всей вероятности, действительно так, то окажется, что оба атрибута Нанайи совпадают с таковыми фигурами на оссуарии.

Что касается тех добавочных черт, которые характеризуют обе интересные нас фигуры, например, нимб вокруг головы Нанайи или же корона на голове бия-найманской фигуры, и не совпадающих между собой, то они не могут изменить указанного положения об идентичности этих фигур в качестве культовых образов. Отличия эти, как и разница в трактовке некоторых других деталей, вполне объясняются тем, что рассматриваемые памятники изготовлены в разное время и в совершенно различных стилях. Сверх того, многоликий синкретичный образ такого божества, как Нанайа, дает простор для выделения и подчеркивания различных черт ее ипостасей.

Но какой смысл могло иметь изображение Нанайи на таком памятнике, как оссуарий? Мне представляется, что в этом образе переплелись митрианские представления о ключах врат неба с известным мифом об Истаре (Нанайе), спускающейся в загробный мир в поисках живой воды для воскресения Таммуза — мотив, на памятнике подобного рода вполне оправданный.

Б. А. РЫБАКОВ

ПЕЧАТЬ ГЕОРГИЯ И СОФИИ

(Из истории борьбы горожан Киева с князьями в XII в.)

Среди древнерусских печатей, собранных и изученных Н. П. Лихачевым, есть несколько интересных печатей, оставленных им без объяснений. К ним относится небольшая свинцовая печать тонкой работы, о которой Лихачевым сказано только следующее: «Св. София великомученица (17 сентября), другая сторона — св. Георгий, табл. 1, 17» (рис. 27).¹

Обе фигуры изображены в рост, печать окружена по краю бусовым ободком, нимбы тоже бусовые. Георгий представлен пешим воином с копьем и щитом; София не в виде ангела, а в обычной женской одежде с крестом в руках. По совершенству работы и тщательности деталей печать должна быть отнесена к XII в. Она существенно отличается как от печатей XI — нач. XII в. с их грубоватыми поясными изображениями (печати Владимира Мономаха, Ярополка, посадника Ратигора), так и от печатей конца XII — нач. XIII в., по преимуществу суздальских (печати Андрея Боголюбского, Всеволода и его сыновей).

По своему стилю печать Георгия и Софии чрезвычайно близка к княжеским печатям середины XII в. и, по всей вероятности, киевского изготовления. В Киеве известны подобные печати: Всеволода (Кирилла) Ольговича (Михайловича), княжил в Киеве (1139—1146); Изяслава Мстиславича (Федоровича) — в Киеве (1146—1154); Ростислава (Михаила) Мстиславича (Федоровича) — в Киеве (1158—1167). Вне Киева печати подобной превосходной работы мы встречаем только у епископов Мануила Смоленского (1137—1167) и Нифонта Новгородского (1156).

Таким образом, дата должна быть ограничена 1130—1160 гг. Печать не могла принадлежать митрополиту Георгию (1072), а епископы с именем «Георгий» нам неизвестны. Почти несомненно, что владельцем печати был князь и, вероятнее всего, князь киевский, так как одновременные ей печати иных князей грубее по работе. На княжеских печатях XII в., как правило, при помощи двух изображений патрональных святых сообщалось имя и отчество князя.

Данная печать представляет исключение — колончатые надписи русского мастера четки, каллиграфичны и не оставляют сомнений. Сочетания мужского и женского имени на печатях ни разу не встречены. Мы должны допустить или то, что печать принадлежала некоей Софье Георгиевне, или что владельцем был князь Георгий, изобразивший на сво-

¹ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 2. Л., 1930, стр. 40.

ей печати, в силу каких-то условий, не патрона своего отца, а иной символ — святую Софию.²

Рис. 27. Печать Георгия и Софии

1 — лицевая и оборотная стороны; 2 — увеличенное изображение Софии

Святая София была символом трех городов — Киева, Новгорода и Полоцка; в них были построены в XI в. софийские соборы. Полоцкие печати нам вообще неизвестны для XII в. Новгородские изображения Софии в

² Первое предположение мы должны решительно отвергнуть, так как если бы София была реальным историческим лицом, она должна была бы быть женой или дочерью одного из крупных князей XII в. Между тем ни у одного князя Георгия XII в. мы не знаем ни жены, ни дочери с именем Софии.

виде огнеликого ангела в короне исследованы Арциховским.³ Они не имеют ничего общего с нашей печатью, где изображена не София-премудрость, а великомученица. Думаю, что не только стиль печати, но и сюжет указывает на Киев.

Какой же князь скрывается под именем Георгия? Кто из русских князей XII в. должен был ставить на своей печати рядом со своим патроном Георгием изображение Софии, возможно символ Киева? По времени печать близка к княжению Юрия Долгорукого в Киеве, но все три вокняжения Юрия были въездом триумфатора, победителя враждебных ему киевлян (1149, 1150, 1155) и ни о каком компромиссе речи быть не могло.

Крестное имя Георгия носил также современник Долгорукого князь Игорь Ольгович, убитый по приговору киевского веча в 1147 г. В Елецком синодике сказано: «...князя Георгия, убиенного в Киеве...»⁴ В вотчине Игоря Ольговича стояла патрональная церковь Георгия.⁵ Вокняжение Игоря Ольговича на великом княжении в Киеве происходило в очень напряженной обстановке. 1 августа 1146 г. умер великий князь Всеволод Ольгович, в свои последние дни упросивший киевлян принять на киевский стол после него его брата Игоря Ольговича.

При жизни Всеволода киевляне присягнули Игорю и вторично присягнули после смерти, но затем в городе, очевидно, стала нарастать оппозиция беспокойных союзников-половцев против представителя Ольговичей. Кияне собрались где-то у Туровой божницы и потребовали Игоря Ольговича к себе. «Княже, поеди к нам!» Игорь побоялся появиться на вече и послал к киянам своего брата Святослава, который присягал киевлянам и обещал самоуправление: «Яз целую крест за братом своим яко не будеть вы насилья ни которого же, а се вам и тивун, а по в а ш е й во л и».

С представителями Киева Святослав Ольгович вернулся к брату. «Игорь же съсед с коня и целова к ним [киевлянам] крест на всей их воли».⁶

Итак, перед нами интереснейший факт договора князя с представителями Киева и договора явно неравноправного: Игорь присягал на всей воле горожан Киева, а когда князь, нарушив ряд, вышел из их воли, кияне сначала выгнали его, а затем постановили убить.

Местом сбора киевского веча был зачастую двор святой Софии. Здесь княжеские послы читали киянам грамоты князя; сюда, к святой Софии, прежде всего приезжали вступающие на княжение князья; здесь поставлялись все русские епископы. Как и для Новгорода, святая София была для Киева символом города.

Вполне возможно, что печать Софии и Георгия — это совместная печать горожан Киева и присягнувшего на всей их воле незадачливого князя Игоря Ольговича (Георгия Михайловича), княжившего с 1 по 13 августа 1146 г. и усиленно рассылавшего грамоты к своим врагам и к вассалам. Если это так, то печать князя и города является интереснейшим памятником борьбы киевлян за независимость и победы в этой борьбе.

³ А. В. Арциховский. Изображение на новгородских монетах. Изв. АН СССР, серия ист. и фил., т. V, № 1, 1948.

⁴ Р. В. Зотов. О черниговских князях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в тагарское время. Летопись занятий Археогр. ком., вып. IX, СПб., 1893, стр. 34—36.

⁵ Ипат. лет., 1146 г. «...и потом повелеста [Давыдовичи] зажечи двор и церковь святого Георгия...». ПСРЛ, т. II, стр. 26.

⁶ Ипат. лет. 1146 г. ПСРЛ, т. II, стр. 22.

Игорь не сдержал обещания и очень скоро «не поча по тому чинити, яко же людие хотяху» (ПСРЛ, т. VII, стр. 35). После чего оппозиция возросла «и не угоден бысть кияном Игорь» (Ипат. лет., стр. 123). М. Н. Тихомиров справедливо считает этот «ряд» горожан с князем важным фактом в борьбе за автономию города (см. М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 98).

Л. А. ГОЛУБЕВА

НОВЫЙ ОБРАЗЕЦ СВИНЦОВОЙ ПЕЧАТИ ИЗ СУЗДАЛЯ

Публикуемая печать поступила из раскопок 1939 г. детинца в гор. Суздале, где она найдена в слое XI—XIII вв.¹ Печать представляет собой круглую свинцовую пластинку с ровными краями и четырьмя сквозными отверстиями для продергивания шнура. Диаметр ее — 2,3 см, высота — около 3 мм. С обеих сторон печати в линейных клеймах оттиснуто: на одной стороне изображение богородицы типа «знамение», с обычными буквами $\overline{\text{MP}} \cdot \overline{\theta\bar{\nu}}$ (рис. 28—1), на другой — поясное изображение святого с высоким лбом, большой бородой и руками, поднятыми в благословляющем жесте. По обе стороны помещена надпись греческими буквами:

Ⓐ   ДΘ
 ΘЄ   СΙ = ὁ ἅγιος Θεοδώσιος — св. Феодосий (рис. 28—2).
 Ο   ΟΣ

Рис. 28. Свинцовая печать из Суздаля (увеличено в три раза)

Печать хорошей работы и превосходной сохранности, рельеф изображений довольно высокий (до 1 мм), буквы надписи четкие.

Суздальская подвесная печать аналогична печати, найденной в урочище Крилос, близ Галича (Волынского), и опубликованной в свое время Гру-

¹ Раскопки Ивановского обл. музея (руководитель А. Ф. Дубынин) и ГИМ (руководитель Л. А. Голубева), Раскоп ГИМ, кв. I, 3. Инв. № ГИМ 76/80345.

шевским² и Лихачевым.³ Сравнение убеждает нас в полном сходстве и одновременности этих двух экземпляров и заставляет предположить, что оба они оттиснуты одним штампом. Суздальская печать сохранилась, однако, значительно лучше, чем оттиск из Крилоса.

Подавляющее большинство древнерусских печатей анонимно, и об их принадлежности тому или иному лицу можно судить лишь по изображению святого, патрона и тезки владельца печати. Насколько эти изображения, разнясь лишь именами и характером изображения святого, постоянны на лицевой стороне печатей, настолько же различные бывают изображения на оборотной стороне последних. Они позволяют распределять печати по типам, с учетом территории и времени распространения.

Печати с изображением «знамения» богородицы являлись до сих пор почти исключительной принадлежностью Киевской и Галицкой земель. Греческие надписи на них дали основание Лихачеву датировать этот тип печатей в пределах XI в., с оговоркой, что «в данном случае, когда только имя святого написано в греческой форме, возможно предполагать о времени более позднем»⁴ (т. е. XII в.—Л. Г.).

Древнерусские печати считаются обычно княжескими, хотя Лихачев полагает, что изображение богородицы на печати может говорить о ее принадлежности лицу духовного звания.⁵ Лихачев же приурочивает одну из близких к суздальскому экземпляру печатей с изображением «знамения» на одной стороне и св. Петра — на другой к имени князя Петра (Ярополка) Вышгородского (XI в.).⁶ Печать из Крилоса не была связана в работе Лихачева с кем-либо из исторических лиц, так как мы не знаем до сих пор князя с этим именем ни в одном из русских княжеств дсмонгольской эпохи.⁷

Неизвестно также это имя и в кругах высшего русского духовенства того времени. Наличие суздальской печати Феодосия не позволяет решить этот вопрос, но дает новый материал для выводов в другой области.

Находка двух оттисков одной печати в далеких друг от друга краях является лишним доказательством наличия тесных политических и культурных связей, существовавших между Суздальско-Владимирской и Галицко-Волынской землями на протяжении ряда столетий. Особенно оживленными были эти отношения в XII в., когда политические интересы толкали правившие верхи этих двух княжеств к сотрудничеству друг с другом через голову Киева. Эти отношения поддерживались и личными связями: вспомним, что князь Ярослав Осмомысл был женат на Ольге, дочери

---

² М. С. Грушевский. Печатки з околицы Галича. Зап. Наукового товариства імені Шевченка, т. XXXVIII, № 6. Львов, 1900, стр. 1—4.

³ Н. П. Лихачев. Материалы для истории византийской и русской сфрагистики, вып. 1. Тр. Музея палеографии АН СССР, М.—Л., 1928, стр. 162.

⁴ Там же, стр. 163.

⁵ Там же, стр. 164.

⁶ Там же, стр. 161.

⁷ В Любечском синодике находим единственное упоминание о князе с именем Феодосия (помянутое: «великого князя Феодосия Черниговского и княгиню его Евфросинью»). Время княжения этого князя неизвестно. На основании известия Северского синодика, приводимого архимандритом Филаретом, в котором говорится о помянутом «князь Олега в иноцех Павла и княгини его Евфросиньи», Лихачев считает кн. Феодосия Олегом Святославичем, бывшим северским князем с 1164 по 1180 г.

Но по словам Р. Зотова (см. его статью «О Черниговских князьях по Любечкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время» в «Летописи занятий Археогр. ком., вып. IX, СПб., 1893, отд. I, стр. 41), этот князь никогда не был великим князем черниговским, и известие Северского синодика скорее может относиться к князю Олегу Святославичу, княжившему в Чернигове с 1202 по 1204 г. Однако Зотов считает эту возможность не слишком вероятной и предпочитает вопрос о личности князя Феодосия оставить открытым; к такому же мнению приходит и Лихачев (см. указ. соч., стр. 163).

Юрия Долгорукого, а сын Ольги, Владимир, неоднократно обращался за поддержкой к Всеволоду Большое Гнездо и получал от него помощь в борьбе за утверждение на галицком столе.

Памятники культуры и искусства этих двух областей наглядно свидетельствуют о широте и размахе культурных связей.

Отметим общность печатей с изображением Феодосия по времени и по типу с печатью св. Василия, найденной в Звенигороде Галицком,⁸ и одновременно — различие с печатями, приписываемыми кн. Юрию Долгорукому и Всеволоду Большое Гнездо, с их смешанными греко-русскими надписями.⁹ Заметим также, что наша печать представляет собой первую находку в гор. Суздале.

М. В. СУЗИН

ОЖГИБОВСКИЙ МОНЕТНЫЙ КЛАД XIV в.

В двух километрах от с. Ожгибовки, Пильненского района Горьковской обл., на одном из увалов урочища «Клады» в мае 1936 г. во время вспашки целины был найден глиняный горшок с мелкой серебряной монетой. Разбросанные плугом монеты были собраны работавшими на поле колхозниками. Один из них рассказал о находке учителю с. Ожгибовки, который сообщил о ней в Московский исторический музей.

Горьковский краеведческий музей командировал в Пильненский район инспектора по охране памятников старины т. Карташова. Им была сделана фотосъемка места находки и проведена соответствующая беседа с местным населением. В результате этого часть монет, разошедшихся по рукам, была сдана в Краеведческий музей. Всего музей получил 456 монет и черепок от разбитого глиняного горшка. Согласно газетной заметке (см. «Известия ВЦИК СССР» от 11/V 1936 г.) общий вес монетного клада в момент извлечения его из земли составлял около 3 кг. Как выяснилось впоследствии, большая часть монетного клада попала в руки местного кузнеца, который поспешил ее «сплавить». Сохранившаяся часть (456 монет) 8 октября 1940 г. была доставлена в ГИМ для изучения.

В результате изучения этой монетной находки выяснилось, что она состояла из 130 русских и 326 золотоордынских серебряных монет XIV в.; говорить же о значении клада, большая часть которого утрачена, можно лишь предположительно.

Сохранившийся монетный материал распределяется следующим образом:

I. Русские монеты XIV в.

A. Монеты великого княжества Московского с уделами:

1. Безыменные монеты времени вел. кн. Дмитрия Донского (1362—1389)	6
2. Монеты вел. кн. Василия Дмитриевича (1389—1425)	23
3. Монеты удельного князя серпуховского Владимира Андреевича Храброго (1358—1410)	2

B. Древнейшие монеты вел. княжества Суздальско-Нижегородского конца XIV в. с искаженными арабскими надписями, чеканенные русскими денежниками в подражание монетам золотоордынских ханов:

1. В подражание монетам хана Узбека	12
2. " " " " Джанибека	29

3. В подражание монетам хана Тохтамыша	1
4. „ „ „ других ханов	20
5. Монеты с искаженными арабскими надписями, прототипы которых выяснить не удалось	5
В. Монеты вел. княжества Суздальско-Нижегородского XIV в.:	
1. Вел. кн. Дмитрия Константиновича (1365—1383), чеканенная в гор. Суздале	1
2. Удельного князя городецкого Бориса Константиновича	1
3. Князя Василия Дмитриевича Кирдяпы, в бытность его вел. кн. нижегородским (1387—1391)	23
Г. Русские монеты конца XIV в., не поддающиеся определению	7
<hr/>	
Итого русских монет	130 экз.

II. Татарские монеты ханов Золотой Орды

1. Токтогу . . . . . 690—713гг. хиджры; 1291—1313 гг. н.э.	4
2. Узбека . . . . . 713—740 „ „ 1313—1340 „ „	62
3. Джанибека . . . . . 740—758 „ „ 1340—1357 „ „	168
4. Бирдибека . . . . . 758—761 „ „ 1357—1360 „ „	35
5. Кульпа . . . . . 760—761 „ „ 1359—1360 „ „	12
6. Мухаммед-Науруза . . 760—761 „ „ 1359—1360 „ „	8
7. Хызра . . . . . 760—761 „ „ 1359—1360 „ „	15
8. Орду-Мелика . . . . . 761—762 „ „ 1359—1361 „ „	2
9. Мюрида . . . . . 762—764 „ „ 1360—1362 „ „	7
10. Абдуллаха . . . . . 764—771 „ „ 1363—1370 „ „	1
11. Пулад-Ходжа . . . . . 766 „ „ 1364—1365 „ „	1
12. Азиз-Шейха . . . . . 766—768 „ „ 1364—1367 „ „	2
13. Мухаммед-Булака . . . 770—782 „ „ 1368—1380 „ „	1
14. Тохтамыша . . . . . 781—799 „ „ 1379—1397 „ „	7
15. Неопределенные	2
<hr/>	
Итого татарских монет	326 экз.

Самой ранней монетой оказалось монета хана Токтогу (Сарай, 710 г. хиджры; 1310—1311 гг. н. э.), а самой поздней — хана Тохтамыша (Орда 794 г. хиджры; 1391—1392 гг. н. э.).

Таким образом, в кладе оказались монеты, чеканенные в продолжение 81 года. Характерной особенностью этого клада, в отличие от известных до сих пор кладов с джучидскими монетами, является преобладание монет более ранних ханов и то, что из числа 326 джучидских монет 267 монет оказались обрезанными. Это обстоятельство в значительной мере затрудняет определение самих монет, так как заставило определять их путем сличения с полновесными и более сохранными экземплярами собрания ГИМ. При сопоставлении веса русских монет нижегородского чекана с весом этих обрезанных татарских монет оказалось, что вес тех и других во многих случаях совпадает. Это обстоятельство убеждает в том, что эти татарские монеты обрезаны не с целью хищения серебра, а специально для доведения татарских монет до веса русских, для упрощения торговых сделок при мелких расчетах.

Так как позднейшими из джучидских монет являются монеты хана Тохтамыша, датированные 1392 годом, а среди русских монет клада оказались монеты вел. кн. нижегородского Василия Дмитриевича Кирдяпы (1387—1391), то время зарытия всего этого клада может быть приурочено к последнему десятилетию XIV в.

Г. Б. ФЕДОРОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИТОВСКИХ СЛИТКОВ И МОНЕТ

(Автореферат доклада, прочитанного на заседании Сектора славяно-русской археологии
ИИМК АН СССР 15 марта 1949 г.)

Бытование литовских слитков датируется временем с X по первую половину XV в. Литовские слитки, как рубли, так и гривны, в основе своей, как и русские рубли и гривны, имели исходным весом фунт. Они являлись его кратными частями. Первоначальным весом литовской гривны, как и русской, была одна вторая часть фунта — 48 зол. (204.756 г), а первоначальным весом литовского рубля, как и рубля русского, — одна четвертая часть фунта — 24 зол. (102.378 г).

Литовские гривны известны двух типов: палочкообразные и трехгранные. Палочкообразные гривны известны из трех кладов, в количестве 6 экз. Средний вес — 159.24 г, при колебании от 143.92 до 183.9 г. Средняя проба — 92.5 г. Ареал этих гривен охватывает районы Полоцка, Гродно и Киева и датируются они X—XII вв. Трехгранные гривны известны из десяти кладов в количестве 91 экз. Средний вес — 196.204 г, при колебании от 150 до 211.155 г. Средняя проба — 96.8 г. Ареал этих гривен охватывает Литву (районы Вильнюса и Каунаса), Белоруссию (район Минска и Витебска), Тверское великое княжество, район Стародуба, Украину (Черниговщина и Волинщина). Этот тип литовских гривен наиболее характерный и распространенный.

Литовские рубли делятся на три типа: кованые спиральные, палочкообразные и трехгранные.

Рубли первого типа — кованые спиральные, иначе можно их назвать по ареалу (северо-западная Литва, Белоруссия и пограничные районы Латвии) жмудскими или западнолитовскими. Рубли этого типа известны из шести кладов, в количестве 37 экз. Средний вес — 112.551 г, при колебании от 107.53 до 113.18 г. Проба неизвестна. Датируется первый тип рублей по сопровождающим монетам и слиткам временем с X по XII в.

Рубли второго типа — палочкообразные; по ареалу могут быть (восточная Литва и Белоруссия) названы восточнолитовскими. Они известны из восьми кладов в количестве 336 экз. Средний вес — 104.885 г, при колебании от 65.4 до 130.8 г. Средняя проба — 84.29 г; средняя длина — 13 см. По сопроводительному в кладах материалу рубли этого типа датируются временем с X по начало XIV в.

Рубли третьего типа — трехгранные; по ареалу (вся территория Литовского великого княжества) могут быть названы основным типом. Они известны из 17 кладов в количестве 181 экз. Средний вес — 104.475 г, при колебании от 65.505 до 120.5 г. Средняя проба — 88.9 г; средняя

длина — 13 см. Датируются рубли третьего типа временем с X по начало XV в.

Техника литья литовских слитков аналогична русской, что является еще одним доказательством близости русской и литовской денежных систем.

Литовские монеты бытовали между второй половиной XIV и первой половиной XV в. Вес древнейших литовских монет прямо не связан с весом литовских слитков. Основой монетной стопы в Литве, видимо, служили пражские гроши, наводнившие Литву с начала XIV в. Впрочем, вес первого, древнейшего типа литовских монет находится в определенном соотношении с литовскими слитками и с гирьками для взвешивания серебра и, возможно, как и вес русских монет, исходил именно из веса рубля-слитка.

Все литовские монеты делятся на пять основных типов; техника чеканки их, проба, надписи и другие данные указывают на тесные связи Литвы с Русью.

Первый тип имеет на лицевой стороне изображение копья и креста, на оборотной — русскую надпись «печать»; известен из пяти кладов в количестве 96 экз. Средний вес монет первого типа 1.099 г, при колебании от 0.59 до 1.498 г. Средняя проба — 0.937 г. Датируются монеты первого типа временем от начала 60-х гг. XIV в. до 1382 г. Ареал их охватывает центральную Литву (Каунасско-Тракайский район). Предполагаемое место чеканки — Тракай, а правитель, при котором чеканились эти монеты, — Кейстут.

Второй тип имеет на лицевой стороне изображение копья и креста, на оборотной — изображение столбовых ворот; известен из 18 кладов в количестве 4970 экз. Средний вес — 0.3 г, при колебании от 0.13 до 1.3 г.¹ Средняя проба — 0.5 г. Ареал их охватывает центральную Литву (Вильнюсско-Тракайский район) и Украину. Монеты принадлежат Витовту и чеканены в Луцке и в Вильнюсе. Датируется второй тип 1384 г. — нач. XV в.

Третий тип имеет на лицевой стороне изображение ездоца, на оборотной — изображение столбовых ворот; известен из 16 кладов в количестве 641 экз. Средний вес — 0.397 г, при колебании от 0.283 до 0.640 г. Средняя проба — 0.457 г. Ареал их — центральная и западная Литва и Белоруссия. Монеты принадлежат Витовту, чеканены они в Каунасе и Вильнюсе в период 1390 г. — первая четверть XV в.

Четвертый тип имеет на лицевой стороне изображение ездоца, на оборотной — изображение щита и двойного креста на щите; они известны из двух кладов в количестве 9 экз. Средний вес — 0.422 г, при колебании от 0.31 до 0.56 г. Средняя проба — 0.75. Ареал — центральная Литва и Белоруссия. Место чеканки Вильнюс. Монеты принадлежат Витовту. Дата их 1392 г. — нач. XV в.

Пятый тип — татарские монеты XIV в. с надчеканкой литовских столбовых ворот. Монеты известны из четырех кладов в количестве 58 экз. Вес и проба их точно неизвестны. Ареал — Украина и Белоруссия, где они и использовались в качестве «вспомогательной» литовской монеты. Монеты относятся к Витовту и датируются концом XIV — нач. XV в.

Чрезвычайно близкое сходство литовской и русской денежных систем отражает тесные экономические и культурные связи между русскими княжествами и Литвой, а также указывает на то огромное значение, которое русские люди и русские земли имели в Литовском великом княжестве.

¹ Средний вес характерен для подавляющего большинства монет; наиболее легкие и наиболее тяжелые монеты всех типов — единичные исключения.

IV. ТЕЗИСЫ ЗАЩИЩЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЙ

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ЯКУТИИ ОТ ПАЛЕОЛИТА ДО ПРИСОЕДИНЕНИЯ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ

*(Тезисы докторской диссертации, защищенной в Ученом совете исторического факультета
Ленинград. гос. ун-та в мае 1947 г.)*

1. Представленная работа является первым опытом монографического исследования истории племен и народов, населяющих обширные пространства современной Якутской АССР и отчасти соседних с ней областей до их присоединения к Русскому государству.

В работе обобщены как ранее известные (преимущественно этнографические и лингвистические) материалы, так и обширные новые (главным образом археологические) данные, собранные в результате исследовательской работы автора в Восточной Сибири с 1924 по 1946 г.: на Лене, Колыме, Хатанге, Ангаре и Селенге, в том числе в совершенно не исследованных ранее археологами районах Якутии.

Открытые здесь многочисленные археологические памятники, в сочетании с различными источниками иного рода, впервые дают ясное и целостное представление о неизвестной ранее длительной и сложной истории на протяжении многих тысячелетий (рис. 29) этих отдаленных и суровых по их природным условиям областей Советского Союза.

2. Обнаруженные автором в 1927, 1941 и 1943 гг. палеолитические памятники Ленского края являются самыми северными из известных сейчас памятников этого рода. Они показывают, что уже в конце ледниковой эпохи палеолитические охотники, современники мамонта, впервые проникают на Лену. В это время на территории Восточной Сибири была распространена своеобразная культура арктического типа, по своим важнейшим признакам сходная с позднейшей этнографической культурой приморских зверобоев Крайнего Севера — оседлых чукчей, коряков и эскимосов. Таковы: а) оседлый охотничий уклад, прочные полуподземные жилища и постоянные поселки в наиболее удобных для охоты местах; б) своеобразная строительная техника с широким применением костей мамонта и носорога вместо дерева; в) «глухая» арктическая одежда; г) богатая резьба по кости, связанная с изобилием бивней мамонта, и оригинальное реалистическое искусство, памятником которого на Лене является единственное в своем роде для Азии изображение дикой лошади; д) древний матриархально-родовой уклад, отражением которого в религии является культ женских духов — «владычиц». Вместе с тем, эта древней-

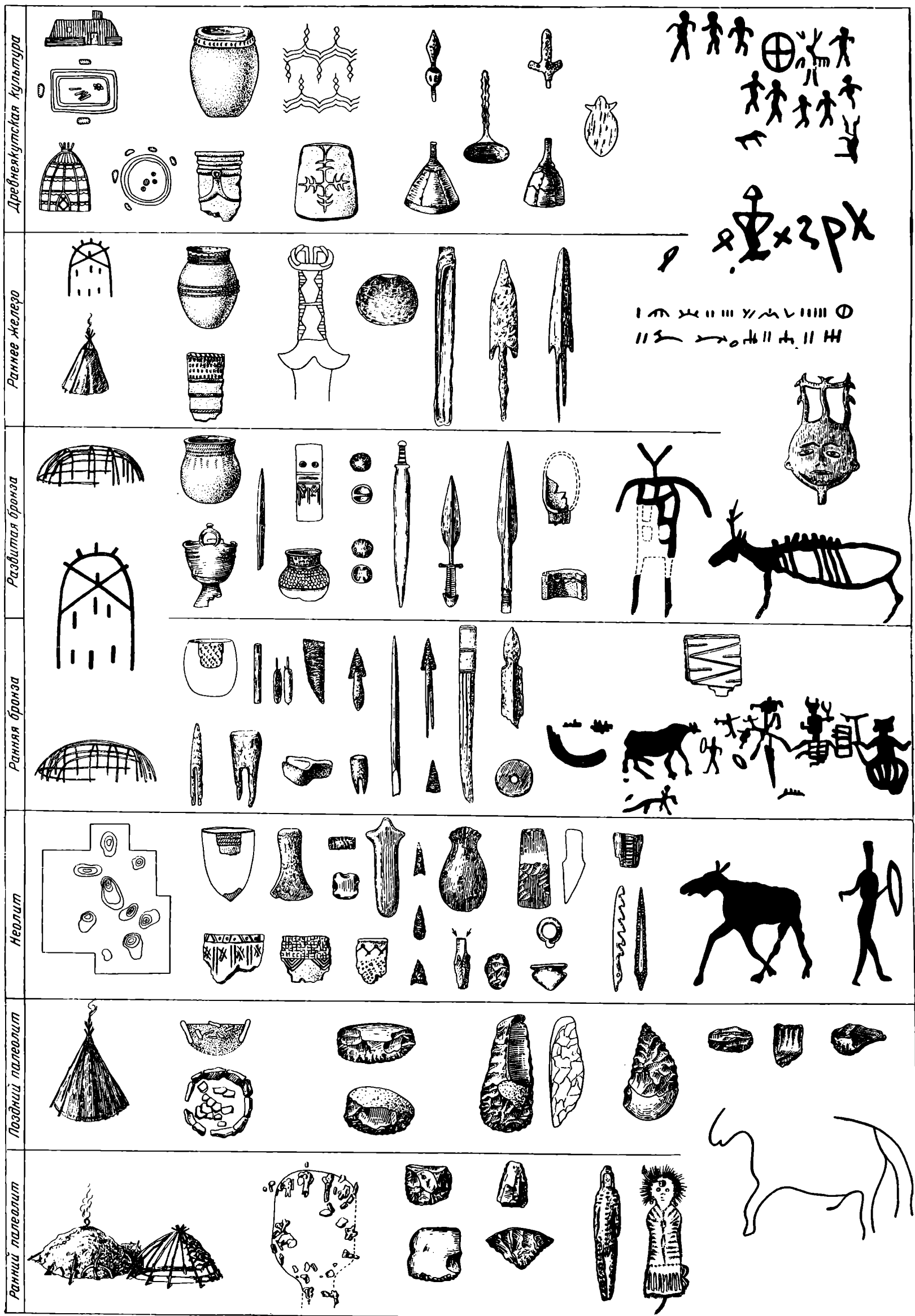

Рис. 29. Таблица археологических культур в Якутии

шая культура Северной Азии, к которой относится самое раннее палеолитическое поселение на Лене — у дер. Чагинской, обнаруживает генетическую связь с ориньяко-солютрейской и раннемадленской культурой Европейской России, откуда, очевидно, в конце ледниковой эпохи и распространились ее носители.

Несколько позже в жизни древнейшего населения Якутии и других районов Сибири происходят крупные перемены. С исчезновением мамонта и носорога древняя полуоседлая культура арктических охотников сменяется новой, с легкими временными жилищами, новыми типами каменных и костяных орудий, иным — более подвижным образом жизни. В результате обособленного существования и связей с племенами Дальнего Востока одновременно оформляется новый антропологический тип — монголоидный. Древние племена Сибири — монголоиды — широко распространяются на север — до Олекминска и Мархачана, а также и по пустынным северным областям Западной Сибири, по направлению к западу.

3. На следующем культурно-историческом этапе (время полированных орудий, керамики, лука и стрел) в соответствии с разнообразными местными условиями в Сибири определяется шесть больших культурно-исторических областей. В это время, около II—III тысячелетия до н. э. неолитические племена, потомки палеолитических обитателей Якутии, завершают первичное освоение ее территории, расселяясь вплоть до берегов Ледовитого океана на севере и до Колымы на востоке. Тогда же здесь выделяются две самостоятельные культурные области. Первая — южная, на территории современных скотоводческих районов Якутии, население которой жило в более или менее постоянных (сезонных) поселках вблизи устьев рек и озер; занималось первоначально главным образом охотой, а впоследствии — преимущественно рыбной ловлей и, отчасти, у Олекминска, — скотоводством (разведение рогатого скота).

Культура этой области обнаруживает много оригинального в формах каменных орудий, типах керамики, а также в области искусства и верований. Памятниками последних являются замечательные росписи на скалах, реалистический характер которых связан с первобытным конкретно-образным мышлением и религиозными воззрениями лесных охотников неолита на ступени зрелого материнского рода.

В центре писаниц — образ лося, отражающий своеобразные космогонические представления («лось — вселенная», «лось — небо», «лось — преисподняя»), культ женского зооморфного божества — тотема («бугады» эвенков) и охотничью магию.

Вторая, субарктическая, культура принадлежала бродячим звероловам лесотундры и тундры Крайнего Севера, связанным не только с югом, но и с западом — вплоть до Прибалтики.

4. В конце II тысячелетия до н. э. в Якутии впервые появляются металлургические изделия, а также широко распространяется искусство обработки металла — меди и бронзы, заимствованное от жителей соседнего Прибайкалья — «глазковцев».

Впервые на Севере появились только единичные и небольшие изделия из металла (иглы, шилья, простейшие украшения), и культура их, в общем, имела еще неолитический характер. Около начала I тысячелетия до н. э. в Якутии появляется превосходное медно-бронзовое вооружение (мечи, наконечники копий) и такие же орудия труда (кельты). Местная металлургия меди и бронзы, опиравшаяся, повидимому, на собственные месторождения меди (Алдан, средняя Лена, верховья Вилюя) и олова (Верхоянье), достигает значительного совершенства.

Происходят важные сдвиги в общественном строе: материнский род уступает место отцовскому. Возрастают связи с другими странами,

особенно раннединастическим Китаем, отчасти — степными племенами Азии.

В субарктической области не прекращаются старые связи с арктическими районами Европы, о чем свидетельствует сходство находок из Оленеостровского могильника на Кольском заливе с нижнеленскими.

5. В противоположность прежним взглядам, устанавливается, что железо сравнительно рано, — около начала нашей эры, — распространяется из Прибайкалья в Якутию. Хотя бытовой уклад местного населения остается в I тысячелетии н. э. в основе прежним, в его культуре все-таки отмечают важные сдвиги. Есть основания предполагать, что резкие изменения в стиле писаниц объясняются вытеснением своеобразной раннеидеографической письменности, осколком которой может быть загадочная юкагирская письменность XIX в.

6. Важнейшим переломным событием в истории Якутии является проникновение на север южных скотоводческих групп, в результате взаимодействия которых с аборигенами возникла современная якутская народность.

Наследием этих южных тюрко- и монголоязычных переселенцев в якутской культуре являются следы знакомства с южной фауной (лев, тигр или барс, кулан), следы степного скотоводческого быта и земледельческого хозяйства, связей с передовыми странами Востока, сравнительно высоко развитого классового строя, письменности; богатый эпос, искусство и религия якутов.

7. Ближайшим к Якутии очагом такой древнетюркской культуры является курыканское Прибайкалье I тысячелетия н. э. Культура древних курыканов (гулиганей китайских источников), возникшая, по видимому, в результате вовлечения охотничье-рыболовецкой варварской периферии гуннского общества в процессе образования древнейшей кочевнической государственности, около X в. н. э. распространяется на север; следы ее влияния прослеживаются почти вплоть до современного Якутска (надпись рунического типа у дер. Петровской). Такое распространение южной скотоводческой культуры связано было, несомненно, с расселением отдельных и неоднородных разрозненных групп пришлого населения (хоро, туматы, ураанхайцы, сахалары, сартолы якутского фольклора), большая часть которых была, вероятно, потомками курыканов.

Этот длительный процесс мог быть усилен событиями 30-х годов XI в., большими передвижениями племен современной Монголии — уходом племени кун и приходом на его место монголов, достигших в это время верховьев Лены.

Последняя и наиболее значительная волна с юга имела место в XV — нач. XVI в., когда обитавшие в Прибайкалье (а ранее — к западу от Байкала) предки якутов — сахалары (потомки Эллея) под предводительством тойона Баджея покинули гору Кюбюлюр у Качуга и ушли вниз по Лене.

8. В результате ассимиляции аборигенов (жители восточных улусов, часть племени нам, вилюйчан и т. д.) и взаимодействия с ними на средней Лене возникает затем новое этническое целое — якутская народность.

При внуке Баджея, сыне Мунньана, знаменитом герое якутских легенд Тыгыне, происходят новые важные события. Изжившие себя древние родоплеменные связи приходят в упадок. Несмотря на энергичную борьбу Тыгына с непокорными родами и временный успех, ему не удается удержать их в рамках старого племенного объединения. Еще при жизни Тыгына в конце этого бурного времени, в «век кровопролитий», «кыргыз сана-та», на Лене появляются русские, и Якутия входит в состав Русского государства: на Севере начинается время писаной истории и новый, во всех отношениях переломный этап исторического прошлого.

Д. Б. ШЕЛОВ

ЧЕКАНКА МОНЕТЫ И ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
НА БОСПОРЕ В VI—IV вв. до н. э.*(Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на Ученом совете ИИМК
АН СССР 19 февраля 1948 г.)*

Пантикапей ранее других городов Боспора начал чеканить собственную серебряную монету. Дата начала этой чеканки не может быть точно определена, но некоторые стилистические и общеисторические соображения позволяют отнести первые пантикапейские монеты к середине VI в. до н. э. Неизменным лицевым типом пантикапейских монет VI и V вв. является изображение львиной морды впрямь. Обычно считается, что этот тип заимствован из самосской нумизматики, но гораздо более вероятно его милетское происхождение; стилистическая же трактовка львиной морды на пантикапейских монетах совершенно самостоятельна и с самосскими монетами ничего общего не имеет. Этот же тип лицевой стороны имеют серебряные боспорские монеты с подписью «ΑΠΟΛ» на реверсе.

Сравнение реверсных типов этих монет и монет пантикапейских заставляет отказаться от распространенного мнения о том, что Аполлония — древнее название Пантикапея или Мирмекия, и признать ее самостоятельным центром, чеканившим свою монету приблизительно в 60—30-х годах V в. до н. э. Немного раньше начинается чеканка монеты в Мирмекии. Мирмекийские монеты имеют на аверсе изображение муравья, а на реверсе — пантикапейские и аполлонийские типы изображений, что объясняется, вероятно, чеканкой мирмекийских монет на монетных дворах Аполлонии и Пантикапея. Чеканка Аполлонии и Мирмекия прекращается в начале 20-х годов V в.; в то же время в Пантикапее происходит перемена реверсного типа монет. Прекращение самостоятельной чеканки второстепенных боспорских городов, может быть, явилось следствием их полного подчинения Пантикапею, от которого они и раньше зависели в экономическом отношении, как это видно из подражательности их чеканки.

Нимфей чеканил серебряную монету очень недолго в последней четверти V в. Прекращение нимфейской чеканки в самом конце V в. связано с присоединением этого города к Боспорскому государству. Также непродолжительна была и серебряная чеканка Феодосии, оборвавшаяся в самом начале IV в. до н. э. с завоеванием Феодосии Левконом I. Отдельные выпуски монеты в Феодосии в IV и III вв. до н. э. могут быть истолкованы как повторяющиеся попытки возвратиться к самостоятельной чеканке в периоды военных столкновений Боспора с Гераклеей Понтийской. Таким образом, эта позднейшая феодосийская чеканка, может быть, является не признаком относительной самостоятельности Феодосии внутри Боспорского

государства, санкционированной спартокидами, как обычно думают, а, наоборот, свидетельством ее непокорности и свободолюбия.

Кроме названных городов, на Боспоре чеканят серебряную монету синды (последняя четверть V в.) и Фанагория (рубеж V и IV вв. до н. э.). Среди типов их монет преобладают заимствованные из нумизматики других греческих городов (Кизика, Гераклея, Афин, Теоса), что свидетельствует о значительной эллинизации азиатского Боспора уже в V в. до н. э. Условия этой чеканки во многом остаются неясными, но не подлежит сомнению, что она происходила до окончательного подчинения Синды и Фанагории спартакидам.

Большинство второстепенных городов Боспора начало чеканку в последней четверти V в., что, несомненно, было обусловлено быстрым экономическим ростом их, связанным, повидимому, с укреплением и расширением их торговли с Грецией и прежде всего с Афинами.

Ранняя серебряная чеканка всех боспорских городов строилась на облегченной эгинской весовой системе; во всех почти центрах употребляются одни и те же номиналы, и весовые нормы номиналов в разных городах совпадают. Это свидетельствует об экономическом единстве всей территории, расположенной на берегах Боспора Киммерийского, и наличии экономической зависимости второстепенных городов от Пантикапея в эпоху, предшествующую их присоединению к Боспорскому государству.

Вся эта ранняя чеканка боспорских городов была рассчитана лишь на местное обращение, как видно, из преобладания мельчайших номиналов и отсутствия статеров; для внешней торговли употреблялась иноземная валюта — кизикины.

В IV в. до н. э. монету на Боспоре чеканит только Пантикапей, причем одновременно выпускается золотая, серебряная и медная монета. Лицевым типом всех пантикапейских монет IV в. является голова с козлиными ушами, то бородатая, то безбородая, принадлежащая какому-то туземному божееству, связанному с культом змееной богини и отождествляемому с греческим сатиром. С тем же культом змееной богини связан и реверсный тип золотых статеров — греко-иранский львиноголовый грифон. Появление этих типов на пантикапейских монетах свидетельствует о силе влияний туземных культурных и религиозных представлений даже на монетное дело на Боспоре.

Пантикапейские золотые статеры, выпускавшиеся, согласно предположению А. Н. Зографа, с 70-х гг. IV в. до н. э. до конца этого столетия, были предназначены главным образом для внешнего обращения, что доказывается находками их в кладах за пределами Боспора. Этим объясняется, вероятно, и своеобразный вес их, рассчитанный таким образом, что стоимость одного золотого статера равнялась стоимости электрового кизикина (гипотеза Зографа), наравне с которыми эти статеры обращались. Распространение золотых статеров Александра Македонского в Причерноморье привело к вытеснению с денежного рынка пантикапейских золотых статеров (так же как и кизикинов). В Пантикапее пытались бороться с этим путем понижения весовой нормы золотого статера до аттической, но попытка эта не удалась, и чеканку золота на Боспоре в конце IV в. пришлось прекратить.

Серебряные и медные монеты Пантикапея IV в. до н. э. подразделяются на серии по стилистическим признакам. Датировка этих серий определяется сравнением их с выпусками пантикапейских золотых статеров и в некоторых случаях анализом совместных находок монет и других предметов в погребениях. Серебро в Пантикапее в IV в. продолжает чеканиться по эгинской системе и играет роль только местного средства обращения, поскольку представлено попрежнему главным образом мелкими номинала-

ми. Такую же роль играет и медная монета, систематическая чеканка которой началась в 30-х годах IV в., хотя первая попытка выпуска меди на Боспоре была сделана еще в первой четверти IV в. до н. э. В последней четверти этого столетия медь постепенно вытесняет из обращения серебро и в начале III в. становится единственным местным платежным средством на Боспоре.

Для внешней торговли, кроме собственных пантикапейских золотых статеров, на Боспоре в IV в. употреблялись иностранные золотые монеты, служившие международной валютой. До 30-х годов это были исключительно кизикины, затем — статеры Филиппа и Александра Македонского.

В первой половине III в. до н. э. денежная система Пантикапея переживает глубочайший кризис, первые признаки которого обнаруживались еще в последней четверти предыдущего столетия. Причинами этого денежного кризиса являются распространение македонского золота, неустойчивость политического положения на Боспоре в конце IV в. и ослабление торговых связей Боспора с Грецией и особенно с Афинами. В этом денежном кризисе проявляется начинающийся уже упадок Боспорского государства.

Н. В. ПЯТЫШЕВА

ТАВРЫ И ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ

(Тезисы кандидатской диссертации, защищенной на Ученом совете ИИМК
АН СССР 27 марта 1948 г.)

1. Задача настоящей работы — показать, что Херсонес с самого начала своего основания был не чисто греческим, а греко-варварским городом.

2. В краткой истории исследований Херсонеса дается история вопроса — считать ли Херсонес городом чисто греческим, отличным в этом смысле от других городов Северного Причерноморья, или признать, что местное население играет в нем роль не меньшую, чем в Ольвии и Пантикапее. Еще С. А. Жебелев заметил, что самое существование греческих колоний Северного Причерноморья было обусловлено в первую очередь теми отношениями, в которых они находились с местными племенами: для Ольвии и Пантикапея — скифы, для Херсонеса — тавры.

3. Вопрос о происхождении тавров до сих пор еще не решен окончательно. Автору представляется наиболее вероятным видеть в них осколок племен, связанных с киммерийцами, населявших берега Черного моря с глубокой древности и вытесненных скифами из области Северного Причерноморья.

4. Границы собственно Таврики определяются историческими и археологическими данными, о чем лучше всего свидетельствует Геродот. Это подтверждает область распространения каменных ящиков, составляющих неотъемлемую часть круга памятников материальной культуры тавров.

5. Эта культура стоит на гораздо более низком уровне, чем культура скифов, но, несмотря на свою кажущуюся изолированность и действительную примитивность, она оказывается связанной с культурами раннескифской, позднекобанской, позднегалльштатской и раннелатенской. Таким образом, по инвентарю каменных ящиков прослеживается ее связь с Востоком и Западом. Социальная организация тавров — родовой строй и военноплеменной союз.

6. Греческие города на побережье Крыма не ставили задачей уничтожение тавров. Рим же поставил под угрозу самое существование тавров как народа. Повидимому, в период римской оккупации тавры объединяются со скифами для борьбы с общим врагом, и с этого момента термин «тавро-скифы», впервые употребленный Страбоном, приобретает настоящий смысл.

7. В эпоху эллинизма и Рима некоторые элементы таврской культуры проникают к народам, населяющим обширную территорию от Днестра до Закавказья. Например, обычай устройства могил в виде склепа — каменного ящика — прослежен мною на всем этом протяжении. Склепы — ка-

енные ящики Керченского и Таманского полуостровов — последний мотик между ранними кавказскими дольменами и более поздними по времени крымскими каменными ящиками, а могилы — каменные ящики херсонесского некрополя — поздние пережитки каменных ящиков горного Крыма.

8. Связь херсонесских греков с таврами осуществлялась по линии культурно-экономической, идеологической и бытовой. Греки заимствуют у тавров культ женского божества (*παρθενός*), ставший главным культом в Херсонесе, а также и многие местные черты этого культа. К таврам начинает проникать чисто греческое восприятие внешнего мира и духовных ценностей, выразившееся в варварском изобразительном искусстве тавров и их культурном общении с греками.

9. Первоначальное торгово-рыбачье поселение на месте Херсонеса, эмпорий, было основано ионийскими греками, судя по обломкам малоазийской керамики, еще в конце VI — нач. V в. до н. э. и располагалось на берегу Карантинной бухты в восточной части городища.

10. Херсонес как город возник лишь после переселения сюда гераклийских граждан, и это событие приурочивается к 422—421 гг., т. е. к последней четверти V в. до н. э., что убедительно доказано академиком М. И. Меньшиковым.

11. Тогда же, повидимому, была запланирована и определенная городская территория, обнесенная крепостной оградой, постройка которой на тот момент была одновременно на всем протяжении. В основу городской планировки лег малоазийский, гипподамов принцип строительства, и эта правильность расположения уличной сети сохранилась приблизительно во все периоды существования Херсонеса.

12. Кварталы с однотипными жилыми и общественными постройками раннеэллинистического времени мы видим на востоке и на западе городища: древнегреческое здание на главной улице, монетный двор, улица из раскопок 1905—1906 гг. Все они аналогичны по стилю и технике кладки городских стен того же периода.

13. Вслед за крупнейшим исследователем Херсонеса А. Л. Бертье-Делагардом я считаю, вопреки мнению многих исследователей, что город рос не постепенно с востока на запад, а строился одновременно, но, несомненно, оживленнее была восточная, портовая часть.

14. Возможность одновременной планировки и затраты больших средств на строительство города совпадает с переживаемым Херсонесом периодом расцвета в раннеэллинистическое время; это связано с приобретением равнины с городом Керкинитидой в западной части Крыма, благодаря владению которой он стал крупным хлебным экспортером, о чем непосредственно говорит крупнейший исторический документ начала III в. до н. э. — присяга херсонесцев.

15. Вопрос о городской планировке и топографии связан с вопросом о взаимоотношениях греков с местным населением.

16. Некрополь со скорченными костяками, обнаруженный в 1936 г. раскопками Г. Д. Белова на северном берегу Херсонесского городища, принадлежал таврам и функционировал в течение IV—II вв. до н. э. Инвентарь погребений заключал греческую керамику и монеты IV—II вв. до н. э., а также большое количество таврской лепной керамики.

17. Некрополь на северном берегу был ликвидирован в период нового расцвета города, после Диофантовых войн, и перенесен в общий загородный некрополь.

18. Материал загородного некрополя позволяет считать, что в эллинистический период в Херсонесе жили преимущественно греки и тавры, а скифы — лишь как отдельные исключения.

19. Варварские имена, стоящие на амфорных ручках и серебряных монетах, и упоминание этника *ταυρικος* позволяют думать, что тавры могли нести определенные гражданские повинности.

20. В период после Диофантовых войн и во время римской оккупации в городе появляются новые этнические элементы — скифы, затем сарматы. В этот период наглядно прослеживается связь Херсонеса с Неаполем Скифским.

21. Отдельные скифы, повидимому, представители скифской знати, с которыми приходилось иметь дело городскому самоуправлению, жили в Херсонесе почти со времен его основания. Скиф фигурирует в числе крупнейших покупателей государственных земель в акте о продаже земель, и Б. Н. Граков справедливо замечает, что скиф этот, повидимому, богач и его превращение в дельфийского проксена очень вероятно. Принадлежность его к полноправным херсонесским гражданам не оставляет сомнений.

В Херсонесе имеются надгробия с изображением скифов. Одно из них — Скифа, сына Феагена, позволяет видеть в этом Скифе жреца главной богини Херсонеса — Девы.

22. По материалу некрополя можно говорить о проникновении большого числа скифских элементов в культуру и быт Херсонеса. Что касается сарматов, то, повидимому, это не были сарматы Кубани и Приазовья, а какая-то иная струя, вышедшая, скорее всего, с Поволжья.

23. На основании многих данных мне представляется возможным говорить о Херсонесе как о городе, в котором местный элемент играл определенную гражданскую роль. Смешанный характер его населения сказался в быту, искусстве, религиозных обрядах и религиозно-идеологических воззрениях. Все вместе взятое составляет ту специфику, которая выделяет его из всех других городов Северного Причерноморья и позволяет говорить о живой органической связи эллинской и варварской культур в античный период истории, которая впоследствии легла в основу культуры племен, сложивших русскую культуру. _____

V. ХРОНИКА

О ПОЛОЖЕНИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

(Информация о расширенном заседании Ученого совета ИИМК АН СССР, состоявшемся 13—14 ноября 1948 г.)

Расширенное заседание Ученого совета ИИМК, состоявшееся 13 и 14 ноября 1948 г., было посвящено обсуждению положения в археологической науке в связи с указанием Президиума Академии Наук СССР на необходимость «подвергнуть анализу состояние научной работы институтов, идеологическую и практическую направленность ее в интересах социалистического строительства, наметив конкретные мероприятия для укрепления передовой науки и ликвидации враждебных на нее влияний». Заседаниям Совета в Москве предшествовало обсуждение положения в археологической науке в Ленинградском отделении ИИМК, так что московская сессия подвела итог обсуждению в целом.

Доклад «Состояние археологической науки, недостатки и задачи работы ИИМК АН СССР» сделал бывший в то время заместителем директора по Ленинградскому отделению ИИМК член-корр. АН СССР В. И. Равдоникас. Докладчик отметил, что прошедшая в августе 1948 г. сессия ВАСХНИЛ, с докладом о положении в биологической науке академика Т. Д. Лысенко, показала неблагополучие и в других отраслях науки, а не только в области биологии, где влияние пережитков буржуазной идеологии проявилось наиболее ярко.

В. И. Равдоникас отметил, что советская археология имеет крупные достижения прежде всего в полевой работе, где советские археологи сделали выдающиеся открытия, приведшие к разрешению многих проблем, ранее чрезвычайно запутанных псевдонаучными идеями буржуазной науки. Советские археологи (С. П. Толстов, Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков) создали и крупные обобщающие работы. Эти достижения бесспорны, но в настоящий момент следует обратить особое внимание не на достижения, а на недостатки и опасности, которые угрожают советской археологии.

Докладчик остановился на книге А. В. Арциховского «Введение в археологию», являющейся учебным пособием для студентов-археологов и историков. Он указал на недостатки этой книги, подчеркнув, что в книге нет развернутого определения предмета археологии; нет в ней и историографического обзора, который показывал бы в историческом плане различные направления в археологии и содержал бы необходимую критику буржуазных теорий; не освещено в книге также и учение Н. Я. Марра, от которого отправляются в своих исследованиях все советские археологи. Между тем, некоторым второстепенным вопросам уделено чрезмерное внимание.

В. И. Равдоникас видит в книге А. В. Арциховского безыдейность и аполитичность, сказывающиеся как в уклонении от освещения крупных дискуссионных вопросов, так и в чрезмерном увлечении вещеведением. Он указывает на то, что книга А. В. Арциховского не встретила своевременно должной критики и, в частности, в Ленинградском коллективе археологов была подвергнута лишь «кулуарному обсуждению».

Далее, В. И. Равдоникас выдвинул обоснованное предположение, что в археологии, как и в биологии, существуют два направления: передовое, понимающее археологию как науку историческую, проводящее последовательно линию партийности в науке, разоблачающее чуждые нашей науке буржуазные взгляды, и формалистическое вещеведческое направление. Так, в изданиях Института в послевоенные годы публиковались чаще описательные работы и отчеты о раскопках, чем проблемные теоретические статьи.

Книга С. И. Руденко «Древняя культура Берингоморья» представляет культуры народов Севера чисто описательно и типологически. Анализируя работы некоторых наших археологов, В. И. Равдоникас указы-

вают на наличие в них некритических заимствований из буржуазной науки, несмотря на то, что эти теории неоднократно подвергались жесткой критике со стороны советских археологов. Так, некоторые культуры у нас, как и в буржуазной науке, до сих пор выделяются по формальным признакам (например, культура шнуровой керамики). До сих пор сходство отдельных вещей или их категорий, встречаемых в разных местах, объясняется только заимствованием или обменом, а возможность возникновения производства этих вещей самостоятельно на известной ступени развития общества игнорируется. В русской дореволюционной науке есть много такого, что совершенно неприемлемо для советской науки. Мы должны использовать из нее лишь прогрессивные течения. Между тем в некоторых археологических работах замечается некритическое использование источников.

В книге В. Д. Блаватского «Искусство Северного Причерноморья» в указателе рекомендованной литературы фигурируют книги М. И. Ростовцева и английского ученого Минза, в то время как работы советских археологов не включены в список.

В. И. Равдоникас обратил внимание собравшихся на недостатки в работе Института в целом. Большие проблемы теоретического характера не ставились ни на пленумах, ни на заседаниях Ученого совета ни в Москве, ни в Ленинграде. В дальнейшем необходимо усилить идейное руководство Институтом, оживить работу пленумов и ученых советов, организовать дискуссии по наиболее важным спорным проблемам. Другим недостатком является нечеткое планирование работы. План Института характеризуется дробностью тематики и в области экспедиционной работы, и в области теоретических работ.

В заключение В. И. Равдоникас пожелал, чтобы советские археологи были последователями «одного единственного направления — марксистско-ленинского...» (стр. 40 стенограммы).

По докладу В. И. Равдоникаса развернулись оживленные прения, в которых выступило более двадцати сотрудников ИИМК, ЛОИИМК и Института археологии АН УССР (Киев). Все выступавшие отмечали своевременность критики работы Института, необходимость повысить теоретический уровень археологических работ, остроту и правильность постановки многих жизненно важных для советской археологической науки проблем. Однако подавляющее большинство выступавших не согласилось с основным положением докладчика — о наличии в советской археологии двух школ, или направлений, из которых одно якобы прогрессивное, другое — реакционное.

При обсуждении доклада В. И. Равдоникаса на заседании Ученого совета ЛОИИМК члены ленинградского коллектива ИИМК (М. И. Артамонов, И. И. Ляпушкин, В. А. Миханкова, А. Л. Якобсон, киевский археолог В. Н. Даниленко и др.), не от-

вергая прямо тезиса В. И. Равдоникаса о наличии в археологии двух течений, решительно высказывались против тенденции докладчика представить дело так, будто прогрессивные ученые-археологи сконцентрированы в Ленинграде, а реакционные — в Москве (стр. 25, 28, 37, 47, 51, 57 и др.), и прямо указывали на фактическую неправильность и политический вред такой тенденции. Из выступавших в прениях на заседаниях Совета в Москве решительно высказались против точки зрения В. И. Равдоникаса: А. Л. Монгайт, Г. Ф. Дебец, А. В. Арциховский, Г. Б. Федоров, П. Н. Третьяков, М. Г. Рабинович, В. А. Богусевич, Н. Н. Воронин, А. П. Смирнов, П. Д. Либеров, С. В. Киселев и Е. И. Крупнов. Они привели примеры, доказывающие, что все советские археологи исходят в настоящее время из прогрессивного учения Н. Я. Марра о стадильности развития человеческого общества, что археология в Советском Союзе давно уже перестала быть вещеведением, что методология советских археологов в основном одина, несмотря на различия в методике работ, и что выделять по какому-либо принципу два исключаящих друг друга направления в советской археологической науке не представляется возможным, так как все наши ученые стоят на позициях марксизма-ленинизма.

Выступавшие обратили внимание В. И. Равдоникаса на то, что при таком положении в археологической науке искусственное конструирование какой-то реакционной школы советских археологов может принести развитию советской археологии существенный вред. Сам докладчик в своем заключительном слове уже не ставил этого вопроса так резко, как в докладе. Принятая Ученым советом резолюция по докладу В. И. Равдоникаса, учитывая развернувшиеся прения, не признала существования в советской археологической науке двух направлений.

Не поддерживая докладчика по этому основному, поднятому им вопросу, все выступавшие в прениях единодушно отмечали существенные недостатки в работе Института в целом и подвергли деловой критике работу дирекции Института и некоторые печатные работы отдельных сотрудников.

Почти все выступавшие отметили, что работы, представляющие собой продукцию Института, не подвергаются своевременно должной критике в стенах самого Института. Вследствие этого были допущены ошибки в вышедших из печати археологических работах.

В прениях были разобраны работы, не освещенные в докладе В. И. Равдоникаса. М. И. Артамонов, Н. А. Бутинов, В. Н. Даниленко, Ф. Д. Гуревич, А. Ю. Якубовский (в Ленинграде), А. Я. Брюсов, А. В. Арциховский и П. Н. Третьяков (в Москве) указали на несамокритичность докладчика, умолчавшего о крупных недостатках своих собственных работ и о недостатках своей работы как руководителя ЛОИИМК. Между тем в последней книге В. И. Равдоникаса «История первобытного общества»

(т. II), помимо фактических ошибок и неправильного применения этнографического материала, что было отмечено при обсуждении книги в Институте этнографии АН СССР, имеются как раз те элементы, против которых он так резко выступал в своем докладе — некритическое отношение к теориям буржуазных ученых и низкопоклонство перед зарубежными археологами.

А. Я. Брюсов и С. В. Киселев говорили о том, что в «Истории первобытного общества» В. И. Равдоникаса чрезвычайно подробно излагаются теории буржуазных ученых — Леви-Брюлля, Фрезера, Тейлора и др. — без развернутой критики этих теорий. В тех же случаях, когда такая критика дается, этим теориям не противопоставляются единственно правильные марксистско-ленинские положения. Фактический материал для иллюстрации концепции автора подобран зачастую случайный; материал по палеолиту дается во всемирном масштабе, по неолиту — уже только в европейском, а по бронзе — только в пределах Восточной Европы.

А. В. Арциховский обратил внимание собравшихся на то обстоятельство, что в книге В. И. Равдоникаса совершенно не отражены успехи советской археологии. Из советских археологов упоминаются всего трое: сам автор, Синицын и Сосновский, в то время как открытия зарубежных археологов, даже самых незначительных, описаны тщательнейшим образом. А. В. Арциховский отметил, что подобное низкопоклонство перед буржуазной наукой не случайно, что и в прежних своих работах Равдоникас умаллял достижения советской археологии и возвылял работы буржуазных ученых. П. Н. Третьяков также указал, что В. И. Равдоникас не был в должной мере строг к своей собственной работе и допустил существенные недостатки.

А. П. Окладников выступил против концепции, изложенной в последней статье П. П. Ефименко «К вопросу об истоках культуры поздней бронзы на территории Волго-Камья». Он возражал против тенденций П. П. Ефименко видеть уже в эпоху неолита единый этнос в населении Восточной Европы и в то же время предполагать заселение лесной полосы СССР путем миграции с юга. А. П. Окладников подверг критике также стремление П. П. Ефименко видеть в повсеместной распространенности тех или иных видов керамики результат простого заимствования. Так, в работах П. П. Ефименко говорится о заимствовании некоторых форм ямочно-гребенчатой керамики с стилизованным изображением лебедя. Ананьинская керамика выводится из карасукской культуры и т. п. А. П. Окладников возражал по некоторым пунктам А. Я. Брюсов, указавший на то, что леса Севера СССР после отступления ледника, поскольку там нет палеолитических памятников, вероятно, были заселены в эпоху неолита людьми, переселившимися из других районов. На формализм, подобный от-

меченному А. П. Окладниковым, свойственный многим археологам, как только они касаются определения археологических культур и проблемы заселения тех или иных районов, указывал на заседаниях Ученого совета ЛОИИМК и А. Ю. Якубовский.

М. К. Каргер подверг критике книгу Н. Н. Воронина «Древнерусские города», в которой видит идеализацию прошлого. Каргер отметил, что самый стиль изложения книги делает образы древнерусских городов чрезмерно идеальными. Н. Н. Воронин в своем выступлении, признавая некоторую идеализацию образов древнерусских городов, сказавшуюся главным образом в стиле изложения книги, убедительно доказал неправильность основных обвинений М. К. Каргера. Он обратил внимание собравшихся на научно-популярный характер своей книги, на специфичность задач этого издания.

С. В. Киселев возражал против некоторых построений наших историков и археологов. В частности, против того, что А. Н. Бернштам в своей работе «Социальный строй орхон-енисейских тюрок» искусственно конструирует уже для VI—VIII вв. единое тюркское государство. С. В. Киселев указал также, что академик Козин, объявляя Чингиз-хана крестьянским вождем, утверждал, будто государство Чингиз-хана было образцом демократии не только в Центральной Азии, но и за монгольским рубежом. Далее С. В. Киселев остановился на том, что А. А. Иессен в своей книге «Греческая колонизация Северного Причерноморья» чрезмерно подчеркивает роль греков как носителей культуры, забывая о том, что они выступали прежде всего как колонизаторы, порабителители местного населения. Другие работы по античной археологии, вышедшие за последние годы, являются только публикациями материалов и не содержат никаких исторических обобщений. Например, М. П. Максимова в статье, напечатанной в сборнике «Эллинистическая техника», не дает характеристики рабского труда и форм рабовладельческой эксплуатации.

М. П. Максимова, А. А. Иессен и В. Ф. Гайдукевич подвергли резкой критике работы, вышедшие за последнее время по античной археологии, указав на недостатки работ В. Д. Блаватского.

В. Д. Блаватский и А. Л. Монгайт говорили о том, что в области античной археологии, несмотря на большую работу и на важные открытия, сделанные советскими археологами, до сих пор отсутствуют общие сводные работы, поэтому приходится еще и теперь ссылаться на работы М. И. Ростовцева и зарубежных буржуазных археологов. А. Л. Монгайт предложил начать работу по публикации свода русских древностей, который отразил бы достижения советской археологии.

С. В. Киселев, М. И. Артамонов, А. Ю. Якубовский и М. Г. Рабинович говорили о необходимости ускорить работу по подготовке таких важнейших обобщающих работ, как том I «Истории СССР» и том I «Все-

мирной истории», работа над которыми началась еще задолго до войны, но которые до сих пор не увидели света.

Н. Н. Воронин и С. В. Киселев призвали археологов, занимающихся славяно-русской археологией, обратиться к разработке проблем, связанных с историей древнерусской деревни, феодального замка и т. п. Важность этих проблем особенно возрастает сейчас, когда в смежных дисциплинах изучение истории крестьянства далеко продвинулось вперед и для дальнейшего его продвижения необходим новый археологический материал.

Б. Б. Пиотровский и аспирант В. В. Шлеев подвергли критическому разбору существующие учебники по истории народов Закавказья.

А. Н. Бернштам, защищая теорию стадильности Н. Я. Марра, предостерегал от ее извращения и упрощенного понимания. Народы, стоящие на одной и той же стадии развития (например, казахи и туркмены), могут употреблять совершенно различные виды орудий труда, утвари и украшений. Поэтому, учитывая эти особенности национальной культуры, нельзя безоговорочно утверждать, что одинаковый способ ведения хозяйства порождает везде одинаковые формы утвари и других предметов обихода и орудий труда.

В. Д. Блаватский поднял вопрос о необходимости теоретической обобщающей работы по методике полевых исследований. Отсутствие такой работы ведет зачастую к кустарничанью при археологических раскопках. Методика Б. В. Фармаковского, которая легла в основу приемов работы почти всех современных советских археологов, изучающих и древнерусские города, во многих своих частях уже устарела и требует существенных изменений и дополнений.

Почти все выступавшие в прениях останавливались на вопросе об опасности для археологов увлечения вещами, которое приводит к формализму в научных выводах. Большинство ораторов подчеркивало, что изучение вещей не является для археологической науки самоцелью, что опасность чрезмерного увлечения вещеведческой тематикой грозит как некая профессиональная болезнь в равной мере всем археологам, а не только какой-либо определенной их группе, как это представил в своем докладе В. И. Равдоникас. Однако в большинстве работ (в том числе и в книге А. В. Арциховского) в основу кладется использование всего материала для подкрепления исторических концепций (например, у А. В. Арциховского — для борьбы с миграционистскими теориями и с норманской теорией), что методологически вполне правильно. Чрезмерное увлечение описанием отдельных памятников и вещей является в советской археологии скорее отклонением от нормы, чем правилом, принятым какой-либо группой археологов. Е. И. Крупнов подчеркнул необходимость самого тщательного изучения вещей, находимых при раскопках, всесто-

ронного их рассмотрения, без чего выводы исследователя всегда будут легковесны.

А. Н. Бернштам, С. В. Киселев и М. И. Артамонов подвергли критике работу редакций «Кратких сообщений ИИМК» и «Советской археологии», а также серийного издания «Материалы и исследования по археологии СССР». Они внесли предложение о том, чтобы на страницах «КСИИМК» и «Советской археологии» печатались обобщающие статьи, разворачивалась критика работы сотрудников Института и других советских археологов, чтобы эти издания стали боевыми органами советской археологии. С. В. Киселев подчеркнул, что «Материалы и исследования по археологии СССР» должны отличаться от издававшихся до революции «Материалов по археологии России» не только по названию, но и по содержанию, и что в них должен быть усилен элемент исследования.

Выступавшие в прениях внесли предложения, направленные на улучшение работы Института в целом.

П. Д. Либеров подчеркнул необходимость систематического изучения сотрудниками Института марксистско-ленинской теории, без чего невозможно двигать вперед археологическую науку. О том же говорили на заседании ЛОИИМК В. А. Миханкова и А. Ю. Якубовский; они указали на важность идеологического роста сотрудников Института и необходимость овладения марксизмом-ленинизмом. П. Н. Третьяков обратил внимание на то, что очень многие недостатки, отмеченные в прениях, указываются уже не в первый раз; в частности, до сих пор не преодолена разобщенность в работе секторов Института. В. Д. Блаватский указал на необходимость тщательной увязки планов. Общий план научной работы Института должен быть составлен так, чтобы усилия всех сотрудников концентрировались вокруг заранее определенных главнейших проблем.

Г. Ф. Дебец, А. Н. Бернштам, А. П. Смирнов, В. О. Довженок и другие говорили о необходимости более тесной увязки плана работы Института как с археологическими учреждениями республик и областей, так и с научными учреждениями, работающими в области смежных дисциплин (в частности, этнографии и антропологии, где совместные с археологами работы могут дать большой эффект).

Почти все выступавшие критиковали работу Ученого совета Института, занимавшегося в основном рассмотрением диссертаций и не ставившего докладов по дискуссионным вопросам. П. Н. Третьяков, С. В. Киселев и В. Ф. Гайдукевич предложили обязательное плановое рецензирование работ еще в рукописях и критический разбор их до сдачи в печать. Подобная критика была бы гораздо своевременней и действенней, чем критика работ, вышедших уже с десятков лет назад, хотя, конечно, и эта критика также нужна.

С. В. Киселев предложил, кроме ежегодных пленумов Института, посвященных ре-

зультатам работы экспедиций, устраивать такие же ежегодные пленумы, посвященные рассмотрению научной продукции Института.

А. Я. Брюсов и С. В. Киселев выдвинули в качестве темы для дискуссии вопрос о хронологии и о понятии археологической культуры. Другой важной темой для дискуссий являются проблемы этногенеза.

Принятая на заседании резолюция констатирует основные недостатки работы Института в целом и продукции отдельных археологов и намечает мероприятия, которые необходимо провести для ликвидации этих недостатков — переработку плана Института в сторону усиления работы над ведущими проблемами нашей науки, в первую очередь над проблемами этногенеза, перестройку работы Ученого совета, организацию критического обсуждения научной про-

дукции Института и организацию критики буржуазной науки.

В заключение признано необходимым на заседаниях Ученого совета периодически ставить доклады по важнейшим вопросам марксистско-ленинской теории в плане применения этой теории в научно-исследовательских работах советских археологов.

По этой резолюции еще в конце 1948 г. дирекцией был принят ряд мер. Произведен пересмотр планов научно-исследовательской работы секторов. Многие планы в корне переработаны.

Дальнейшая работа Института должна быть направлена на преодоление вскрытых на заседаниях Ученого совета недостатков, на создание действительно передовой советской археологической науки, базирующейся на марксистско-ленинской теории.

М. Г. Рабинович

ЗА ПЕРЕДОВУЮ СОВЕТСКУЮ АРХЕОЛОГИЮ ПРИБАЛТИКИ!

(Сессия ИИМК АН СССР, посвященная изучению археологии Прибалтики)

С 10 по 14 мая 1949 г. в Ленинграде проходила сессия, посвященная изучению археологии Прибалтики, организованная Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. В заседаниях сессии принимали участие археологи Москвы, Ленинграда, Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Впервые археологи братских прибалтийских республик встретились для совместной работы со своими московскими и ленинградскими товарищами в стенах ведущего в СССР археологического учреждения — ИИМК АН СССР.

Пленум открыл директор ИИМК чл.-корр. АН СССР А. Д. Удальцов, который тепло приветствовал прибалтийских археологов, подчеркнул важность изучения прибалтийской археологии и пересмотра ее с точки зрения марксистско-ленинской науки. Зам. директора ИИМК проф. А. П. Окладников в докладе охарактеризовал деятельность и передовые взгляды основателя советской археологии — академика Н. Я. Марра. Специалист в области ранней истории славянства, проф. П. Н. Третьяков в докладе «Вопросы этногенеза славян» ознакомил прибалтийских гостей с теми крупнейшими достижениями в области изучения славянского этногенеза, которых добился археолог ИИМК.

С докладом «Основные задачи археологического изучения Прибалтики» выступил крупнейший прибалтийский археолог проф. Х. А. Моора (Эстония). Докладчик отметил, что перед археологами прибалтийских республик стоят две основные задачи: 1) критически пересмотреть результаты работ буржуазных археологов и пересмотреть всю археологию Прибалтики на основе марксистско-ленинской методологии; 2) согласовать научно-исследовательские планы работ по археологии Прибалтики с общим

планом работ, проводимых на территориях смежных республик. Это согласование позволит: а) выдвинуть проблемы, имеющие не только местный, но и более широкий научный интерес; б) организовать совместные экспедиционные и научно-исследовательские работы; в) координировать археологическую работу в прибалтийских республиках с работой ИИМК как ведущего археологического учреждения в Советском Союзе. Кроме того, Х. А. Моора поставил перед участниками сессии ряд конкретных проблем по истории материальной культуры Прибалтики в различные периоды — от мезолита до позднего средневековья.

Ф. Д. Гуревич (ИИМК, Ленинград) в докладе «Древнейшие памятники юго-восточной Прибалтики и задачи их изучения» подвергла критическому пересмотру всю археологическую литературу, относящуюся к юго-восточной Прибалтике, а также наметила основные задачи археологического исследования в этом районе.

Эстонский археолог А. К. Вассар выступил с интересным докладом «Славяно-эстонские отношения в VI—XII веках». Докладчик убедительно доказал, что уже с V—VI вв. между славянами и эстами устанавливаются интенсивные устойчивые и мирные связи, материальным свидетельством которых для периода V—IX вв. является нахождение в Эстонии привозных славянских изделий, а также переход южноэстонских племен к новому способу погребения — к длинным курганам, характерным для ранних славян. В период образования Киевского государства и во время его расцвета славяно-эстонские отношения становятся еще более тесными. Блестящая материальная культура Киевской Руси оказала сильное влияние на эстов, которые позаимствовали

у русских много новых орудий труда: соху, серп нового типа, гончарный круг и т. д. Русское влияние прослеживается и в изготовлении серебряных изделий, в военном деле, в обрядах погребения, в торговле и т. п. Теснее всего эсты были связаны со славянским племенем кривичей, а позднее — с новгородскими славянами и через посредников — с вятичами и дреговичами. В VI—XII вв. основным внешним фактором, содействовавшим социально-экономическому развитию восточной Эстонии, были основанные на взаимных экономических потребностях тесные и постоянные связи с Русью.

Э. Д. Шноре (Рига) прочла обобщающий доклад на тему «Итоги исследования латгальских памятников эпохи железа». Впервые археологические исследования в Латвии были поставлены на научную основу после X Археологического съезда, состоявшегося в Риге в 1896 г. В настоящее время Институт истории и истории материальной культуры АН ЛатССР включил в свой план мало до сих пор разработанные важнейшие проблемы изучения этногенеза латвийского народа и связи его со славянами. Непрерывность развития материальной культуры у латгальских племен прослеживается с III в. н. э. Основой экономики латгальцев были земледелие и скотоводство, при быстро развивающемся ремесле. Особенно тесные торговые отношения латгальцев со славянами начинаются в XI в. Важнейшими путями сообщения служили реки Даугава и Гауя, а также сухопутный торговый путь в Псков. Влияние славянской материальной культуры на латгальцев прослеживается по ряду предметов древнерусского ремесла, найденных в Латгалии, в заимствовании обряда погребения у славян (трупосожжения, погребения в курганах) и т. д.

П. Э. Куликаускас (Вильнюс) сделал обзорный доклад «Исследование литовских археологических памятников». Докладчик отметил, что за последние годы исследование археологических памятников Литвы ограничивалось раскопками разрушающихся древних литовских могильников и курганов. Он охарактеризовал значение раскопанных памятников, дающих яркое представление о материальной культуре Литвы со времен мезолита. Даже эти отдельные раскопки позволили опровергнуть неверные представления буржуазных археологов, как, например, мнение о том, что обряд трупосожжения появился в Литве в X в. под влиянием викингов, так как раскопки, например, могильника в Лайвей вскрыли трупосожжения, четко датированные VIII в. Начавшиеся в самое последнее время планомерные археологические исследования (например, археологическая разведка в Жемайтии, осуществленная в 1948 г. Институтом истории Литвы АН ЛитССР совместно с ИИМК) обогащают музейные коллекции и дают новые материалы, позволяющие приступить к исследованию вопросов литовского этногенеза и взаимоотношений литовских и славянских племен, а также истории материальной культуры на территории Литвы.¹

Доклады по секции каменного и бронзового веков.

Проф. А. Я. Брюсов (ИИМК, Москва) в докладе «Торфяные стоянки СССР и их значение» познакомил участников сессии с достижениями археологов ИИМК по исследованию торфяных стоянок. Это исследование имеет особенно важное значение ввиду хорошей сохранности в торфе органических остатков, дающих полное представление о бытовом инвентаре населения и представляющих полноценный материал для общепригодных выводов и решения важнейших частных вопросов. Раскопки торфяниковых стоянок дают возможность уточнить хронологию бронзового века и неолита для всей территории СССР, разрешить вопрос о древности земледелия на Севере и о характере и приемах древнего домостроительства. Важный вопрос о путях заселения севера Европейской части СССР, в частности Прибалтики, также может быть разрешен на основании исследований торфяных стоянок, причем проведенные уже исследования дают основание считать, что это заселение в послеледниковую эпоху шло с Востока.

Доклад Р. Яблонските (Каунас) «Мезолит в Литве» был посвящен характеристике памятников материальной культуры этого периода на территории Литовской ССР. Древнейшие мезолитические изделия на территории Литвы относятся к свидерской культуре, но представляют собой ее локальный вариант, отличный от свидерских стоянок в Польше. Типичных культур Западной Европы — тарденуазской, маглемозской, кампинийской — в Литве не было: более или менее значительное влияние они оказывали на местные, своеобразные культуры. Тарденуазские изделия не образовали в Литве особой культуры, вошли частично в местную свидерскую культуру. Крупнорубящие кремневые орудия развивались на месте из мезолитических орудий. Большинство орудий кампинийского типа в Литве принадлежит к раннему неолиту. В Литве образовался особый вариант мезолита, причем непрерывность развития местной материальной культуры прослеживается в Литве на протяжении мезолитической и неолитической эпох.

Л. Ю. Янитс (Тарту) прочел доклад «Поздне-неолитические могильники в Эстонии». Древнейшие могильники, известные в Эстонии, относятся к концу эпохи неолита. Погребения, обычно скорченные, на боку, расположены в грунтовых могильниках, на возвышенных местах, среди водоемов и лугов. В могильном инвентаре редко встречается керамика. Обычный его состав —

¹ Дальнейшие заседания предполагалось проводить одновременно по нескольким секциям: секции эпохи камня и бронзы, секции эпохи железа и секции средневековой Прибалтики. Однако ввиду того, что участники сессии выразили желание прослушать все доклады, в дальнейшем все заседания проходили как пленарные, с разделением на секции лишь тематически.

костяные и каменные изделия; из последних характерен каменный ладьевидный боевой топор — первый специальный вид оружия на территории Эстонии. Могильники этого периода известно пока 23; датируются они временем от конца неолита до начала бронзового века. Поселения, одновременные могильникам, еще не обнаружены, но расположение могильников и их инвентарь (в частности кости коз, овец и свиней) позволяют говорить о принадлежности этих могильников к небольшим патриархально-родовым общинам, переходящим к скотоводству. Особый интерес представляет изучение взаимоотношений поздненеолитических могильников Эстонии, Литвы и Латвии с фатьяновской культурой, как более или менее одновременных и стадияльно выражающих одинаковую ступень развития.

Большой интерес вызвал доклад Л. Х. Веллисте (Тарту) на тему «Использование фосфатного анализа для установления древних поселений». В местах более или менее продолжительного поселения людей, в связи с накоплением всяческих отходов и остатков, в почве образуются значительные соединения фосфора. Количество фосфата в культурных слоях в десятки раз превышает количество его в обычной почве, а стойкость и слабое растворение фосфатов обеспечивают сохранность их в почве неизменными в течение тысячелетий. Лаборатория Института истории АН ЭССР путем анализа почвы на содержание фосфата, полученного буровом с различных мест, установила местонахождение ряда древних поселений (неолитической стоянки на р. Выланду и др.). Этот способ вполне эффективен и значительно менее трудоемок, чем производство раскопчных шурфов.

Л. Ванкина (Рига) прочла доклад «Археологические памятники I тысячелетия до н. э. в Латвии». Скудость известных в прошлом археологических находок породила неверное мнение буржуазных археологов о слабой заселенности и упадке культуры на территории Латвии во второй половине I тысячелетия до н. э. Многочисленные исследования археологических памятников, предпринятые в последние годы, опровергли это ошибочное мнение, свидетельствуя о непрерывном развитии хозяйственно-общественной жизни на протяжении всего I тысячелетия до н. э. Могильники этого периода делятся на три основные категории: 1) курганные могильники с группосожжениями, заключенными в каменных ящиках, находимые к северу от Даугавы; они свидетельствуют о связи с северными областями; 2) грунтовые могильники с ящикovidными каменными сооружениями — к югу от Даугавы; 3) курганы с группосожжениями в урнах в юго-западной части Латвии, свидетельствующие о связях с культурой древних обитателей юго-восточной Прибалтики. Следы первобытных поселений в Земгале и Аугшземе, обнаруженные вблизи древних могильников, по характеру материальной культуры (в частно-

сти керамики) сходны с материальной культурой восточной Литвы и Белоруссии, а также с нижними слоями латвийских городищ. Древние латвийские городища относятся к этому периоду и помещаются вблизи луговых пастбищ. Инвентарь погребений, особенно кости домашних животных, свидетельствует об оседлых скотоводах и земледельцах патриархально-родовой общины. Характерен недостаток металла. Особенности и формы памятников материальной культуры позволяют видеть в населении, жившем к северу от Даугавы, отдаленных предков финских и балтийских племен.

С. А. Тараканова (ИИМК, Москва) посвятила свой доклад, основанный на критическом пересмотре литературы вопроса и собственных раскопках в Псковской обл., важнейшему вопросу — датировке длинных курганов. Докладчик доказал, что все длинные курганы, являвшиеся коллективными усыпальницами, насыпались в одно время, а не увеличивались постепенно, как это считал Спицын. Детальный анализ погребального инвентаря позволил изменить обычную принятую в литературе датировку и датировать длинные курганы временем от III—IV до V—VI вв. н. э. Четко прослеживаемая связь между длинными, удлинненными и круглыми кривичскими курганами позволяет считать длинные курганы славянскими памятниками. Несмотря на недостаточную аргументацию отдельных положений, доклад С. А. Таракановой представляет большой интерес и является шагом вперед в изучении вопросов славянского этногенеза.

М. Х. Шмидехельм (Тарту) сделал доклад на тему «Ранний железный век северо-восточной Эстонии». Могильники северо-восточной Эстонии дают возможность проследить непрерывность развития общественно-экономического строя, начиная с позднбронзового века до середины I тысячелетия н. э. Для конца бронзового и начала раннего железного веков в Эстонии характерны каменные курганы с ящиками, расположенные по краям луговых долин рек и береговых террас и свидетельствующие о родовом строе оседлых скотоводов. С ними связаны сходным инвентарем и другими особенностями более поздние виды могильников — в рядовых каменных оградах, возникновение которых относится к I в. н. э., а расцвет — к II—V вв. н. э. Особенности инвентаря и расположение этих могильников среди плодородных массивов позволяют утверждать, что в начале I тысячелетия н. э. скотоводство уступило преобладающую роль подсечному земледелию, а коллективность погребений свидетельствует о развитии патриархальных семейных общин. Этот период характерен также возникновением ряда племенных групп, прогрессом развития производительных сил, обмена и торговли; показателем этого является нахождение в северо-восточной Эстонии привозных вещей из Приднепровья и римских провинций.

Доклад Э. Бривкалне (Рига) был посвящен городищам Латвийской ССР и задачам их исследования. Городища Латвийской ССР являются основными для ее территории памятниками материальной культуры. Они известны со времен бронзового века, с начала I тысячелетия до н. э. и до XIII в. н. э. Укрепления городищ в основном были срубными, но на некоторых городищах устанавливались частоколы или заборы из стоячих бревен и сучьев. Жилища разных размеров строились из горизонтально лежащих бревен, как срубы, или из вертикально стоящих бревен; чаще всего они состояли из одного помещения, реже — из двух, иногда — с погребом под ними. Культурные слои городищ свидетельствуют о наличии земледелия, скотоводства, ремесла, торговли, рыболовства и охоты у жителей городищ. Для правильной оценки найденных при раскопках материалов раскопки городищ необходимо проводить одновременно с раскопками близлежащих от них могильников и селищ.

П. Ф. Тарасенко (Каунас) прочел доклад «Пилкальнисы» (городища) Литвы». Характерными особенностями городищ Литвы являются небольшие размеры, покрытие культурными слоями только отдельных мест площади городищ, сильная насыщенность культурного слоя золотой, очажной смесью и вещевым инвентарем — целыми и ценными бытовыми предметами и украшениями. Литовские городища относятся к бронзовому, раннему и среднему железному векам. Некоторые городища (Покачинское и Возгельское) очень близки по материальной культуре к городищам дяковской культуры. Интереснейшие городища Литвы подробно охарактеризованы докладчиком. Вряд ли правомерно все их относить к обрядовым. Этому утверждению противоречит насыщенность культурного слоя бытовыми предметами, массовой керамикой и орудиями труда, свидетельствующими о том, что, по крайней мере, часть этих городищ была местами поселений.

Р. К. Куликаускиене (Вильнюс) посвятила свой доклад обрядам погребения в Литве в IX—XIII вв. Эти погребения были подвергнуты систематическому исследованию в последние годы. В восточной Литве в IX—XIII вв. существовали только курганные могильники, обычно с трупосожжениями и лишь изредка с трупоположениями, в средней и западной Литве — только грунтовые могильники с решительным преобладанием трупоположений. Со второй половины рассматриваемого периода трупосожжения в средней и западной Литве начинают преобладать над трупоположениями и к концу этого периода господствуют. В средней Литве встречены погребения коней как в тех же могильниках, где были погребены всадники, так и отдельно. Это свидетельствует о выделении в позднем железном веке сословия воинов-всадников. Анализ погребального инвентаря приводит к выводу, что грунтовые могильники сред-

ней и западной Литвы этнически принадлежат жемайте (жмуди), курганы восточной Литвы — аукстотам (славянам). Трупосожжение в Литве распространялось из восточной Литвы в среднюю и западную, что опровергает положение буржуазной археологии о том, что трупосожжения были якобы занесены в Литву норманнами. Вытеснение трупоположений трупосожжениями отразило процесс объединения аукстотов с жемайтами, приведшего в XIII в. к образованию Литовского государства. Доклад Р. К. Куликаускиене был насыщен важнейшим фактическим материалом, блестяще анализированным и теоретически осмысленным.

Л. Р. Метсар (Тарту) прочел доклад «Остров Саарема (Эзель) в XI—XII вв.». Острова Саарема и Муху особенно богаты памятниками материальной культуры XI—XIII вв. На территории их найдено около половины всего вещевого материала XI—XIII вв., обнаруженного на территории Эстонии из многочисленных могильников, городищ, кладов и случайных находок. Природные условия — естественные луга и редкая древесная растительность — благоприятствовали тому, что уже с первых веков нашей эры скотоводство (преимущественно мелкий рогатый скот) играло в хозяйстве Саарема ведущую роль, а с VI в. н. э. получило дальнейшее развитие, о чем свидетельствуют, в частности, находки кос, применявшихся для заготовки сена на зиму. К XI—XII вв. на первое место выдвигается пашенное земледелие, которое сочеталось со скотоводством, рыболовством и тюленьим промыслом. К этому же времени Саарема становится одним из главных центров морской торговли в Прибалтике, о чем свидетельствуют и письменные источники, и археологические находки. Жители Саарема были связаны с другими прибалтийскими племенами, а также с Новгородом, Псковом и соседним островом Готландом. Археологический материал свидетельствует о том благоприятном воздействии, которое оказало на развитие материальной культуры Саарема Киевское государство и вообще отношения с русскими землями и городами. Социально-экономическое развитие Саарема характеризуется в XII в. следующими чертами: образование крупных территориальных общин, отделение ремесла от земледелия, превращение войны и грабежа в постоянный промысел, рост богатств и расширение заморской торговли, превращение благородных металлов в деньги. Общественные отношения к XII в. достигают стадии военной демократии, причем характерной особенностью Саарема является отсутствие знати и образование слоя зажиточных масс свободного и малозависимого населения, а также многочисленных рабов.

На секции средневековой Прибалтики было заслушано четыре доклада.

Г. Б. Федоров (Москва, ИИМК) прочел доклад «Топография кладов с литовскими слитками и монетами» (см. стр. 64 и сл.).

П. А. Рапопорт (Ленинград, ИИМК)

прочел доклад «Из истории Гродно в XIII—XIV вв.». Анализ строительно-технических особенностей «Верхней церкви» в Гродно позволяет датировать ее второй половиной XIII — первой половиной XIV в. Несмотря на плохую сохранность и очень небольшие размеры, «Верхняя церковь» имеет большое значение для изучения связей древнерусской культуры с литовской. Этот памятник — единственная известная постройка, отражающая в архитектуре процесс сложения культуры Литовского государства на базе культуры русских феодальных княжеств, в частности Гродненского княжества.

М. Вилсоне (Рига) посвятила свой доклад археологическим раскопкам в гор. Риге. Эти раскопки, вскрывшие в различных районах Риги мощные культурные слои XI—XII вв., опровергают мнение о том, что Ригу построил в 1201 г. епископ Альберт якобы на пустом (ненаселенном) месте. Культурные слои XI—XII вв. позволяют утверждать, что в этот период в районе Риги жили латышские и ливские племена, главным занятием которых были рыболовство и охота. Еще к более раннему возрасту относятся найденные в различных районах Риги орудия труда конца каменного и бронзового веков. К первым векам нашей эры относятся найденные в низовьях Даугавы римские монеты, к VI—VII вв. — украшения племен земгалов и летгалов, что свидетельствует о заселении местными племенами низовья Даугавы задолго до вторжения немцев, происшедшего в конце XII в. Древнейшая рижская гавань находилась не на берегу Даугавы, как в настоящее время, а на берегу р. Ридзене, близ ее впадения в Даугаву. Раскопками там обнаружено шесть береговых укреплений, защитная стена начала XIII в., остатки кораблей и лодок, а также древности (особенно изделия из дерева и кожи) латышей и ливов, начиная от XII в., что свидетельствует о раннем поселении в этом районе местных племен.

И. А. Шаскольский (Ленинград) посвятил свой доклад древнейшему прошлому гор. Таллина. Докладчик доказал, что в 1219 г. был основан не город Таллин, как это утверждали представители прибалтийско-немецкой историографии, а лишь датский замок на Вышгородской горе. Основание самого Таллина произошло на несколько столетий раньше и восходит к IX в. В IX в. племенной центр эстонской прибрежной области Ревеле был перенесен из городища Иру, расположенного около современного Таллина, на Вышгородскую гору, что и послужило основанием гор. Таллина.

Основание Таллина связано с началом существования Великого водного пути «из варяг в греки», якорной стоянкой и торговым пунктом на котором был Таллин, связанный, таким образом, с самого своего основания с русскими землями. О древности Таллина говорят материалы эстонского эпоса «Калевипоэг» и перекликающееся с ним русское летописное название Таллина —

Колывань; о значении его в IX—XII вв. как торгового центра говорят многочисленные монетные клады. Таллинская бухта была в XII—XIII вв. важнейшей якорной стоянкой на пути из Новгорода в Европу. В XII и начале XIII в. в Таллине жило и занимало отдельные районы постоянно русское население, обслуживавшее русские корабли и занимавшееся торговлей. Своим бурным ростом древний Таллин обязан расширению торговли между русскими землями и Западной Европой.

Сессия продемонстрировала растущий интерес русских археологов к изучению археологии Прибалтики, огромное количество памятников материальной культуры, найденных в прибалтийских республиках, а также решимость прибалтийских советских археологов критически пересмотреть все буржуазные археологические концепции и серьезно заняться изучением прибалтийско-славянских отношений. Следует отметить, что далеко не весь превосходный археологический материал осмысливается теоретически и используется в качестве исторического источника. Лучше всего в этом отношении обстоит дело у эстонских археологов, имеющих такого выдающегося руководителя, как проф. Х. А. Моора, однако и им предстоит еще много поработать для разрешения, на основании анализа фактического материала, крупных историко-теоретических проблем с точки зрения марксистско-ленинской науки. Сессией принята резолюция следующего содержания.

Сессия отмечает, что доклады, прочитанные археологами прибалтийских республик, показали, что новый отряд советских археологов проделал большую работу по перестройке археологической науки на основе марксистско-ленинской теории. Характерной чертой заслушанных докладов явилось: 1) стремление поставить и решить на основе археологических источников важные исторические и историко-культурные вопросы; 2) критика буржуазных теорий, долго господствовавших в археологии Прибалтики, и 3) стремление решительно перейти к изучению взаимосвязи культуры Прибалтики с культурой славянского мира и русского народа в первую очередь.

Сессия отмечает, что эти достижения являются лишь началом большой работы по созданию подлинной марксистско-ленинской науки о древнейшем прошлом Прибалтики и считает целесообразным выдвинуть основные проблемы.

Изучение мезолита является основной проблемой в виду сравнительного богатства Прибалтики памятниками мезолита.

В области неолита будут продолжены изыскания по открытию новых неолитических стоянок и проведены их раскопки большими площадями, в соответствии с разработанной советскими археологами методикой. Памятники переходного времени — от неолита к бронзе (могильники, торфяниковые стоянки Сарнате, Тамула) — имеют большой ин-

терес, и их исследование нужно продолжать.

Следует организовать разыскание памятников бронзового века и начала железного, в особенности по обеим сторонам восточной границы Литвы и Латвии, и проводить их систематическое исследование, ввиду важности их для освещения вопроса о формировании балтийских и восточнославянских племен.

Из памятников первой половины I тысячелетия н. э. сравнительно хорошо изучены могильные памятники, но мало исследованы городища этого периода; совершенно неизвестны селища. Из этого вытекает основная задача — подвергнуть исследованию городища и селища.

Одной из основных проблем изучения периода второй половины I тысячелетия н. э. является выяснение процесса разложения родовых отношений, связанных, в частности, с возникновением пашенного земледелия. Для этого необходимо продолжать систематические раскопки городищ, которые как раз в этот период достигают в своем развитии нового этапа. Ввиду того, что в этот период прогрессивные связи племен Прибалтики с восточным славянством становятся более тесными, следует уделять особенное внимание исследованию именно этих связей.

Могильники IX—XIII вв. с их древними весьма консервативными традициями не всегда в полной мере отражают развитие общественных отношений. Без дальнейшего детального исследования городищ другие виды памятников не могут дать правдивой картины исторического развития. Для освещения многих вопросов экономического и общественного развития дает важные результаты изучение многочисленных кладов. В этот период, благодаря возникновению в Восточной Европе нового мощного политического и культурного фактора — Древнерусского государства, отношения племен Прибалтики с их восточными соседями ста-

новятся, по сравнению с прежним, значительно более интенсивными. Под прямым прогрессивным русским влиянием у племен Прибалтики, на основе местного развития экономики и культуры, возникает начало государственности (Ерсикское княжество, временно Тарту-Юрьев). Ввиду большого исторического интереса, который имеют археологические исследования соответствующих древних центров, необходимо организовать проведение этих работ в широких масштабах, используя опыт работ в Новгороде, Ладоге, Киеве и других древнерусских городах. При исследовании памятников начала II тысячелетия следует особо отметить вопросы борьбы прибалтийских народов и славян с немецкой агрессией.

Сессия считает необходимым планирование исследовательских и раскопчных археологических работ, подчинение их выдвинутым выше основным теоретическим проблемам, а также начать археологическое изучение Калининградской обл., прошлое которой систематически фальсифицировалось немецкой националистической наукой. Необходимо разоблачать классовую сущность буржуазной идеологии, ее служение капиталистическому обществу как в откровенной, так и завуалированной форме. Это положение относится, в первую очередь, к вопросам периодизации древней истории Прибалтики.

Желательно периодически проводить научные конференции, связанные с изучением археологии Прибалтики.

Сессия выражает уверенность, что тесное сотрудничество археологов Эстонской, Латвийской и Литовской ССР с археологами других республик будет способствовать еще большему росту советской археологической науки, во имя расцвета нашей культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, и явится новым свидетельством сталинской дружбы народов, укрепляющей мощь нашей Великой Родины на пути к построению коммунизма.

Г. Б. Федоров

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АС	— Археологический съезд
ВДИ	— Вестник древней истории
ГАИМК	— Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗОРАСРАО	— Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИРАО	— Известия Русского археологического общества
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра Академии Наук СССР
МАР	— Материалы по археологии России
МАЭ	— Музей археологии и этнографии
МЭ	— Материалы по этнографии
Изв. ООИ	— Известия Отделения общественных наук
СЭ	— Советская этнография
ТОВЭ	— Труды Отделения Востока Эрмитажа
УзФАН	— Узбекский филиал Академии Наук СССР
УОЛЕ	— Уральское общество любителей естествознания

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>М. И. Артамонов.</i> К вопросу об этногенезе в советской археологии	3
<i>А. Н. Бернштам.</i> К пересмотру формально-типологических схем	17
<i>А. В. Арциховский.</i> Преподавание археологии	24
<i>М. Е. Фосс.</i> О терминах «неолит», «бронза», «культура»	33
<i>Л. Р. Кызласов.</i> К истории шаманских верований на Алтае	48
<i>А. Л. Якобсон.</i> О ранне-средневековых крепостных стенах Мангупа	55
<i>Г. Б. Федоров.</i> Топография кладов с литовскими слитками и монетами	64

II. ПОЛЕВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>А. Е. Алихова.</i> Могильник у колхоза «Красный восток»	76
<i>О. Н. Бадер.</i> Бартымская чаша	84

III. МЕЛКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

<i>К. В. Сальников.</i> К вопросу о древней металлургии в Зауралье	92
<i>В. Д. Блаватский.</i> О боспорской коннице	96
<i>А. М. Беленицкий.</i> Находка железного ключа в Пянджикенте	100
<i>Б. А. Рыбаков.</i> Печать Георгия и Софии	106
<i>Л. А. Голубева.</i> Новый образец свинцовой печати из Суздаля	109
<i>М. В. Сузин.</i> Ожгибовский монетный клад XIV в.	112
<i>Г. Б. Федоров.</i> Классификация литовских слитков и монет	114

IV. ТЕЗИСЫ ЗАЩИЩЕННЫХ ДИССЕРТАЦИЙ

<i>А. П. Окладников.</i> Очерки по истории Якутии от палеолита до присоединения к Русскому государству	116
<i>Д. Б. Шелов.</i> Чеканка монеты и денежное обращение на Боспоре в VI—IV вв. до н. э.	119
<i>Н. В. Пятышева.</i> Тавры и Херсонес Таврический	122

V. ХРОНИКА

О положении в археологической науке (Информация о расширенном заседании Ученого совета ИИМК АН СССР, состоявшемся 13—14 ноября 1948 г.)	125
За передовую советскую археологию Прибалтики! (Сессия ИИМК АН СССР, посвященная изучению археологии Прибалтики).	129
Список сокращений	135

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства *С. Т. Полова.* Техн. редактор *А. А. Киселева.* Корректор *М. В. Сытин*
РИСО АН СССР № 3730. А-12938. Издат. № 2239. Тип. зак. № 2456. Подписано к печати 20.X.1949 г.
Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Печат. лист. 8,5+1 вклейка. Уч.-издат. лист. 12. Тираж 2000.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10.